

POSTСОВЕТСКОЕ

и ДИСКУРСЫ
ПРАКТИКИ

УДК 323.2:316
ББК 66.3+60.5
П 630

П 630 POSTСОВЕТСКОЕ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ: Сборник статей.
– Ер.: ФОНД КОНРАДА АДЕНАУЭРА;
АРМЯНСКИЙ ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
2019. – 288 с.

Сборник посвящен проблемам постсоветского и является попыткой с научной точки зрения осмыслить опыт таких стран как Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина. В фокусе представленных статей дискуссии и практики этих постсоветских обществ, касающихся экономики, искусства, истории, образования, культурного ландшафта, гражданского общества. Исследователи и представители гражданского общества из разных стран рассматривают отношение, сложившееся к советскому прошлому, взаимодействия разных акторов, а также системные и структурные трансформации и т. д.

ISBN 978-9939-1-0969-5

УДК 323.2:316
ББК 66.3+60.5

© ФОНД КОНРАДА АДЕНАУЭРА, 2019
© АРМЯНСКИЙ ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2019

POSTСОВЕТСКОЕ

ДИСКУРСЫ
И ПРАКТИКИ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

д-р Томас Шрапель ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В СТРАНАХ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»	7
Ашот Восканян АССИМИЛИРУЯ СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ	11
<hr/>	
Игорь Нарский РОССИЯ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ	21
Грач Баядян О ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ» В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ.....	39
Арсен Акопян О «СОВЕТСКОМ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В АРМЕНИИ.....	51
Ирина Романова МАНИПУЛЯЦИЯ ИСТОРИЕЙ В АКТУАЛЬНОМ ШКОЛЬНОМ УЧЕБНОМ КУРСЕ БЕЛАРУСИ.....	69
Лада Наконечна ПОСТСОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УКРАИНЕ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ. КАЗАТЬСЯ ИНЫМ.....	87
Михеил Сарджвеладзе ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ГРУЗИИ	103
<hr/>	
Йорг Баберовски МЕЖДУ СТРАХОМ И ВОСТОРГОМ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ МОДЕРНА	123
Сирануш Дворян О ПОЛИТИКЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАСИЛИЯ (СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НЕЗАВИСИМОЙ АРМЕНИИ).....	155
Грант Микаелян ТРУДНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА АРМЕНИИ: РАЗРЫВ ОЖИДАНИЙ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПАД И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА	171
Елена Павлова СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЛОГИКА ОРГАНИЗАЦИИ, СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ	197
Игорь Кашу ОТ ИМПЕРИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ: МОЛДОВА ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ К НЕЗАВИСИМОСТИ (1985 – 1991)	213
<hr/>	
Манвел Саркисян КАК МОЖНО ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВА НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ? ..	239
Степан Даниелян ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ.....	245
Татьяна Чулицкая «ПЯТАЯ КОЛОННА» ИЛИ ПАРТНЕРЫ? ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ В ДИСКУРСАХ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ	255
Анна Масна СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ	271
անփնփնիւմ	283
summary	285

Вместо введения

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

д-р ТОМАС ШРАПЕЛЬ

Ф

онд имени Конрада Аденауэра с 2016 года проводит в рамках специальной программы мероприятия в так называемых странах «Восточного партнерства» (далее в тексте: ВП), а именно в Украине, Беларуси, Молдове, Армении, Грузии и Азербайджане. Иногда в них участвуют также участники из Российской Федерации. Таким образом речь идет о бывших советских республиках, которые после распада Советского Союза в 1991 году образовались как самостоятельные государства, основываясь на своей национальной государственности, существовавшей до их советизации.

Концепция ВП была разработана еще более десяти лет назад для того, чтобы после приема в Европейский Союз таких стран Центральной и Восточной Европы как Эстония, Латвия и Литва, Польша, Чехия и Венгрия открыть европейскую перспективу и перед другими восточноевропейскими государствами. Однако при этом имеется в виду не стремление добиться полного членства этих стран в Европейском Союзе, хотя оно также не исключается. Речь идет об углубленных партнерских отношениях с этими странами в контексте европейского развития. С 2014 года действуют Соглашения об ассоциации между Европейским Союзом и Украиной, Молдовой и Грузией. Отношения Армении с ЕС регулируются особым договором с конца 2017 года, который, однако, еще должен быть ратифицирован всеми государствами-членами ЕС. Этот процесс в настоящее время еще не закончен. Также следует отметить, что подход к странам группы ВП весьма дифференцирован.

Тот, кто смотрит на регион ВП из Западной Европы, должен приложить большие усилия, чтобы не делать это через очки Москвы. Это не всегда просто, так как, например, усложнились возможности дифференцированного вещания СМИ из этих стран. Какие надрегиональные газеты или какие электронные средства информации в Западной Европе могут позволить себе воспользоваться услугами журналистов, прямо вещающих из этих стран? Их корреспонденты чаще всего работают, сидя в Москве. Вообще восприятие иногда весьма отличающихся друг от друга развитий в этих бывших советских республиках, которое еще в 1990-х годах было относительно дифференцированным, имеет тенденцию становиться вновь «имперской». Имею в виду, что развития в странах ВП очень быстро обобщаются как «постсоветские».

Понятие «постсоветский» как и множество других терминов, конечно же, является вспомогательным конструктом. В нашем контексте этот термин вообще следует интерпретировать лишь в связи с определенным периодом времени, а именно тремя десятилетиями политического развития, которые прошли после распада советской империи. При этом следует с серьезным вниманием отнестись к тому обстоятельству, что в некоторых странах ВП уже само понятие «постсоветский» рассматривается как проблематичное, так как напоминает о Советском Союзе. Однако в то же время необходимо

изучить вопрос, не кроются ли причины подобных развитий, если такие имеют место, во времени проводившейся сверху «советизации» столь различных этносов. Иначе говоря, мы хотим выяснить, нет ли в странах ВП таких политических развитий, которые в конечном счете объясняются почти 70-летней принадлежностью к советской империи.

Международное научное исследование вопросов, связанных со странами Восточной Европы, получило динамическое развитие в 1990-х годах. Так например, благодаря так называемой «архивной революции», т. е. по меньшей мере временного открытия до того не доступных, контролируемых государством архивов советской империи, стало возможным проводить исследования, которые до того были совершенно невозможны. Какое-то время можно было пользоваться даже некоторыми архивами служб безопасности. Между прочим эта «архивная революция» не ограничилась одной Москвой, а коснулась также архивов в политических центрах бывших советских республик. И вот обнаружилось, что несмотря на все попытки большевиков в максимальной степени «советизировать» сотни народов и народностей советской империи, развитие в разных частях страны происходило далеко не одинаково.

Для этого развития, имевшего комплексный характер, не было какого-то одного образца. «Советский» и «национальный» не рассматривались как альтернатива, важно было действовать одновременно по-советски и в национальном духе. Советские республики должны были быть советскими по форме и национальными по содержанию! Эту амбивалентность 70 лет продержавшейся советской системы нельзя упускать из виду, если хотим понять «постсоветские» развития в отдельных странах. Сказанное относится также к тем странам ВП, в которых из-за их географической, однако прежде всего культурно-исторической принадлежности к Европе наряду с тремя бывшими советскими республиками Балтии, вполне можно и было бы желательно ориентироваться на европейские стандарты. Выражаемое в Западной Европе мнение, что «национализм» после распада Советского Союза вернулся в Восточную Европу, в такой формулировке неверно. Процесс образования наций (“Nation Building”) начался еще во время существования Советского Союза, правда под знаком власти большевиков. Представители находившихся у власти большевиков в каждой советской республике более или менее поддерживали этническое восприятие наций. Именно поэтому после распада советского государства в большинстве бывших советских республик прежние большевистские национальные руководители относительно беспрепятственно продолжали править и после 1991 года, однако уже в качестве широко признанных активистов национальных движений. Следствием тому было то, что завоеванная или без труда доставшаяся «свобода» была интерпретирована почти исключительно как «свобода от империи» – и так до сих пор. А поскольку большинство стран ВП несмотря на все стандарты международного

права не могут считать себя в полной безопасности, потому что Российская Федерация особенно с приходом к власти Владимира Путина преследует явно имперский курс, эта дискуссия еще будет продолжаться.

В то же время понимание «свободы» в гражданском смысле, т. е. как индивидуальная и обеспеченная правом свобода, не особенно широко распространено. Это можно считать существенным и присущим всем странам ВП дефицитом. К этому прибавляются другие признаки постсоветской государственности, которые вполне можно рассматривать как общие признаки этих стран; ввиду имеются, если называть важнейшие из них, слабость гражданского общества, тенденции к авторитарической форме правления, а также хрупкие институты правового государства.

Однако дискуссия об этих развитиях не самоцель. Обращаясь к темам, нашедшим место в этом сборнике, мы не занимаемся лишь историческим анализом. Будучи политическим, Фонд имени Конрада Аденауэра в рамках этих мероприятий заинтересован в обсуждении «постсоветских» развитий с представителями науки, гражданского общества и политических кругов. Большим преимуществом стало то, что наши конференции объединили акторов из всех этих областей. Состоялись они до сих пор в Ереване и Кишиневе. Подобные обсуждения запланированы в рамках программы поддержки стран ВП и на следующие годы. Собранные в этом сборнике выступления можно считать первым промежуточным итогом этих конференций.

Я благодарю всех ученых, представителей гражданского общества и политических деятелей, которые активно участвовали в конференциях и наших публикациях. Особую благодарность выражаю нашим партнерам в Армении, Армянскому центру гуманитарных исследований и его председателю профессору Ашоту Восканяну, внесшему значительный вклад в подготовку концепции.

Вместо введения

АССИМИЛИРУЯ СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ

АШОТ ВОСКАНЯН

Представленный читателю сборник содержит выборку материалов двух конференций, состоявшихся в Ереване осенью 2018-го и весной 2019 года и посвященных проблемам трансформации постсоветских обществ. Оба форума, в которых приняли участие эксперты из разных областей науки и представители гражданского общества из Армении, Беларуси, Германии, Грузии, Молдовы, России и Украины, были организованы Фондом Конрада Аденауэра и Армянским центром гуманитарных исследований.

Конференция «Советское – постсоветское – пост-постсоветское: советское наследие, национальное строительство и Восточное партнерство ЕС» (24 – 25.10.18) продолжила работу, начатую еще в 2017 году встречей в Кишиневе и направленную на изучение влияния советского наследия на представления и практики, распространенные в реформирующихся обществах стран ВП ЕС.

При выборе темы конференции учитывалось, что в течение трех десятилетий, прошедших после распада СССР, отношение к советскому прошлому в большинстве постсоветских республик осталось амбивалентным. Этому в частности способствовало то обстоятельство, что переход к либеральной экономике в этих странах осуществлялся путем мобилизационной модернизации. Результатом последней стали не только ускоренная приватизация обширных территорий и объектов материальной собственности, но и фрагментация значительных доменов общественной жизни, а также политика, абсолютизирующая прикладные подходы и игнорирующая потребности общественного образования и науки. Резкая социальная поляризация, возникшая в результате стихийных приватизационных процессов, привела к ностальгическим настроениям в отношении советского прошлого. Вполне естественно, что постсоветские общества более восприимчивы к модели социальной рыночной экономики. Но механизмы социальной защиты в широком смысле (включающей не только экономику, но и культуру, образование и проч.), которыми реально владеют постсоветские общества, в большинстве своем основаны на советском опыте. Очевидно, что радикальный отказ от всех реалий прежнего уклада практически невозможен. Однако новая жизнь не укладывается в рамки старой, а попытки содержательной ассимиляции советского наследия сталкиваются с существенными трудностями, что в свою очередь приводит к попыткам возрождения наиболее нежизнеспособных и архаичных аспектов прошлого. Многие постсоветские реалии являются следствием этого противоречия.

Организаторы исходили из того, что задача изучения советского наследия не должна ограничиваться чисто научным описанием существующего. Необходимо критическое осмысление механизмов, обеспечивающих плавный переход от реалий советской эпохи к новой постсоветской реальности.

На решение этой задачи была ориентирована также вторая конференция «Постсоветские гражданские общества в политическом дискурсе» (28 – 30.03.19), основные темы которой – постсоветская политика памяти, трансформация традиции государственных репрессий в постсоветский период, неоднозначный опыт экономического транзита и другие – были основаны на анализе наследия советской империи, рассмотренного с нероссийской точки зрения.

К сожалению, технические причины не позволили собрать вместе материалы выступлений всех участников, однако мы надеемся, что вошедшие в сборник работы дают достаточное представление об основных подходах и достигнутых результатах. Доклады распределены по трем условным – взаимодополняемым и пересекающимся – рубрикам: «Проблемы исторической памяти», «Трансформации общественных структур» и «Становление гражданского общества».

*Первая, самая обширная часть открывается докладом **Игоря Нарского** «Россия и имперское наследие», предлагающим терминологический инструментарий, который представляется адекватным для описания многих феноменов, рассматриваемых авторами сборника. Для обоснования своего основного тезиса о том, что «советское прошлое, поскольку оно касается прежнего, в том числе имперского, величия, остается полнокровным идентификационным ориентиром российских граждан и важным инструментом государственной политики», проф. Нарский обращается к концепции «учредительного мифа», коллективной «единственной истины», которая «объемлет и прошлое, и настоящее». Государственное производство (обновление) учредительных мифов в кризисные периоды является инструментом консолидации и мобилизации населения, орудием манипулирования гражданами. Нетрудно видеть, что это универсальное понятие вполне «работает» не только в обществах, страдающих «постимперским синдромом», но и в постколониальных коллективах, пытающихся противопоставить империи свое понимание «национального».*

Последнему феномену посвящены две последующие статьи: **Греча Баядяна** «О трансформациях понятия „национальный“ в Советской Армении» и **Арсена Акопяна** «О „советском“ в контексте политики исторической памяти в Армении». В работе Г. Баядяна обсуждение понятия «национального» осуществляется на двух конкретных примерах: национального эпоса и национального кино, дающих представление о неоднозначных формах национальной модернизации в Советском Союзе. Автор приходит к выводу, что в советском проекте модернизации национальное и социалистическое были настолько тесно взаимосвязаны, что деколонизация в некотором смысле означала реколонизацию в более тонкой и трудноуловимой форме. А. Акопян, анализируя дискурсы и практики, касающиеся отношения к «советскому» в независимой Армении, выделяет три условных

этапа: революционный (конец 1980-х и начало 1990-х гг.), «советской реставрации» (начиная со второй половины 1990-х гг.) и постколониальный. В результате этих трансформаций, советский период и советские политические деятели стали восприниматься и оцениваться сквозь призму «национального», что привело к интеграции Первой Республики, Советской Армении и Республики Армении.

Ирина Романова в своей высокоинформативной статье «Манипуляция историей в актуальном школьном учебном курсе Беларуси» убедительно показала, что манипулятивные техники представления истории не сводятся к простому замалчиванию или искажению фактов. Если даже будущие учебники будут расписывать ужасы тоталитаризма или достаточно точно представлять миллионные числа невинно убиенных, при («традиционном») подходе к структурированию материала, без системного анализа и формирования навыков критического мышления, невозможно приблизиться к осознанию проблемы репрессий и сущности тоталитаризма.

Аналогичная проблема на ином материале поставлена **Ладой Наконечной** в статье «Постсоветская политика памяти в Украине: социалистический реализм. Казаться иным». На основе многостороннего рассмотрения работы с произведениями соцреализма в украинских музеях, автор формулирует важный тезис о том, что постсоветские музеи в своей социальной роли, «продолжая принадлежать к официальной системе культурных организаций, остаются ретрансляторами государственной идеологии и инструментом формирования политической лояльности граждан».

Раздел замыкает работа **Михеила Сарджвеладзе** «Элиты и политика памяти в Грузии», в которой исследуются политики памяти разных правительств Грузии со времен распада Советского Союза. Выбранная точка зрения позволила автору показать как совершается конструирование коллективной памяти сверху и как политика памяти приспособливается к актуальной политической повестке дня.

Статья **Йорга Баберовского** «Между страхом и восторгом. Советский Союз в эпоху модерна», служит своеобразным камертоном к работам *Второго раздела*, поскольку анализируя своеобразие советской модернизации, представляет те исходные позиции, с которых началась трансформация постсоветских обществ и выявляет глубинную связь советской и постсоветской ментальности. Автор обращает внимание на то, что хотя марксизм был идеологией, обещавшей свободу и эмансипацию, для его ленинского варианта важны были не освобождение от зависимости и незрелости, а модернизация и перевоспитание. Советский Союз не был ориентирован на революцию, а хотел покоя и стабильности. Широкое распространение консервативного мышления на постсоветском пространстве является наследием советской системы.

Внутреннюю связь советского и постсоветского демонстрирует также статья **Сирануш Двоян** «О политике преодоления последствий государственного насилия (советское наследие в независимой Армении)», в которой прослеживается почти неизменный переход отдельных элементов советской государственной политики и управления, а также общественных отношений в наследство третьей республики. С другой стороны подчеркивается, что Республика Армения фактически позиционировала себя в качестве опекуна жертв всех типов насилия (как геноцида армян, так и сталинского тоталитаризма) и гарантом восстановления их неотъемлемых прав, тем самым продолжая традиционную государственную политику Советской Армении.

Грант Микаелян в своей работе «Трудности постсоветского транзита Армении: разрыв ожиданий с реальностью, экономический спад и теневая экономика» представляет специфику экономического транзита Армении, связанного с рядом объективных обстоятельств, внешних по отношению к экономике, такими как землетрясение 1988 года, Карабахская война, а также связанные с ней блокада и массовые перемещения людей. Ставится вопрос о том, имеет ли Армения способность пойти дальше и преодолеть «потолок» развития, достигнутый тридцать лет назад и какими средствами страна это может сделать.

В статье **Елены Павловой** «Советские и постсоветские практики украинского общества: логика организации, специфика функционирования и трансформации» анализируется двойственная роль украинской политической элиты: с одной стороны она остается наследницей советской системы в плане властного перераспределения ресурсов, с другой, выступает субъектом новой национальной идентичности. Экономическая форма зависимости преобладает в контроле за основной массой населения в украинском постсоветском обществе. Однако парадоксально, что именно «такая форма контроля вписывает украинцев в европейский рынок труда, а также обуславливает соответствующую модель образования».

Работа **Игоря Кашу** «От империи к национальному государству: Молдова от перестройки к независимости (1985 – 1991)», завершающая второй раздел маркирует переход к тематике следующего, поскольку представление исторических этапов трансформации молдавских социальных институтов, приведшей к разрушению советской административной системы, в то же время демонстрирует этапы формирования гражданского общества Молдовы.

Манвел Саркисян в своем эссе «Как можно охарактеризовать общества новейших государств?», открывающим третью часть сборника, исходит из того, что нынешний характер постсоветских обществ обусловлен возвратом к прежним этно-религиозным традициям. Однако массивная приватизация бывшей социалистической собственности максимально стимулировала процесс криминализации

общественных отношений, приведший к формированию гибридных: полутрадиционных-полукриминальных обществ. Именно эти характеристики необходимо учитывать при разработке стратегий построения правовых конституционных государств.

Степан Даниелян в работе «Трансформации гражданского общества в постсоветской Армении» подчеркивает, что гражданское общество может сотрудничать с правительством в достижении его целей, но непосредственное участие в управлении или участие в политической борьбе (тенденция, наблюдающаяся в Армении после бархатной революции) означает потерю влияния в общественной жизни в качестве беспристрастной правозащитной организации. Что касается общественной самоорганизации граждан в соответствии с интересами, профессиями или другими предпочтениями, эта функция гражданского общества пока находится в зачаточном состоянии в Армении, что не дает возможности оценить ее роль в будущем.

Татьяна Чулицкая в статье «„Пятая колонна“ или партнеры? Гражданское общество Беларуси в дискурсах власти и оппозиции» рассматривает особенности развития третьего сектора в странах с консолидированным недемократическим режимом. В частности, анализируются властные и оппозиционные дискурсы в отношении различных типов гражданского общества. Властный дискурс характеризуется утилитарным видением прогосударственных и лояльных организаций гражданского общества. В отношении «нелояльных» организаций применяются негативные и агрессивные оценки.

Анна Масна в своей статье «Сознание как фактор развития гражданского общества в постсоветских странах», характеризует политическую ситуацию в Украине как «демократическую анархию», чем и объясняет продолжительный политико-экономический кризис, который продолжает углубляться, несмотря на отсутствие массовых фальсификаций результатов выборов и политический плюрализм.

Прошедшие в Ереване конференции показали, что встречи представителей постсоветского пространства имеют значительный потенциал, как для обмена опытом, так и для разработки новых форм совместной работы. Практически все участники высказались в пользу дальнейшего сотрудничества в принятом формате. Общее согласие наметилось также в отношении необходимости в ближайшем будущем перейти от обсуждения путей преодоления/сохранения советского наследия к обсуждению путей «преодоления постсоветского» и достижения такой «новой нормальности», при ко-

торой советский элемент будет считаться естественной составляющей общего национального наследия. Именно эту нормальность был призван выразить термин «пост-постсоветское».

В то же время, необходимо признать, что последние «антиолигархические» движения в ряде стран ВП (бархатная революция в Армении, события в Молдове и Грузии) продемонстрировали, что эти страны все еще находятся в состоянии постсоветского транзита и что достижение новой нормальности требует огромных дополнительных усилий. Организаторы будут удовлетворены, если предлагаемый читателю сборник внесет свой скромный вклад в движение наших стран в указанном направлении.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

- РОССИЯ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ
- О ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ» В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ
- О «СОВЕТСКОМ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В АРМЕНИИ
- МАНИПУЛЯЦИЯ ИСТОРИЕЙ В АКТУАЛЬНОМ ШКОЛЬНОМ УЧЕБНОМ КУРСЕ БЕЛАРУСИ
- ПОСТСОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УКРАИНЕ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ. КАЗАТЬСЯ ИНЫМ
- ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ГРУЗИИ

РОССИЯ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коллективная память, учредительный миф, аффирмативное обращение с прошлым, советская культура, политика памяти.

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2018 года я пережил сильное впечатление, оказавшись гостем на праздновании 50-летия одного из российских институтов культуры – типичного советского учреждения, созданного для подготовки кадров руководителей художественной самодеятельностью, тоже типичного советского явления. Праздник длился 3,5 часа, и мне казалось, что я на время переместился в полнокровную советскую эпоху. С театральной сцены неслись поздравления в адрес юбиляров («и лично») ректора в стилистике советских торжеств брежневской поры и даже с такими же хорошо знакомыми старшему поколению комсомольскими бодрыми интонациями. Организаторы концерта избрали в качестве повторявшейся между номерами музыкальной заставки вступление к замечательной сюите советского композитора Георгия Свиридова («Время, вперед!») 1968 года, которое до перестройки предваряло советские новостные программы и лично для меня, вопреки прекрасной музыке, стало, к сожалению, акустическим символом пропагандистской лжи. Сами музыкальные, вокальные и хореографические номера в значительной части представляли собой продукты советского культурного канона, правда, качеством исполнения уступая советским образцам. Конферансье со сцены славил «душу народа» – конструкт, перекочевавший в язык советской культурной политики из трудов Ж.-Ж. Руссо и И. Г. Гердера. А гости – собравшиеся со всех концов страны выпускники института разных лет – в кулуарах ностальгировали по былой «заботе партии и правительства» о культуре, забытой нынешним российским правительством.

В общем, я попал в заповедник СССР и подумал, что это хорошая иллюстрация к главному тезису моей статьи о том, что советское прошлое, поскольку оно касается прежнего, в том числе имперского, величия, остается полнокровным идентификационным ориентиром российских граждан и важным инструментом государственной политики. Другими словами, советское занимает видное место в коллективной памяти и исторической политике в современной России, о которых и пойдет речь.

Чтобы не утонуть в этой действительно бездонной теме, я ограничусь следующими сюжетами. Во-первых, кратко очерчу используемый ниже терминологический инструментарий, поскольку он представляется адекватным для описания интересующих меня феноменов. Во-вторых, коснусь проблемы отнюдь не простого выделения советского опыта из сложного культурно-исторического наследия России. Наконец, в-третьих, попробую показать, как имперское советское наследие проявляется в обращении к таким событиям XX в., как войны и революции, игравшим в советское время роль так называемых учредительных мифов, лишь отчасти утраченную в современной России.

В 1925 году автор одной из наиболее влиятельных в минувшем веке теории «коллективной памяти», вновь открытой более полувека спустя, французский социолог Морис Хальбвакс утверждал: «Индивид вызывает в памяти свои воспоминания при помощи рамки социальной памяти. Иными словами, различные группы, на которые делится общество, в любой момент способны реконструировать свое прошлое. Но <...> они чаще всего одновременно и реконструируют, и деформируют его. Разумеется, есть немало факторов и деталей, которые индивид забыл бы, если бы другие не хранили память о них вместо него. Но, с другой стороны, общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. <...> Поэтому общество стремится устранить из своей памяти все, что могло бы разделить индивидов, отделять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия».¹

Некоторые тезисы Хальбвакса, в частности, о том, что субъектом памяти выступает социальная группа, позднее подверглись критике. Но его положения, согласно которым индивидуальная память испытывает давление коллектива (не всегда осознаваемое индивидом), осуществляющего цензуру запоминания и забывания во имя обеспечения социальной интеграции, групповой и личностной идентичности, прочно вошли в современный репертуар социального и гуманитарного знания.

На теоретическое наследие Хальбвакса в значительной степени опирается, например, концепция «культурной памяти» современного немецкого историка Яна Ассмана, который в 1990-х годах писал: «Понятие „культурная память“ подразумевает одно из внешних измерений человеческой памяти. Со словом „память“ ассоциируется прежде всего чисто внутреннее явление, локализованное в мозгу индивида, – феномен, подлежащий ведению физиологии мозга, неврологии и психологии, а не исторической культурологии. Однако содержательное наполнение памяти, организация ее содержаний, сроки, которые в ней может храниться то и другое, – все это определяется в очень большой степени не внутренней вместимостью и контролем, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками».²

Как и Хальбвакс, Ассман отодвигает индивида и его память – личную, биологическую, «коммуникативную», в его терминологии, – как свойство мозга на задний план, абсолютизируя «культурную память» – долговечную, поддерживаемую специальными, «посвященными» носителями с помощью праздников и ритуалов. Индивид в его концепции предстает марионеткой коллективных процессов припоминания и забывания.

Между тем, в 1960-х годах в рамках социологии повседневности Альфреда Шюца и социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана получили развитие представления об активном социальном конструировании индивидом действительности, в том числе и действительности прошедшей – прошлого. Хотя повседневность представляет собой хрупкую «конструкцию на границе хаоса»,³ человек воспринимает и переживает ее благодаря ряду регулирующих механизмов и структур как упорядоченную, длительную и устойчивую. Главную роль в поддержании стабильности воспринимаемой индивидом «субъективной реальности» играет его регулярная коммуникация с окружающими в устойчивой социальной среде. При этом прошлое и настоящее взаимосвязаны и взаимозависимы: представление о прошлом позволяет ориентироваться в настоящем, а изменения актуальной действительности неизбежно ведут к пересмотру прошлого. В условиях резко изменившейся реальности индивид «подгоняет» под нее свою автобиографическую историю. «<...> Необходимой является радикальная реинтерпретация значения прошлых событий или лиц в собственной биографии. Поскольку гораздо легче выдумать то, что никогда не происходило, нежели забыть то, что действительно произошло, индивиду может понадобиться фабрикация и вставка в биографию событий – повсюду, где есть нужда в гармонизации воспоминаний с перетолкованием прошлого. Так как отныне господствующей и более достоверной выступает не старая, а новая реальность, то он может быть совершенно „честен“, осуществляя эту процедуру – субъективно он не жлет о прошлом, приспособляя его к единственной истине, которая, разумеется, объемлет и настоящее, и прошлое».⁴

Другими словами, изменчивость прошедшего – естественное его состояние, а вовсе не обязательно результат сознательных манипуляций историей или плод ее фальсификаций. Это положение представляется особенно важным для налаживания диалога между жителями бывших советских республик, придерживающимися неизбежно разных взглядов на прошлое, и отказа на постсоветском пространстве от непримиримой борьбы за однозначность и от взаимных обвинений в искажении прошлого.

Коллективная «единственная истина», которая «объемлет и прошлое, и настоящее», есть учредительный миф – еще один концепт, важный для понимания трансформаций памяти. Это рассказ о прошлом во имя оправдания настоящего.⁵ Обновление мифа становится жизненно необходимым для группы в кризисные для нее периоды. Государственное производство учредительных мифов является, таким образом, инструментом консолидации и мобилизации населения, орудием манипулирования гражданами.

Наконец, последнее терминологическое различие, который может нам понадобиться в разговоре о коллективной памяти о со-

ветском прошлом – это выделение двух типов обращения к прошлому – аффирмативного, или подтверждающего, которое, по определению американского теоретика истории Аллана Мегилла, «подчиняет прошлое тем проектам, которыми люди заняты в настоящем», и является «упражнением в благочестии»,⁶ и критического, которое дистанцируется от прошлого и пытается сохранить трезвый взгляд на него. Для современного официального обращения к прошлому в России, по моему убеждению, характерно преобладание аффирмативного взгляда на советское прошлое, готовность прославлять его и нежелание брать на себя ответственность за «неудобные» страницы советской истории.

О СЛОЖНОСТЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОПЫТА

Однако что есть «советское» в опыте СССР? Этот вопрос отнюдь не является праздным, и ответить на него указанием на все, что происходило на его территории в 1917/1922 – 1985/1991, было бы непростительным упрощением. Во-первых, потому что партийно-государственное руководство в различные годы с разной интенсивностью и в различных формах использовало дореволюционный опыт. Так, большевистская политика в 1920-е – 1930-е гг. в значительной степени ориентировалась на опыт Первой мировой войны, будь то современная пропаганда или политика в отношении гражданского населения, милитаризация труда и быта. СССР строился хоть и не по образцу Российской империи, но многие имперские традиции в отношении к национальным меньшинствам – как в сфере сотрудничества с национальными элитами, так и в насильственных действиях против действительной или мнимой нелояльности нерусских этносов советская национальная политика заимствовала у империи.

Во-вторых, со второй половины 1930-х гг. дореволюционное прошлое перестало интерпретироваться как предыстория революции. Оно было интегрировано в новых советских учебниках по истории и в научных исследованиях в аффирмативную, прославляющую, героическую историю страны, которая строит социализм в одиночку.

Это касалось и культуры. Советский культурный, литературно-художественный канон в 1930-е гг. включил отфильтрованное дореволюционное культурное наследие, обязательное к пользованию. Это означало, в-третьих, что советская культура оказалась на удивление буржуазной. Социалистический реализм требовал, помимо прочего, учиться мастерству у классиков, а «подлинности» – у народа. Оба призыва имели совершенно не советские корни. Даже идея учиться у народа восходит не к социализму, а к Просвещению. Лишь постольку, поскольку марксизм был одной из просветительских интерпретационных моделей и разделял общие для идеологии Просве-

щения убеждения, представления советских коммунистов о народном творчестве можно считать марксистским.

В основе грандиозного проекта социально-политической трансформации, именуемого «Просвещение», лежало представление о поиске и достижении «подлинности» как цели общества и культуры. «Подлинно справедливое» устройство общества искали философы и политики, «подлинное знание» – истину – искала университетская наука, «подлинную культуру» – искали деятели литературы и искусства. Фольклор и народ с легкой руки Ж.-Ж. Руссо и особенно И.Г. Гердера и его концепта «народного духа» стали важным объектом и приводным ремнем этого поиска. «Народ» в лице сельских жителей стал восприниматься как носитель «подлинной» культуры – чистой от зол цивилизации, первозданной, незапятнанной тлетворными городскими влияниями. Исследование народной музыки и поэзии, быта и нравов, языка и танцев должны были способствовать восстановлению утраченной «подлинной» культуры.⁷

Концепт «подлинности» был растяжим во все стороны и поэтому удобен для применения. Он был одновременно антимодерным и современным, поскольку мог звать и назад, и вперед, побуждать и к бегству от действительности, и к ее активному преобразованию. Он был острым оружием, поскольку предполагал наличие своей противоположности – «фальши», или «подделки» как результата невежества или злого умысла. Он был полезен политикам и режимам с дефицитом легитимности: забота о «подлинно» народном освещала их светом законности и тем самым освящала. Поиск, возрождение, переоткрытие и изобретение «подлинно народного» стало, начиная с эпохи романтизма, основой политического национализма.⁸ Недаром тоталитарные режимы питали повышенную слабость к «подлинно народной» культуре. Эта идея владела умами интеллектуалов и пропагандистов и в нацистской Германии, и в франкистской Испании.

В Советском Союзе не только коммунисты оказались во власти просветительской иллюзии о «подлинном» народном искусстве. Гердерова «душа народа» нашла в интеллигентской среде самую благоприятную почву.

Но советские деятели культуры, скорее всего, и не догадывались, что пользуются концепцией буржуазного происхождения, подмоченной ее утилизацией правыми политическими режимами. В их текстах эпитет «подлинный» нещадно эксплуатировался прежде всего для характеристики искусства народов СССР. Свою приверженность доктринам «народной души» и «национального характера» советские деятели культуры подкрепляли ссылками на классическую русскую литературу, вошедшую в советский культурный канон, прежде всего, на произведения Н. Гоголя и Л. Толстого.

Позволю себе краткое лирическое отступление. В предыдущем семестре я вел семинар по истории березы как неофициального символа России. Среди его посетителей была студентка грузинского происхождения, которая выбрала реферат о березе в советской песне. Во время устного выступления она вдруг сказала, обращаясь ко мне: «Я не люблю Россию, Вы уж не обижайтесь. Но когда я слушала песни о березе, я плакала». Об этом эпизоде я вспомнил в связи с тем, что мою интерпретацию места и роли советского опыта в постсоветской практике не стоит воспринимать как некое разоблачение. Советская культура во многих проявлениях была сильным и успешным явлением. И очень имперским, или, как говорили в СССР, интернациональным. Действительно, трудно оставаться равнодушным, слушая талантливо сделанные песни, музыку к которым создали Арно Бабаджанян или Эдуард Колмановский, стихи писали Роберт Рождественский или Евгений Евтушенко, а исполняли Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Георг Отс или Буба Кикабидзе. Советские шлягеры повсеместно звучат в современной России, за отсутствием лучшего песенного репертуара на русском языке, превратившись, наряду с государственным гимном РФ, в своего рода акустический символ советского прошлого.

Развитие советского канона, включение в него фрагментов досоветской культуры, оказалось, в-четвертых, весьма эффективным и привело к долговременным последствиям. Многие, что сейчас в РФ и, наверное, в других государствах постсоветского пространства, воспринимается как «подлинно народное» наследие, является продуктом советской эпохи. Так, Филиппу Герцогу удалось убедительно доказать, что эстонские многотысячные хоровые праздники являются не только буржуазным XIX в. и межвоенного 20-летия, но и советским наследием.⁹ То же самое можно сказать, например, о парных народных танцах в РФ, в странах Закавказья и Средней Азии, которые в сельской местности не практиковались и родились в советской художественной самодеятельности усилиями советских хореографов.¹⁰

И, наконец, в-пятых, одной из центральных проблем выделения советского прошлого являются его регулярные изменения вследствие частых реинтерпретаций современниками и потомками в СССР и РФ. Перемены в жизни в СССР и на постсоветском пространстве случались так часто и были столь кардинальны, что прошлое регулярно теряло убедительность и нуждалось в пересмотре. Не случайно радикальные повороты в толковании прошедшего совпадали с крутыми переменами в настоящем: так случилось в начале 1920-х, вслед за окончанием революции и гражданской войны, во второй половине 1930-х в связи с победой сталинского режима, в середине 1950-х в сопровождение смерти Сталина и как часть борьбы за власть в политическом руководстве, в середине 1960-х вследствие отказа от форсированного строительства коммунизма, в 1980-е и начале 1990-х в

русле «перестройки» и краха СССР, в начале 2000-х в рамках патриотического поворота в РФ, с кульминацией в 2014 г. вокруг российско-украинского конфликта. В мои задачи не входит анализ советских поворотов в обращении с прошлым. Я коснусь специфики обращения с советским прошлым в Российской Федерации последних двух десятилетий, причем речь пойдет не о советском прошлом в целом, а об эпохе войн и революций 1914 – 1945 гг., которую Эрик Хобсбаум назвал «31-летней войной», и недавние столетние юбилеи которых вписываются в общую картину и логику перемен в отношении к советскому прошлому в РФ. Одни события этой эпохи стали источником формирования в СССР учредительных мифов – «Великая Октябрьская социалистическая революция» и гражданская война, «Великая Отечественная война», в то время как другие события – особенно Первая мировая война, сталинский террор и негероические страницы Второй мировой войны – оказались табуизированными. Палитра героических мифов в современной России существенно изменилась, однако советское прошлое по-прежнему остается источником мифотворчества, равно как и советская практика селекции прошлого и формирования исторического канона. Именно в наследовании учредительных мифов страной-правопреемницей в наиболее концентрированном виде, по моему убеждению, проявляется отношение Российской Федерации к советскому имперскому прошлому. К этой проблематике я теперь и перехожу.

ОБРАЩЕНИЕ С СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ ЭПОХИ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Если в самом схематичном виде представить перемены в официальных советских представлениях об иерархии событий эпохи «31-летней войны» в последние годы существования СССР, то их можно охарактеризовать так: воспоминания о Первой мировой войне с 1920-х гг. замещались коллективной памятью о революции и гражданской войне, а революция и гражданская война, в свой черед, с середины 1960-х гг. теснились из коллективной памяти советских граждан памятью о Великой Отечественной войне. Эта тенденция в 1990-е – 2000-е гг. получила логическое завершение.

«Перестройка» второй половины 1980-х годов при Михаиле Горбачеве, распад Советского Союза и запрет КПСС в 1991 году, дистанцирование Российской Федерации в эпоху Бориса Ельцина от советского наследия – все это в очередной раз радикально изменило рамку коллективной памяти в России. Дискурсы о российско-советском прошлом, включая воспоминания об Октябрьской революции, характеризовало отсутствие объединяющей и ограничивающей рамки, названное немецким социологом Андреасом Лангенолем «плюрализмом воспоминаний без барьеров».¹¹ Так, например, возникшее под

руководством Сталина и на протяжении десятилетий господствовавшее догматическое толкование Октябрьской революции утратило прежний авторитет, но во время «перестройки» по-прежнему было в ходу. Наряду с ним популярная при Хрущеве критически-коммунистическая интерпретация Октябрьской революции как преданной Сталиным демократической революции снова стала актуальной. Эту версию активно защищал Горбачев. С этими образами революции все более успешно конкурировали либеральные, националистические и имперские интерпретации революции, которые были возвращены в «перестроечный» СССР и Российскую Федерацию 1990-х годов с эмигрантской и диссидентской литературой от Николая Бердяева до Александра Солженицына. Они толковали Октябрьскую революцию либо как разрыв с универсальными (читай – либеральными и демократическими) перспективами развития человечества, либо как осуществленное на немецкие деньги преступление против русской нации (правонационалистическое общество «Память»), либо, наконец, как возрождение славных имперских исторических позиций. Последнюю версию инструментализировала созданная Геннадием Зюгановым Коммунистическая партия Российской Федерации. Конкурировавшие образы революции воплощали «одновременность разновременного» (Эрнст Блох) позднесоветской и ранней постсоветской истории и коллективной памяти.

Плюрализм воспоминаний отразился и в противоречивых решениях о праздновании годовщин Октябрьской революции. Последний в СССР военный парад на Красной площади в Москве состоялся в ноябре 1990 года. После путча в августе 1991 года КПСС была запрещена. Режим Ельцина дистанцировался от социалистических мифов и связанной с ними праздничной символической коммуникации. День Октябрьской революции 7 ноября с 1991 года больше официально не праздновался. По этой же причине день международной солидарности трудящихся (1 мая) в 1990-е годы был рабочим днем. С 1992 года 8 ноября стал рабочим днем, но 7 ноября оставалось выходным.

Это повысило значение Великой Отечественной войны как последнего места памяти, которое должно было цементировать российское общество. Октябрьская революция впервые официально попала в тень войны, когда в 1995 году 7 ноября было объявлено Днем воинской славы. С тех пор в этот день на Красной площади в память о праздновании 24-й годовщины Октябрьской революции (1941) проходят военные парады. Историческим аргументом в пользу этого нововведения стал тот факт, что войска и техника, принимавшие 7 ноября 1941 года участие в параде в Москве, прямиком направлялись на фронт, чтобы принять участие в успешном контрнаступлении Красной Армии под Москвой.

В 1996 году день Великой Октябрьской социалистической революции

был переименован в День согласия и взаимного примирения. Празднование победы большевиков над противниками должно было уступить место трауру обо всех жертвах гражданской войны, вне зависимости от политической принадлежности. Однако на этом история коллективной памяти об Октябрьской революции не закончилась.

Время примерно с 2005 года отмечено завершением «перепланировки» ландшафта советских учредительных мифов в Российской Федерации. Два события, симптоматичных для характера и направления перемен, маркируют патриотический поворот в официальной российской политике прошлого. Первое из них касается Октябрьской революции, второе – Великой отечественной войны.

В конце 2004 года день Октябрьской революции (7 ноября) был отменен и заменен празднованием Дня военной славы России и народного единства 4 ноября. День Октябрьской революции был объявлен рабочим днем. Историческим поводом для учреждения нового праздника стало изгнание русскими ополченцами польских войск из Москвы в 1612 году, что стало решающим пунктом в завершении Смутного времени в Московском царстве, едва не утратившем государственную независимость. Ополченцы, согласно легенде, вступили в схватку с поляками, осененные иконой Казанской божьей матери, день которой также отмечается 4 ноября. То, что в по-прежнему полиэтнической и многоконфессиональной Российской Федерации государственным праздником стал православный религиозный праздник, особо не акцентируется, но в свете усиления православной церкви кажется весьма симптоматичным.

Спустя всего несколько месяцев после первого празднования нового праздника, в последней декаде июня 2006 г. в Совете Российской Федерации разгорелся скандал. Повод для него пришел с совершенно неожиданной стороны: 22 июня, в день 65-летия вторжения в СССР войск гитлеровской Германии, в печатном органе верхней палаты российского парламента, в «Парламентской газете», была опубликована статья «Локотьская альтернатива». Ее автор, журналист Сергей Веревкин, в пасторальных тонах описывал массовое сотрудничество жившего в достатке и мире местного населения с оккупационными властями в Брянской области в 1941 – 1943 гг. Факты массового коллаборационизма были представлены в статье как реальная альтернатива защите ненавистного сталинского режима. Реакция на эту публикацию была воинственной и ожесточенной. Спикер Совета Федерации Сергей Миронов объявил главного редактора газеты Петра Котова врагом и потребовал его увольнения. Коммунистическая периодика солидаризировалась с мнением Миронова об оправдании в этом материале немецкой оккупации СССР. Либеральные и национально-патриотические СМИ, напротив, переиздали веревкинскую статью и воздали ее автору хвалу как разоблачителю распространенного сталинистского мифа о неразрывном союзе

народа с («антирусским» в терминологии правой прессы) советским государством. Скандал закончился публикацией нескольких опровержений фактов, содержащихся в статье Веревкина, и отставкой Котова.¹²

Итак, к началу XXI века от убедительности мифа об Октябрьской революции и гражданской войны, легитимирующего коммунистическую идею, в российском обществе не осталось почти ничего. Полезную матрицу для нового истолкования Октябрьской революции официальная историческая политика в Российской Федерации до 2017 года заимствовала из импортированных конспирологических интерпретаций недавно переоткрытой накануне 100-летнего юбилея Первой мировой войны и русской революции консервативным крылом эмиграции почти 100-летней давности. Речь идет о русском варианте распространенной в Германии после поражения в Первой мировой войне легенды об ударе ножом в спину – об Октябрьской революции как путче предателей-большевиков. Этот образ революции был очень популярен среди антибольшевистски настроенных бывших офицеров царской армии, многие из которых в 1917 – 1920 годах встали под знамена «белого движения» и воевали против советской власти. Согласно этой версии, Брест-Литовский сепаратный мир с Германией, заключенный большевистским правительством в 1918 году, интерпретируется как национальное предательство. Это, весьма популярное в эмиграции толкование исходило из того, что русская армия была успешна в военных кампаниях и якобы не потерпела поражения на полях мировой войны. Эмиграция обвиняла, таким образом, большевиков за провал России в Первой мировой войне. Мобилизация теории заговора для очередного пересоздания образа революции фактически вновь, как в советскую эпоху, преграждает путь восприятию ее как огромной человеческой трагедии и катастрофы, но, в отличие от советского периода, заменяет героизацию революционеров их демонизацией, обретая новых героев в участниках Первой мировой войны – солдатах и офицерах Российской империи и «белого» движения.

Другими словами, русская революция рассматривается в современном российском официальном дискурсе, не с «красной», большевистской позиции, а с позиции «белых» противников большевиков. Это соответствует, по наблюдению ряда историков, геополитическому самовосприятию российского правительства: «Войны, которые Россия ведет в Украине и в Сирии, в известном смысле контрреволюционны. Как в XIX в., Россия на международной арене играет роль консервативного блюстителя порядка, и этот блюститель „белый“, а не „красный“».¹³

Негативное толкование революции в официальном коммеморативном дискурсе парадоксальным образом сочетается с позитивной оценкой советского имперского прошлого, конец которого президент Владимир Путин в послании Федеральному собранию в апреле

2005 года оценил как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века».¹⁴ Центральным пунктом патриотического поворота стало окончательное превращение Великой Отечественной войны в единственный учредительный миф Российской Федерации. Это обеспечивает большие преимущества российской политике прошлого. То, что середина сталинского периода маркирована победой СССР над нацистской Германией, является главным козырем в руках защитников Сталина. Коллективная память оказывается связанной, пользуясь метафорой российского социолога Льва Гудкова, «оковами победы».¹⁵ Победа над Германией оправдывает тоталитарное сталинское прошлое, что позволяет нынешнему российскому правительству без труда «убедить граждан, что управляемая демократия и есть подлинная демократия».¹⁶

При этом коллективная память о Великой Отечественной войне имеет очевидные имперские черты. Российская Федерация позиционирует себя как хранительница «подлинного» прошлого на постсоветском пространстве, и большинство конфликтов по поводу по-разному понимаемого прошлого касаются, как правило, именно тех наций, которые в царской империи и Советском Союзе якобы продемонстрировали свою нелояльность. Среди них – в XVIII и XIX веках многократно восстававшие поляки, культурно связанные с ними украинцы или участники долгой кавказской войны в XIX веке. Не случайно именно эти народы особенно пострадали от сталинского террора. К парадоксам истории следует отнести то, что как раз этих-то наций современная российская политика прошлого с удовольствием лишила бы права на критику совместно пережитого прошлого.

В том, что касается обращения с «трудным» сталинским прошлым в РФ, остается констатировать, что оно все более оказывается в последние годы в рамках патриотической коммеморативной парадигмы, в рамках которой, по словам Алейды Ассман, лишь собственные жертвы чужого насилия «вспоминаются как герои и оплакиваются».¹⁷ Самокритичная и ответственная новая культура памяти, которая бы «жертвы собственного насилия» тоже «включала бы в поле ответственности государства и последующих поколений»¹⁸ в России не сложилась. Впрочем, не только в ней. Современная культура памяти в том виде, как она существует в современной Германии, в глобальном масштабе остается исключением из правила. И это, конечно, существенно затрудняет международный диалог о «неудобном» прошлом XX века. Конечно, русская и советская история последнего столетия не сводится к истории насилия, но, по словам Дитриха Байрау, Россия пережила «в первой половине XX века такую череду глубоких взрывов насилия снаружи и изнутри, что их игнорирование почти равносильно фальсификации истории».¹⁹

В качестве событий, институционально обосновывающих аффирмативное обращение с прошлым, в последние годы можно интер-

претировать создание Российского исторического общества (2012), инициативу В. Путина по созданию единого учебника истории (2013), кампанию против общества «Мемориал», избравшего не прославляющую, а критическую парадигму в обращении с прошлым, в качестве «иностранный агента», принятие закона об уголовном преследовании фальсификаций истории Второй мировой войны (2014), мероприятия по аффиर्मативному чествованию 100-летнего юбилея Первой мировой войны и фактический отказ от государственной аффиirmации Октябрьской революции в 2017 г., а также многочисленные устные и книжные заявления министра культуры РФ Владимира Мединского о «полезной истории», которая должна обслуживать государственные и национальные интересы.

ИТОГ

Итак, по словам Д. Байрау, «в современном официальном коммеморативном дискурсе постсоветских российских элит Россия представляется богатырем, который непрерывно отражает внешних врагов. И этот дискурс имеет тенденцию героически приукрашивать войну и насилие и стилизовать их в качестве освободительной миссии России или Советского Союза».²⁰

Замещение Первой мировой войны Октябрьской революцией и гражданской войной, а их – Великой Отечественной войной в ландшафте учредительных мифов Советского Союза и Российской Федерации можно в заключение объяснить тремя центральными, на мой взгляд, факторами: во-первых, упомянутыми выше регулярными обрывами преемственности и традиций, во-вторых – недостатком легитимности правителей, в-третьих, регулярными периодами дезориентации населения.

Так, и Октябрьская революция, вместе с последними годами существования Российской империи и первыми годами советской власти, т.е. годы мировой и гражданской войн, и Великая Отечественная война, изменилась до неузнаваемости уже при жизни их участников и свидетелей. И во время «31-летней войны», и после ее окончания («сверху») и («снизу») то и дело прилагались усилия к тому, чтобы приспособить прошлое к нестабильному настоящему и тем самым осветить (и освятить) актуальное положение его происхождением. Но поскольку перечисленные выше факторы регулярного истолкования прошлого заново остаются в силе, любой прогноз о будущем образов эпохи войн и революций в российском коллективном воспоминании оказывается ненадежным. Кто знает, что еще может случиться с советским прошлым в недалеком будущем?

ССЫЛКИ

- 1 Морис Хальбвакс, *Социальные рамки памяти* (М.: Новое издательство, 2007), 336 – 337.
- 2 Ян Ассман, *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (М.: Языки славянской культуры, 2004), 19.
- 3 Peter Berger, Thomas Luckmann, *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1998), 111.
- 4 Питер Бергер, Томас Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* (М.: Медиум, 1995), 259 – 260.
- 5 См.: Ассман, *Культурная память*, 55.
- 6 Аллан Мегилл, *Историческая эпистемология* (М.: Канон+, 2007), 99, 100.
- 7 Подробнее см.: Regina Bendix, *In Search of Authenticity. The Formation of Folklore Studies* (Madison: University of Wisconsin Press, 1997).
- 8 О связи раннего национализма с интересом к прошлому и народному см. ставшую классикой работу Мирослава Гроха: Miroslav Hroch, *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Entwicklung der patriotischen Gruppen* (Praha: Univ. Karlova, 1968).
- 9 См.: Philipp Herzog, *Sozialistische Völkerfreundschaft, nationaler Widerstand oder harmloser Zeitvertreib? Zur politischen Funktion der Volkskunst im sowjetischen Estland* (Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012), 183 – 186.
- 10 См.: Игорь Нарский, *Как партия танцевать учила, как балетмейстеры ей помогли, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности* (М.: Новое литературное обозрение, 2018).
- 11 Andreas Langenohl, *Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000), 312.
- 12 См.: Сергей Веревкин, «Локотская альтернатива», *Парламентская газета*, 22 июня 2006, <http://www.ari.ru/doc/?id=2662>.
- 13 Jan Behrends u.a., „100 Jahre Roter Oktober. Versuche zur Historisierung der Russischen Revolution,“ in: *100 Jahre Roter Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution*, hrsg. von Jan Behrends u.a. (Berlin: Ch. Links, 2017), 27.
- 14 Владимир Путин, «Послание президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2005 год», последнее посещение 22 декабря 2016, http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html.
- 15 См.: Lev Gudkov, „Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg,“ *Osteuropa* 55, Nr. 4 – 6 (2005): 56 – 72.
- 16 Йорг Баберовски, *Выжженная земля: Сталинское царство насилия* (М.: РОССПЭН, 2014), 383.
- 17 Aleida Assmann, *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur* (München: C.H. Beck, 2013), 11.
- 18 Там же, 11.
- 19 Dietrich Beyrau, *Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017), 10.
- 20 Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ассман, Ян. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Баберовски, Йорг. *Выжженная земля: Сталинское царство насилия*. М.: РОССПЭН, 2014.

Бергер, Питер, и Лукман, Томас. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995.

Веревкин, Сергей. «Локотьская альтернатива». *Парламентская газета*, 22 июня 2006. <http://www.ari.ru/doc/?id=2662>.

Мегилл, Аллан. *Историческая эпистемология*. М.: Канон+, 2007.

Нарский, Игорь. *Как партия танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности*. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Путин, Владимир. «Послание президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2005 год». Последнее посещение 22 декабря 2016. http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_federalnomu_sobraniju_rf_2005_god.html.

Хальбвакс, Морис. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007.

Bendix, Regina. *In Search of Authenticity. The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.

Assmann, Aleida. *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur*. München: C.H. Beck, 2013.

Behrends, Jan u.a. „100 Jahre Roter Oktober. Versuche zur Historisierung der Russischen Revolution.“ In: *100 Jahre Roter Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution*, hrsg. von Jan Behrends u.a., 9 – 28. Berlin: Ch. Links, 2017.

Berger, Peter, and Luckmann, Thomas. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1998.

Beyrau, Dietrich. *Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017.

Gudkov, Lev. „Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg.“ *Osteuropa* 55, Nr. 4 – 6. (2005): 56 – 72.

Herzog, Philipp. *Sozialistische Völkerfreundschaft, nationaler Widerstand oder harmloser Zeitvertreib? Zur politischen Funktion der Volkskunst im sowjetischen Estland*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012.

Hroch, Miroslav. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Entwicklung der patriotischen Gruppen*. Praha: Univ. Karlova, 1968.

Langenohl, Andreas. *Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԻԳՈՐ ՆԱՐՍԿԻ / ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԸ ԵՎ ԿԱՅՍԵՐԱԿԱՆ
 ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆԸ

Բանալի բառեր – կոլեկտիվ հիշողություն, հիմնադիր առասպել, անցյալի նկատմամբ հաստատական վերաբերմունք, խորհրդային մշակույթ, հիշողության քաղաքականություն:

Հոդվածի հիմնական դրույթը հաստատում է, որ խորհրդային անցյալը շարունակում է կարևոր գործոն լինել Ռուսաստանի Դաշնությունում, ծառայում է բնակչությանը կողմնորոշելուն, տրամադրում է հիմնադիր առասպելներ և այլ գործոնների հետ միասին պայմանավորում անցյալի քաղաքականությունը: Բայց ինչպե՞ս կարելի է խորհրդային մշակույթի և փորձառության մեջ առանձնացնել ուրույն խորհրդայինը: Ինչո՞ւ է անցյալը կանոնավորապես փոխվում Ռուսաստանում: Ի՞նչն է հիմնադիր խորհրդային առասպելներն այդքան զրավիչ դարձնում ներկայիս ռուսական անցյալի քաղաքականության մեջ առկա հայրենասիրական շրջադարձի համար: Հոդվածը փորձում է պատասխանել այս հարցերին՝ մտորելով նրա շուրջ, թե խորհրդային Միության փլուզումից ի վեր ինչպիսի մոտեցում է ցուցաբերվել հեղափոխությունների, համաշխարհային և քաղաքացիական պատերազմների դարաշրջանի հանդեպ:

SUMMARY

IGOR NARSKY / RUSSIA AND THE IMPERIAL HERITAGE

Key words: collective memory, founding myth, affirmative treatment of the past, Soviet culture, politics of memory.

The main thesis of the article argues that the Soviet past remains an important factor in the Russian Federation, serves the orientation of the population, provides the founding myths and codetermines the past policy. But how can one delimit the specific Soviet in Soviet culture and experience? Why is the past changed regularly in Russia? What makes the Soviet founding myths so attractive for the patriotic turn in the current Russian past policy? Reflecting on how the epoch of revolutions, world and civil wars has been dealt with since the collapse of the Soviet Union, the article tries to answer these questions.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Игорь Нарский – директор центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск) и замещающий профессор (2017 – 2019) университета Людвиг Максимилиана (Мюнхен). В 1983 окончил исторический факультет Челябинского государственного университета. В 1989 и 1995 – защитил кандидатскую и докторскую диссертаций по истории политических партий на Урале.

В 1989 – 2004 работал старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры дореволюционной истории России ЧелГУ. С 2004 года работает в Южно-Уральском государственном университете. Работал профессором по приглашению в Тюбингенском (2002 – 2003), Гумбольдтовском (2005), Базельском (2010) университетах. Имеет публикации на немецком, английском, французском, итальянском, шведском, иврите, польском по истории российской революции, советской повседневности, визуальных образов, коммеморативных практик. Сфера научных интересов – культурная история повседневности, визуальности, телесности, чувств, памяти в рамках поздней Российской империи, русской революции и СССР, методология истории.

Игорь Нарский (Россия) / inarsky@mail.ru

О ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ» В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

понятие «национальный», социалистическая модернизация, национальная модернизация, национальный эпос, национальное кино, деколонизация-реколонизация.

ВВЕДЕНИЕ

Можно ли считать распад Советского Союза провалом определенного модернизационного проекта? Давайте перефразируем вопрос: какова сегодня судьба советского модернизационного проекта или, точнее, каковы его «судьбы»? Эта формулировка более уместна, поскольку бывшие советские государства, прошедшие через горнило социалистической модернизации, продолжают свое существование как независимые государства. Но здесь возникает другой вопрос: что означала советская модернизация для отдельной национальной республики, какой из процессов преобладал: проект построения единого советского народа или националистические стремления отдельных народов, конечно, если мы не считаем развал Советского Союза однозначным ответом на этот вопрос? Ниже я намерен рассмотреть понятие «национального» в контексте этих вопросов.

В постсталинский период советологи, исследователи советской истории и культуры постепенно изменили свой русскоцентричный подход и сосредоточили свое внимание на национальностях советской империи, советской национальной политике, национальных элитах и так далее. «Нация» стала одной из ключевых понятий в их работах.¹ В этом докладе, двигаясь в том же направлении, я коснусь процесса построения и изменения значения понятия «национальный» в Армении советского периода.

Андреас Каппелер считает, что для лучшего понимания советской многонациональной империи, ее народов и этнических групп важно понять историю дореволюционного периода, освободительные и марксистские движения, господствующие идеи того времени и так далее.² В XIX веке, благодаря усилиям нескольких поколений светской армянской интеллигенции, писателей и публицистов, сформировалось новое значение армянства, соответственно – современная национальная идеология. В конце XIX и начале XX века национальная идеология получила новые значения благодаря национально-освободительным движениям и деятельности армянских политических партий.

На мой взгляд, можно выделить три периода советской эпохи – 1920-ые, сталинский и 60 – 70-ые годы, когда советские армяне сформулировали более или менее ясный национальный нарратив, отличающийся от предыдущих. Нарратив, в котором появились значения понятия «национальный». Однако трудно сказать, в какой степени и форме наследие дореволюционного периода участвовало в формировании национальных нарративов в 1920-х годах и позже, и сейчас я не буду пытаться обсуждать этот сложный вопрос. Я намереваюсь обсудить понятие «национального», на двух конкретных примерах: «национального эпоса» и «национального кино». Первый кажется наиболее национальным из всего, что можно представить, а второй возник только в советское время, и я думаю, что соотнесение этих, в некотором

смысле полярных проявлений национального, поможет показать сложность и неоднозначность этого понятия.³

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭПОС

В 1874 году западноармянский фольклорист-филолог Гарегин Срвандзтянц опубликовал свой первый том фольклорных материалов, куда вошло также его большое открытие – народный эпос «Давид Сасунский» или «Дверь Мгера». Неизвестный образованной элите, эпос сохранялся и передавался народом на протяжении веков. Позднее беженцы, пережившие Геноцид, привезли с собой в Восточную Армению различные версии этого эпоса. Они были записаны в 1915 году и позже и, таким образом, спасены.

Народный эпос был воспринят с энтузиазмом, особенно восточно-армянской интеллигенцией. Культурное присвоение эпоса началось в последней четверти 19 века, и в 1930-х годах этот процесс приобрел беспрецедентные масштабы в Советской Армении. Первый том вариантов армянского народного эпоса вышел в 1936 году. В 1939 году в Советском Союзе широко отмечалось его 1000-летие. Теперь давайте попытаемся понять, как почти полностью забытая западноармянская эпическая история в течение 60 – 65 лет превратилась в армянский национальный эпос.

40

Финский ученый, фольклорист Лаури Хонко, отмечая, что «национальный эпос» чаще всего является результатом стремлений интеллектуальной элиты, чем его естественного роста и распространения, делает вывод: «Создание национального эпоса – не литературный, а политический акт».⁴ И такова была политическая директива того времени в Советском Союзе 1930-х годов, когда фольклор был предначинан для выполнения важной социально-культурной миссии.

Создание национального эпоса также предполагало преобразование устной традиции в печатный текст, географическое и языковое перемещение из Западной Армении в Восточную Армению, его редактирование и интерпретацию. Эпос, хорошо известный широкой публике, не только «соткан» из фрагментов многочисленных доступных версий эпоса группой ученых, но и переведен на восточно-армянский диалект.

Тем не менее, главным фактором, вызвавшим возникновение эпоса, было его восприятие публикой, которая, скорее всего, никогда не знала его в устной форме. Какие значения и ценности приписываются эпосу, и какие качества приписываются героям эпоса? В какой степени эти качества и значения зависят от содержания эпоса, от социально-политического контекста, от усилий местной интеллигенции, которая в целом участвовала в процессе создания советской культурной гегемонии?

Таким образом, процесс наследования советскими армянами западноармянского народного эпоса сопровождался неизбежной советизацией эпоса. Он был инкорпорирован в доминирующую структуру советской идеологии. Интерпретации эпоса осуществлялись с использованием советских теорий фольклора. Задача придания смысла эпосу неразрывно связана с практикой и дискурсами построения социалистической идентичности. Например, в интерпретации эпоса заметны ценности, связанные с дискурсом социалистического строя (гуманизм, альтруизм, интернационализм, высокий патриотизм и др.), иерархические отношения между советскими национальностями, где русские были «старшим братом», и социальная дискриминация.

Таким образом, можно сделать вывод, что на пути культурного присвоения и национализации эпос значительно отошел от народной эпикки. Так же, как наиболее яркое художественное воплощение эпоса, статуя Давида Сасунского, возведенная в 1959 году в Ереване (скульптор – Ерванд Кочар), с ее пафосом и преувеличенным монументализмом далека от крестьянского героя народного эпоса, который просуществовал в социальной периферии колонизированного народа в течение тысячелетия.

В 1970-е годы – период формирования советской армянской национальной идеологии – полностью меняется язык, на котором описывается эпос. Теперь он приобретает совершенно иные, сугубо национальные значения и характеризуется исследователями как «эпическая история», «сущность», «идеология», «мировоззрение» народа. При этом можно заметить, что, как бы не было странно, в стране с развитой наукой и техникой национальная культура и культурная самобытность всё ещё отождествляются в основном с фольклорными традициями, как это было в 30-х годах, явно игнорируя 1500-летнюю письменную культуру.

Здесь нас интересовали трансформации значений национального эпоса, обусловленные его вовлечением в социальные, образовательные и культурные практики, подкрепленные определенными дискурсами. При этом, непосредственным источником для значений «национального эпоса» был преобладающий в данный период времени спектр смыслов – иногда весьма абстрактных и расплывчатых – «национального».

НАЦИОНАЛЬНОЕ КИНО

Произошедшие в 1960-х годах трансформации коснулись и кинематографа. Несомненно, 1960-е годы были лучшими временами киностудии «Арменфильм» и советского армянского кино, и нельзя пренебречь вопросом связи между «национальным пробуждением» и формированием новой культурной идентичности в 1960-х годах с

одной стороны и кинематографом того же периода – с другой, и, таким образом, не рассмотреть понятие «национального кино». В то же время о роли кино в формировании культурной идентичности того времени можно сказать лишь с серьезной оговоркой.

Понятия «советское кино» и «национальное кино» (например, «армянское кино») широко использовались в Советском Союзе, но, будучи принятыми как должное, никогда серьезно не обсуждались и не уточнялись, а их взаимоотношения никогда не анализировались.

Как отмечают Валентина Виталий и Пол Виллемен, начиная с 1940-х годов широко распространенная модель, по которой писались кинематографические истории, опиралась на линейное понятие истории, которое понимает национальное государство как естественный, если не сказать органический, результат эволюционной траектории. Этот подход повествует о рождении и становлении некоторых культурных практик (от литературы до кино) как явно пронизанных наиболее неосязаемыми аспектами предполагаемой национальной культурной сущности.⁵

Эта модель до сих пор широко используется в Армении. Более того, национальный нарратив, унаследованный от советских времен, претерпев определенные преобразования, продолжает оставаться решающим фактором культурной интерпретации. Интерпретации некоторых произведений литературы и живописи, архитектуры и кино, а также отдельных авторов нередко, явно или неявно, в целом опираются на национальный нарратив (и черпают из него свою легитимность).

С одной стороны, для советских армян было очевидно большое значение кинематографа как средства культурной модернизации. С другой стороны, было также ясно, что по сравнению с любой другой областью культурной репрезентации кинематограф сталкивается с гораздо большим давлением и ограничениями, а граница между национальным и советским была намного более неопределенной, чем, например, в случае театра, литературы и архитектуры. То есть советское армянское кино в качестве «национального», было более проблематичным и неоднозначным.

Итак, что могло означать национальное кино в Советской Армении? В каком смысле советские армянские фильмы были национальными, и что могло означать понятие «национальный» в 1960-е и последующие советские годы? Модернистские теории нации и национализма (прежде всего, теории Эрнеста Геллнера и Бенедикта Андерсона), которые часто упоминаются теоретиками кино при обсуждении темы национального кинематографа, могут применяться к советскому народу, и особенно к отдельным советским национальностям с осторожностью и серьезной оговоркой. Тем не менее, идея Андерсона о

«воображаемом сообществе нации» представляется полезной для анализа взаимопроникающих и взаимодополняющих процессов построения социалистической и армянской идентичностей, когда мы пытаемся рассмотреть различные слои и аспекты «воображения» и средства воображения советских армян.

Выберем группу наиболее обсуждаемых критиками факторов для описания национального кино: местное производство (и финансирование), распространение и потребление, влияние на местную культуру. Можно было бы более подробно обсудить способы потребления аудитории, включая различные аспекты доступности фильмов и «кинематографической грамотности» среди факторов, участвующих в формировании идентичности зрителя, что имеет решающее значение с точки зрения кино 1960-х годов для того, чтобы кино стало действительно национальным. Это описание может быть дополнено вопросом о том, предлагают ли фильмы национальные темы или выражают ли они определенные особенности национальной культуры, становятся ли они местом обсуждения социально актуальных вопросов или, возможно, передают аудитории общие коды, обозначающие коллективную принадлежность? Являются ли эти фильмы скорее средством воспроизведения культурных традиций через новые визуальные формы, или же они активно участвуют в процессе строения и модернизации нации и т. д.?

Имеющиеся статистические данные ничего об этом не говорят, но можно с уверенностью сказать, что в 1960-1970-е годы доля армянских фильмов в общем количестве фильмов, выходящих в прокат в Армении, была незначительной, а сами фильмы часто были гораздо менее популярны, чем российские. Поэтому говорить о влиянии этих фильмов на аудиторию можно только с большой оговоркой. Именно Москва управляла всей киноиндустрией: финансирование, размножение фильмов, развитие человеческих ресурсов, промышленная политика, цензура, а также закупки зарубежных фильмов и прокат в целом. Советская армянская власть не имела к этому особого отношения. Это ключевые обстоятельства, которые следует принимать во внимание при обсуждении национального кино, поскольку они формируют само значение «национального», значительно сужая его. И даже сейчас, при обсуждении армянских фильмов советской эпохи, «национальное», как правило, понимается в слишком узком, упрощенном смысле, где прежде всего подчеркивается именно этнический аспект дела: фильм армянский поскольку он снят в Армении, режиссёр и актеры – армяне, язык фильма армянский и сам фильм, как факт, как культурное достижение является еще одним свидетельством национального возрождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти два примера, две разные истории о «национальном», надеюсь, дают некоторое представление о вовсе неоднозначных формах национальной модернизации, о пределах её успехов и ограничениях в Советском Союзе. Рональд Сюни и Терри Мартин, принимая во внимание широкие возможности для эмансипации национальностей в Советском Союзе, утверждают, что «большая часть работы по деколонизации уже была проделана в Советском Союзе». ⁶ Я пытался показать, что в ходе советского проекта модернизации национальное и социалистическое (что часто означало русское) были настолько тесно взаимосвязаны, что деколонизация в некотором смысле означало реколонизацию, но в более тонкой и трудноуловимой форме. ⁷

ССЫЛКИ

- 1 См.: Ronald G. Suny and Terry Martin, eds., *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* (New York: Oxford University Press, 2001).
- 2 См.: Андреас Каппелер, «„Россия – Многонациональная Империя“: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги», в сборнике: *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*, редакторы-составители: Илья Герасимов, Марина Могильнер и Александр Семенов (М.: Новое издательство, 2010), 265 – 266.
- 3 Эти темы обсуждаются в статьях автора на армянском языке, см.: Հրաչ Բայադյան, «Սասունցի Դավիթը Երևանում. Ժողովրդական վեպի տեղափոխությունները», *Հետք*, 9 սեպտեմբերի 2016 թ. [Грач Баядян, «Давид Сасунский в Ереване: перемещения народного эпоса», *Hetq*, 9 сентября 2016 г.], последнее посещение 30.06.2019, <https://hetq.am/hy/article/70582>; Հրաչ Բայադյան, «Գրական տեքստից վիճակ կինոնկար. Բանակցելով տեսողական ներկայացման սահմանափակումները», *Հետք*, 27 նոյեմբերի 2014 թ. [Грач Баядян, «От литературного текста до фильма: переговоры вокруг пределов визуальной репрезентации», *Hetq*, 27 ноября 2014 г.], последнее посещение 30.06.2019, <https://hetq.am/hy/article/57531>.
- 4 Lauri Honko, "Epic and Identity: National, Regional, Communal, Individual," *Oral Tradition*, 11/1 (March 1996): 30 – 31.
- 5 См.: Valentina Vitali and Paul Willemen, "Introduction," in *Theorising National Cinema*, edited by Valentina Vitali and Paul Willemen, London: Palgrave Macmillan, 2006), 2 – 3.
- 6 Suny and Martin, *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, 17.
- 7 Более подробно об этом см.: Hrach Bayadayan, "Becoming Post-Soviet," Series: *Documenta 13: 100 notes – 100 thoughts*, no. 059, 2012, Hatje Cantz.

БИБЛИОГРАФИЯ

Каппелер, Андреас. «„Россия – Многонациональная Империя“: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги». В сборнике: *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*, редакторы-составители: Илья Герасимов, Марина Могильнер и Александр Семенов, 265 – 282. М.: Новое издательство, 2010.

Bayadyan, Hrach. "Becoming Post-Soviet." *Series: Documenta 13: 100 notes – 100 thoughts*, no. 059 (2012). Hatje Cantz.

Honko, Lauri. "Epic and Identity: National, Regional, Communal, Individual." *Oral Tradition*, 11/1 (March 1996): 18 – 36.

Suny, Ronald, and Martin, Terry, eds. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. New York: Oxford University Press, 2001.

Vitali, Valentina, and Willemen, Paul. "Introduction." In *Theorising National Cinema*, edited by Valentina Vitali and Paul Willemen, 1 – 14. London: Palgrave Macmillan, 2006.

Բայադյան, Հրաչ, «Գրական տեքստից մինչև կինոնկար. Բանակցելով տեսողական ներկայացման սահմանափակումները»: *Հետք*, 27 նոյեմբերի 2014 թ. [Баядян, Грач. «От литературного текста до фильма: переговоры вокруг пределов визуальной репрезентации». *Hetq*, 27 ноября 2014 г.]. Последнее посещение 30.06.2019. <https://hetq.am/hy/article/57531>:

Բայադյան, Հրաչ, «Սասունցի Դավիթը Երևանում. Ժողովրդական վեպի տեղափոխությունները»: *Հետք*, 9 սեպտեմբերի 2016 թ. [Баядян, Грач. «Давид Сасунский в Ереване: перемещения народного эпоса». *Hetq*, 9 сентября 2016 г.]. Последнее посещение 30.06.2019. <https://hetq.am/hy/article/70582>:

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՀՐԱՉ ԲԱՅԱԴՅԱՆ / «ԱԶԳԱՅԻՆ» ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄՆԵՐԸ ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Բանալի բառեր – «ազգային» հասկացությունը, սոցիալիստական արդիականացում, ազգային արդիականացում, ազգային էպոս, ազգային կինո, ապագադրվածություն-վերագադրվածություն:

Հոդվածում դիտարկվում է «ազգային» հասկացության իմաստի կառուցման և փոփոխման ընթացքը Խորհրդային Հայաստանում երկու առանձին դեպքերի՝ «ազգային էպոսի» և «ազգային կինոյի» օրինակների ընկալմամբ: «Ազգայինի» մասին այս երկու պատմությունները, իրենց հերթին, որոշ պատկերացում են տալիս Խորհրդային Միությունում հայկական արդիականացման ձևերի, երկիմաստությունների ու սահմանափակությունների մասին:

SUMMARY

HRACH BAYADYAN / THE TRANSFORMATIONS OF THE NOTION OF THE “NATIONAL” IN SOVIET ARMENIA52

Key words: the notion of the “national,” socialist modernization, national modernization, national epos, national cinema, decolonization-recolonization.

This article considers the process of constructing and changing the meaning of the “national” in Soviet Armenia through discussing two specific cases: the “national epos” and the “national cinema.” These two stories about the “national” in turn give some idea about the forms of Armenian modernization in the Soviet Union, about its ambiguities and limitations.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Грач Баядян – культурный критик. Он преподает в Ереванском государственном университете и в Институте современного искусства. Основную тему его работ последних лет можно предварительно определить как «восточноармянская современность (модернити)». Он использует подходы и инструменты таких междисциплинарных областей, как Колониальный дискурс и постколониальные исследования и Культурные исследования. В его статьях обсуждаются вопросы национальной культуры и формы культурного сопротивления в Советской Армении, формирование потребительской культуры в постсоветской Армении, трансформации городской среды.

Грач Баядян (Армения) / hrachb@yahoo.com

О «СОВЕТСКОМ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В АРМЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

советское, память, Армения, политика, история, постсоветское.

ВВЕДЕНИЕ

Обычно в исследованиях памяти и исторической политики, особенно на постсоветском пространстве, большое внимание уделяется проблемам политики памяти. В рамках этой политики особенно важным является то, каким образом думает и функционирует государство в контексте исторической памяти (через учебники и институции), а также каким образом через память о прошлом властью, как основным актором политики, конструируется настоящее.

В этом смысле постсоветский контекст примечателен, поскольку мы имеем дело с динамичными и еще незавершенными социокультурными процессами, происходящими на наших глазах. Более того, подавляющая часть общества не только имеет жизненный опыт советского прошлого, но также является носителем советской исторической политики и ее постсоветской трансформации. Если распад СССР, образование новых государств в политическом смысле можно считать границей между советским и постсоветским, то в широком контексте социально-культурных преобразований, в частности политики памяти и исторической политики, социальные, культурные, также политико-культурные процессы представляются более сложными, многоуровневыми и неоднозначными.

Вопрос отношения к прошлому и его интерпретации занимает важное место в политическом и общественном дискурсе любого государства. Надо отметить, что историческая политика сама по себе является инструментом, с помощью которого решаются актуальные политические задачи, основные из которых – легитимация власти, формирование идентичности с заранее заданными политическими параметрами. Политика памяти как бы является инструментом для формирования коллективной идентичности, которая призвана поддерживать политическую деятельность.

Исследованные примеры памяти о «советском» четко демонстрируют тот факт, что связь между исторической политикой относительно прошлого и общественным восприятием того или иного исторического факта не всегда прямолинейна, особенно когда речь идет о революционных и постреволюционных ситуациях. Часто это проявляется конфронтацией между «верхом» и «низом», что четко можно проследить на примере дискурсов о «советском». С одной стороны есть новая реальность и политика со своими символами, идеологическими установками, а с другой – общество, у которого советское прошлое пока еще не стало историей, а продолжает быть частью повседневности, воспоминаний, семейной и индивидуальной памяти. Это хорошо иллюстрируется на примере исследования советского прошлого, поскольку постсоветская реальность и общество еще переплетены с опытом советского прошлого. В частности, иногда новая политика памяти и историческая политика сталкиваются с повседневным опытом

общества и индивидов. Я полагаю, что учетывание данного фактора является важным методологическим аспектом в понимании постсоветской сложной ситуации в контексте политики памяти. По словам одной молодой информантки, как-то за столом, в кругу своих старших родственников, она пыталась в целом отрицательно представить советское прошлое, пользуясь знаниями, которые она приобрела, читая и исследуя «советское». Она высказала мысль о том, что для нее это прошлое и советская жизнь неприемлемы, и удивилась, когда на нее обрушились старшие, сказав, что она не знает, каким хорошим, каким райским оно было – *«ты не знаешь, ты не жила в эти времена»*.

Очевидно, что здесь сталкиваются две формы памяти, предложенные Я. Ассманом: коммуникативная память и культурная память. Коммуникативная память – это «воспоминания», разделяемые индивидом со своими современниками, память, возникающая во времени и переходящая вместе со своими носителями, уступая место новой памяти, т.е. культурной, которая передается по институциональным каналам через трансмиссии – архивы, музеи, мемориалы, школьные программы, публичные и частные мемориальные ритуалы.¹

«Советское» переплетается в разных формах памяти – от коммуникативной до культурной и, исследуя ее, нельзя не учитывать эту особенность.

Взаимосвязь между коммуникативной и культурной памятью видна при анализе политики памяти о «советском» в Армении. Полагаю, что это характерно также для обществ и государств всего постсоветского пространства, поскольку их объединяет советское прошлое и постсоветское настоящее со своими особенностями.

В случае Армении надо учитывать и такие явления, как Карабахская война, вынужденная миграция армян из Азербайджана, блокада, непреодоленные последствия землетрясения 1988 года и т. д. Если учесть, что настоящее конструирует прошлое, исходя из современных посылок и из образов прошлого сохраняется то, что важно и нужно именно в современности, то они сразу же обусловили специфику постсоветской реальности, и, естественно, отразились на восприятии советского прошлого.

Как можно объяснить или понять современный дискурс о «советском» или «большевизме» в Армении, учитывая вышеупомянутые особенности и явления? Связан ли он с постсоветской исторической политикой как результат политики памяти или это более сложное и противоречивое явление с разными акторами? Можем ли мы говорить о единой и непрерывной линии «советского» в постсоветской Армении или относительно его все-таки есть разные периоды и акторы?

В этом контексте было бы интересно рассмотреть, какие изменения претерпели политика памяти и историческая политика в постсовет-

ской Армении в связи с «советским прошлым»). Начиная с 1990-х годов, относительно дискурсов и практик, касающихся «советского», можно выделить следующие условные этапы: первый – революционный этап (конец 1980-х и начало 1990-х годов), второй – этап «советской реставрации» (начиная со второй половины 1990-х годов) и третий этап – постколониальный.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ КУЛЬТУРА» И СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

Уже начиная с 1990-х годов, в период обретения независимости, когда новые национал-демократические силы в Армении пришли к власти, сменив коммунистическую партию и политическую систему, вопрос, касающийся отношения к советскому прошлому, вышел на первый план. Надо подчеркнуть, что Республика Армения объявила себя правопреемницей Советской Армении, в отличие, например, от Грузии и Азербайджана, которые «восстановили» независимость, прерванную в 1920 – 1921 годах советской властью, объявив себя правопреемниками республик 1918 – 1920 годов. Это – важный аспект в армянском контексте, поскольку советский период в политико-юридическом смысле считался легитимным, а также подчеркивалась непрерывность государственности. Вследствие этого позже в общественном дискурсе начал использоваться термин «третья республика», так как Армянская ССР воспринималась как вторая.² Правда, это совсем не означало, что у армянского общества не было своих претензий к советскому периоду и советской власти, особенно в случае национальных проблем Карабаха, Нахиджевана, Московского и Карсского договоров 1921 года. В большинстве своем, советский период и советские политические деятели стали восприниматься и оцениваться сквозь призму «национального». Таким образом произошла интеграция Первой Республики, Советской Армении и Республики Армении. Символами новой Армении стали герб, флаг и гимн Первой Республики.

Однако неотчужденность советского периода иллюстрирует до сих пор не завершённый дискурс о гербе и гимне современной Армении, частью которого является мнение о том, что герб и гимн Советской Армении (естественно с изменениями, исключаящими коммунистическо-советское содержание) более приемлемы как в художественно-эстетическом смысле, так и в качестве национальных символов. Немалую роль в этом дискурсе играет и то, что автором герба является выдающийся художник М. Сарьян, а автором гимна – всемирно известный композитор А. Хачатурян, которые сами по себе являются национальными символами и гордостью.

Естественно, что революционные перемены конца 1980-х годов и начала 1990-х годов отразились на культурном ландшафте республики и ее столицы Еревана. Это прежде всего касается процесса пере-

именования населенных пунктов и улиц, имевших советские названия, а также памятников, которые также стали объектом изменений. Чтобы лучше понять эти изменения культурного ландшафта в контексте памятников и памяти на постсоветском пространстве в целом, и в Армении в частности, как отмечает Л. Абрамян, необходимо сослаться на работу Владимира Паперного, который обращается к семиотике тоталитарной советской культуры, или «культуры 2»), как он ее называет. Созидание в культуре 2, по словам Паперного «<...> часто имело конечной целью разрушение. Но и наоборот, в разрушении культура 2 часто видела созидательный акт».³ Тоталитарной культуре 2 предшествует революционная культура 1, причем «<...> разница между двумя культурами состоит лишь в том, что культура 1 видела разницу между созиданием и уничтожением. Она стремилась сначала все уничтожить, а потом начать создавать заново. Культура 2 всего лишь соединила эти два движения в одно».⁴ В том же смысле эти две культуры имеют дело также с памятниками – их разрушением-созиданием. Как показывает Л. Абрамян, постсоветское отношение к памятникам в Армении во многом близко революционной культуре.⁵

«Революционный период» ознаменовался сносом памятников коммунистических лидеров и символов, переименованием улиц и населенных пунктов, созданием новых учебников и исторических нарративов. Поскольку во временном плане это совпало с началом 1990-х годов, то оно имело как бы революционную легитимность и по большей части не оспаривалось обществом или его отдельными сегментами. Революция сама по себе порождает надежду, а революционная культура, уничтожая старое, делает посыл в «светлое» будущее, в свои идеалы.

Надо отметить, что снос памятников характерен именно для начала 1990-х годов. Единственным публичным сносом в Ереване был памятник Ленину в 1991 году на одноименной площади, которую позднее переименовали в площадь Республики. Одним из последних был снесен памятник «Слава труду» или памятник Рабочему в 1997 году. Как пишет Л. Абрамян: «Наверное, наиболее странно в списке демонтированных памятников в Ереване выглядела статуя Рабочего в индустриальном районе города. До сих пор остается загадкой, почему Рабочий разделил судьбу ключевых коммунистических деятелей».⁶ Надо подчеркнуть, что в Ереване, например, некоторые второстепенные памятники (например, бюсты перед школами), были удалены задолго до того, как главный памятник Ленина был снят в 1991 году с центральной площади. Эти монументы обычно исчезали тайно, без каких-либо зрителей.⁷

Примечательно, что вплоть до 1988 – 90-х годов в Армении сохранялся памятник Сталину в азербайджанонаселенном селении Алдара Мегринского района. В советский период сельчане отказывались сносить

памятник, мотивируя это тем, что тот был поставлен за счет средств их колхоза. И только когда в этом селе обосновались армянские беженцы из Азербайджана, то памятник был наконец снесен.⁸ Памятники армянским большевикам С. Шаумяну,⁹ А. Мясникяну¹⁰ и другим в Ереване сохранились. Полагаю, что кроме художественной ценности, не последнюю роль сыграли восприятие «советского» через призму «национального», что также отразилось в дискурсе о советском. В этом контексте, к примеру деятельность А. Мясникяна, руководителя Армянской ССР в начале 1920-х годов, многими оценивалась положительно, в частности в вопросе консолидации армянской интеллигенции в Советской Армении, восстановлении экономики. С. Шаумян, как руководитель Бакинской коммун, погибший в 1918 году, не был причастен к сталинским репрессиям. Более того, сама Бакинская коммуна отчасти начала интерпретироваться также как способ самосохранения бакинских армян, которые после ее падения подверглись резне со стороны турецкой армии и мусаватистов.¹¹ Надо отметить, что в Ереване сохранились также другие памятники революционным деятелям более умеренного типа.

В 1990-х годах в основном подверглись изменению названия населенных пунктов, городов, образованных в честь и названных именем видных советских деятелей, например, Ленинакан стал Гюмри, Калинино превратилось в Ташир, Камо – в Гавар. Однако этот процесс «десоветизации» культурного ландшафта так и остался незавершённым, так как часть населённых пунктов или улиц так и не были переименованы, как и памятники, которые в большинстве своем сохранились. В этом смысле культурный ландшафт хорошо демонстрирует тот факт, что даже в бурные 1990-е отношение к советскому прошлому не диктовалось логикой «революционных» преобразований, но подвергалось более сложным процессам переосмысления.

«СОВЕТСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ»

В политологических исследованиях, касающихся изменений социополитической реальности государств постсоветского пространства конца 90-х – начала 2000-х годов, часто употребляется термин «постсоветская реставрация». Этим изменениям присуща трансформация власти и смена «либерал- или национал-демократических» сил или новых элит на бывших советских или коммунистических лидеров или деятелей. Эта трансформация в Армении имеет свои особенности, поскольку здесь национал-либеральную интеллигенцию сменили военно-политические лидеры Карабахской войны (многие из которых в советское время начинали районными партийными и комсомольскими работниками, в том числе и в самом Карабахе).¹² Несмотря на это, в этот период тренд «советской реставрации» отслеживается и в Армении и проявляется особенно в культурном и идео-

логическом плане, в виде дискурсивных практик, также и в материализованных формах. Следует подчеркнуть, что эти изменения в политическом плане можно отследить уже начиная примерно со второй половины 1990-х годов, еще до фактической смены политической власти в Армении. Естественно, что эти процессы были потом продолжены. Начиная со второй половины 1990-х гг., доминирующий дискурс о советском со стороны власти меняется. Он становится более нейтральным и снисходительным к советскому прошлому. В Ереване восстанавливаются старые советские названия некоторых улиц, названных в свое время в честь армянских большевиков (С. Касьяна,¹³ А. Амиряна) и переименованных в 90-х годах. Правда, интерпретация «реставрации» этих названий властью прямо не связывалась с «советским прошлым» или его переоценкой.¹⁴ Но, фактически, результатом «реставрации» стало возвращение именно советского. Имели место также случаи восстановления бюстов некоторых армянских революционных деятелей. К примеру, в Ереване перед школой имени С. Шаумяна, по инициативе местных коммунистов, вновь был восстановлен бюст С. Шаумяна. Были восстановлены в качестве праздничных выходных некоторые праздники советского периода, такие как 8 марта, 1 мая и 9 мая. В начале 1990-х годов, после обретения независимости, когда еще были свежи антикремлевские настроения, в официальной риторике была сделана попытка перейти к формулировке «Вторая мировая война», что, однако, имело недолгую жизнь.¹⁵ А уже во второй половине 1990-х гг. власть начинает говорить, что: «9 мая – это наша общая победа». Примечательно, что 9 мая как «День Победы и Мира» в качестве выходного дня был восстановлен первым, в преддверии 50-летия Победы, по решению Национального Собрания Армении 26 апреля 1995 года. В 2001 году восстанавливаются также 1 мая и 8 марта. Интересно, что в городе Гаваре, бывшем Камо (названным в честь легендарного революционного деятеля «Камо» – С. Тер-Петросяна), стояли бюсты армянских большевиков О. Саруханяна, Б. Батикяна – участников майского восстания или большевистского вооруженного выступления¹⁶ 1920 года, который в постсоветской армянской историографии и учебниках представляется «антигосударственным актом», «антигосударственным выступлением», «антигосударственным мятежом».¹⁷ В 1990 году эти бюсты были снесены. Однако в 2001 году, по инициативе местных жителей, восстановлены. Примечательно, что после восстановления, по словам информанта, была добавлена надпись: «Позор тому, кто разрушит».

Сейчас эта часть городского ландшафта представляется также частью местной истории и местом памяти событий 1920 года, так как упомянутые события происходили именно в этих местах. В этом смысле эти памятники могут быть рассмотрены и как примеры контр-памяти (*counter memory*), потому что идут вразрез с основной направленностью исторической политики. Это – в каком-то смысле отдельные островки, которые сохраняют альтернативную

версию и альтернативную значимость прошлого, альтернативный ландшафт культурной памяти, становясь как бы армянской Вандеей, потому что есть революционная и антиреволюционная память, есть национальный исторический нарратив, сконструированный в последние 30 лет постсоветского периода, и есть эти места памяти, о которых сейчас не принято говорить.

Почему происходила «реставрация советского»? Распад СССР, социально-экономический кризис, обусловленный переходом от социалистической экономики к рыночной, особенности армянской действительности, такие как война и блокада привели к ностальгическому восприятию советской действительности, и эту ностальгию о советском прошлом можно было встретить повсеместно.¹⁸ Ностальгия и позитивное восприятие были направлены не только к советскому прошлому в целом, но и к советским и коммунистическим лидерам, в частности к тем, которые считались более профессиональными, «компетентными» по сравнению с некоммунистическими властями.¹⁹ В этой ситуации «реставрация советского» в культурном ландшафте как бы была символической компенсацией, уступкой со стороны власти обществу, чтобы как-то смягчить конфронтацию и отчужденность между властью и недовольным ею обществом.

СОВЕТСКОЕ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В августе 2017 года инициатива оппозиционной фракции «Выход» («Елк») в совете старейшин (городского парламента) Еревана по переименованию ряда улиц города, несущих название деятелей советского прошлого, вызвала бурную общественную дискуссию. Вдруг выяснилось, что эти старые большевики были на самом деле «палачами» и «изменниками», «врагами армянской государственности». Эти категорические оценки и трактовки были в основном распространены сторонниками данной инициативы в социальных сетях, в выступлениях политических и общественных активистов. Они звучали как вердикты, и, таким образом, переименование становилось как бы наказанием.²⁰ Возникший в контексте этой инициативы дискурс распространил эти оценки не только на деятельность конкретных людей, но в более широком смысле на исторические события 1920-х – 1930-х годов. Тональность дискурса была категоричной и идеологизированной. Иными словами, идеологизированная интерпретация или оценка такого сложного и проблематичного вопроса как советизация Армении естественным образом распространилась на деятельность армянских большевиков и на «советское» в широком смысле.

Этот дискурс, соединяющий национализм и антикоммунизм или ан-

тисоветизм, новое явление для постсоветской Армении, и вполне может быть вписан в постколониальный контекст, в основе которого, как отмечает Иштван Бибо, анализируя этот вопрос на примере стран и обществ Восточной Европы, лежит «экзистенциальный страх» или «тревога» (existential anxiety), переживаемые на коллективном уровне, страх перед реальной и воображаемой угрозами гибели национальной общности в результате лишения государственной самостоятельности. Согласно подобному восприятию, угроза должна была исходить от императоров, султанов или царей.²¹

Развивая идеи Бибо, А. Миллер пишет, что этот страх в обществах Восточной Европы был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, а позднее с Россией. Германию перестали воспринимать как угрозу непосредственно после Второй мировой войны, Турцию – много раньше, а потом «этот, воспитанный веками непредсказуемого, остро катастрофического развития, экзистенциальный страх последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 года на современную Россию».²²

Следует отметить, что артикулирование этого нового дискурса было особенно острым в контексте дебатов вокруг установки памятника А. Микояну²³ – одному из высших руководителей СССР сталинского и хрущевского периода. В 2014 году мэрия Еревана по инициативе родственников А. Микояна решила поставить ему памятник в центре Еревана.²⁴ Это решение вызвало бурные общественные дебаты. Дискуссия о памятнике А. Микояна имела разные пласты и содержание. В ней был также «постколониальный» подтекст. Предложение поставить памятник А. Микояну, как отмечает Г. Шагоян, стало частью дискурса о «повторной колонизации» Армении со стороны России. В политическом контексте спор об установке памятника Микояну вписался в контекст вступления Армении в Таможенный и Евразийский экономические союзы, и разворачивался именно в разгар споров о целесообразности вступления Армении в эти организации.²⁵

Примечательно, что в широком смысле именно власть стала инициатором «ре-советизации» городского ландшафта памяти посредством памятника А. Микояну, а общество в виде разных его сегментов воспротивилось этому. Основным из сюжетов этой дискуссии было отношение Микояна к проблеме «национального».²⁶ Для сторонников памятника армянское происхождение советского лидера считалось достаточным основанием для муниципального решения. Противники, наоборот, представляли его как предателя национальных интересов и функционера советских репрессий. В этом контексте активно циркулировали документы, связанные с А. Микояном, к примеру, с просьбой расстрелять дополнительно 700 армян («дашнаков» в Советской Армении – А.А.), с требованием по возможности ускорить передачу Зангезура, Нахиджевани и Карабаха в состав Азербайджана, которые воспринимались как акты «национального предательства».²⁷

В конце концов, в результате общественного резонанса памятник так и не был установлен.

История с памятником А. Микояна примечательно не только в контексте современных дискурсов о «советском», но и в том плане, как общество влияет на политику памяти и меняет ее. Приведенный пример был обратным процессом, иллюстрирующим то, как политика памяти или историческая политика могут осуществляться и инициироваться не только разными институциями, в первую очередь, властью, но и становиться объектом активного влияния общества или его отдельных сегментов, что приводит к реакции власти на эти импульсы или «голоса с низу».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что исследование советского прошлого в рамках постсоветской исторической политики памяти имеет свою специфику. Это – интересное социальное, культурное, политическое явление, в котором присутствуют различные субъекты (политическая власть, общество, отдельные слои общества и т. п.) и формы памяти – от «коммуникативной» до «культурной» и т.п. Взаимодействие между властью и обществом в постсоветской Армении выявляет разнообразие дискурсов и практик, которые формируют сложный, многовекторный и многоуровневый социально-политический и социально-культурный процесс в рамках политики исторической памяти о «советском».

В этом смысле, начиная с 1990-х гг., в контексте дискурсов и практик, касающихся «советского», можно выделить следующие условные этапы: первый – революционный этап (конец 1980-х и начало 1990-х годов), второй – этап «советской реставрации» (начиная со второй половины 1990-х годов) и третий этап – постколониальный.

ССЫЛКИ

- 1 См.: Ян Ассман, *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (М.: Языки славянской культуры, 2004).
- 2 Сейчас уже в школьных учебниках Советская Армения считается второй республикой, см.: Աշոտ Մելքոնյան, Պապել Չորալյան, Արամ Սիմոնյան, Արամ Նազարյան, Վլադիմիր Բարխուդարյան, Էդիկ Գևորգյան, Վարեն Խաչատրյան, *Հայրց պատմություն, 11-րդ դասարան, ընդհանուր ու բնագիտական հոսքեր* (Երևան: Չանգակ, 2018) [Ашот Мелконян, Павел Чобанян, Арам Симонян, Арам Назарян, Владимир Бархударян, Эдик Геворгян, Карен Хачатрян, *История Армении, учебник для 11 класса, общие и естественнонаучные потоки* (Ереван: Зангак, 2018)].
- 3 Цит. по: Левон Абрамян, «Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении)», *Acta Slavica Iaropica*, no. 20 (2003): 25 – 26.
- 4 Там же.
- 5 Там же, 26.
- 6 Там же, 28.
- 7 Там же, 26 – 27.
- 8 Некоторые аспекты адаптации беженцев (на примере беженских материалов сел Легваз, Алванк Мегринского района) в эссе автора, Арсен Акоюн, «*Приграничные и сельские исследования: развитие методов полевой работы* [22 сентября – 2 октября 2008 года]», г. Агарак, Армения (рукопись).
- 9 Степан Шаумян (1878 – 1918) – армянский революционер и политический деятель. Один из руководителей революционного движения на Кавказе, журналист, литературный критик. Глава кавказских большевиков, руководитель Бакинской коммуны, расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.
- 10 Александр Мясникян (1886 – 1925) – революционер, партийный и государственный деятель. В 1921 г. председатель Совнаркома (СНК) и нарком по военным делам Армянской ССР. С 1922 года – Председатель Союзного Совета ЗСФСР, затем первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б).
- 11 См.: Վլադիմիր Ղազարխեցյան (պատասխ. խմբ.), *Հայրց պատմություն, հատոր IV, գիրք I, Նորագույն ժամանակաշրջան, (1918 – 1945)* (Երևան: ՀԳԱԱ Պատմության ինստիտուտ, 2010) [Владимир Казакецян (ответ. ред.), *История Армении, т. 4, книга 1, Новейший период (1918 – 1945)* (Ереван: НАН РА Институт Истории: 2010), 165 – 176]; Աշոտ Մելքոնյան, Պապել Չորալյան, Արամ Սիմոնյան, Արամ Նազարյան, Վլադիմիր Բարխուդարյան, Էդիկ Գևորգյան, Վարեն Խաչատրյան, *Հայրց պատմություն, 11-րդ դասարան, ընդհանուր ու բնագիտական հոսքեր* (Երևան: Չանգակ, 2018) [Ашот Мелконян, Павел Чобанян, Арам Симонян, Арам Назарян, Владимир Бархударян, Эдик Геворгян, Карен Хачатрян, *История Армении, учебник для 11 класса, общие и естественнонаучные потоки* (Ереван: Зангак, 2018)]:
- 12 См.: Георгий Дерлугьян, *Армения на выходе из постсоветской*

рестаурации: анализ возможностей (М.: Ун-т Дмитрия Пожарского 2017), 44 – 47.

- 13 Саркис Касян (1876 – 1937) – армянский советский государственный и партийный деятель, публицист, председатель военно-революционного комитета Армении в 1920 – 21 гг.
- 14 Например, ул. Амиряна в начале 1990-х г. был переименован в честь царя Врамшапуха, по инициативе которого Месропу Маштоцу было поручено создание армянского алфавита в 405 в. В конце 1990-х гг. улица вновь был переименована в Амиряна. Мэр города мотивировал это тем, что имя царя Врамшапуха труднопроизносимо, никак не приживается, и что люди привыкли к Амиряну. Арсен Амирян (1881 – 1918) был большевиком, редактором газеты «Бакинский рабочий», членом Бакинской коммуны 1918 года.
- 15 См.: Арутюн Марутян, «Как помнят Великую Отечественную в Армении: некоторые наблюдения», *Plural: History, Culture, Society*, Vol. 4, no. 2 (2016): 102 – 103.
- 16 Майские события 1920 года в советско-армянской историографии представляются как восстания, см.: Սամսոն Զառչյան, «Մաշիսյան ապստամբության հիմնահարցը խորհրդահայ պատմագրության մեջ», *Լրաբեր հասարակական գիտությունների*, թիվ 1 (2003) [Самсон Карян, «Проблема майского восстания в советско-армянской историографии», *Вестник общественных наук*, N 1 (2003)]: 61 – 71. Термин «восстание» употребляется также в постсоветской армянской историографии, но в иной коннотации, см.: напр., Վլադիմիր Ղազախեցյան (պատասխ. խմբ.), *Հայոց պատմություն, հատոր IV, գիրք I, Նորագույն ժամանակաշրջան, (1918 – 1945)* (Երևան: ՀԳԱԱ Պատմության ինստիտուտ, 2010) [Владимир Казахемян (отв. ред.), *История Армении, т. 4, книга 1, Новейший период (1918 – 1945)* (Ереван: ИАН РА Институт Истории: 2010)], 78 – 86.
- 17 Աշոտ Մելքոնյան, Պավել Չոբանյան, Արամ Սիմոնյան, Արամ Նազարյան, Վլադիմիր Բարխուդարյան, Էդիկ Գևորգյան, Կարեն Խաչատրյան, *Հայոց պատմություն, 11-րդ դասարան, ընդհանուր ու քաղաքական հոսքեր* (Երևան: Չանգակ, 2018) [Ашот Мелконян, Павел Чобанян, Арам Симонян, Арам Назарян, Владимир Бархударян, Эдик Геворгян, Карен Хачатрян, *История Армении, учебник для 11 класса, общие и естественнонаучные потоки* (Ереван: Зангак, 2018)], 187 – 188. См.: Արարատ Հակոբյան, *Հայաստանի խորհրդարանը և կուսակցությունները 1918 – 1920* (Երևան: ՀՀԴ հրատ, 2005 [Акопян, Арагат. *Парламент Армении и партии в 1918 – 1920 гг.* (Ереван: АРФ изд., 2005)], Վանիկ Վիրաբյան, *Հայաստանի հանրապետությունը 1918 – 20 թթ., ուսումնական ձեռնարկ ԲՈՒՀ երի համար* (Երևան: ԵՊՀ հրատ, 2011) [Ваник Вирабян, *Республика Армения в 1918 – 20 гг.* учебное пособие (Ереван: изд. ЕГУ, 2011)].
- 18 См.: Արսեն Հակոբյան, *Ժողովրդական պատկերացումները ՀՀ սոցիալական, տնտեսական, քաղաքական իրավիճակի վերաբերյալ*, (Երևան, 1997 – 1998) (ձեռագիր) [Арсен Акопян, *Народные представления о социальной, политической и экономической ситуации в Армении* (Ереван: 1997 – 1998) [рукопись]].

19 Там же.

- 20 ՏՄ.: Արսեն Հակոբյան, «Խորհրդայինը Հետխորհրդային Հայաստանում. քարոզչություն, պատմություն և իրականություն»: ՊՊՀ, ԲՈՒԸ ԹՎ, 25 սեպտեմբերի 2017 թ., Տեսաձայնագրություն, 22:50 [Արսեն Ակոպյան, «Советское в постсоветской Армении: пропаганда, история и реальность», ППА, БУН ТВ, 25 сентября 2017 г. Видеозапись, 22:50], последнее посещение 15.05.2019, <http://boon.am/post-soviet-armenia/>.
- 21 ՏՄ.: Ishtván Bibó, "The Miseries of the East European Small States," in *The Art of Peacemaking: Political Essays by I. Bibó*, 130 – 180 (New Haven & London: Yale University Press, 2015), 149 – 150.
- 22 Алексей Миллер, *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования* (М.: Новое литературное обозрение, 2006), 11.
- 23 Анастас Микоян (1895 – 1978) – советский государственный и партийный деятель. В 1964 – 1965 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1937 года заместитель, в 1955 – 1964 гг. первый заместитель главы правительства СССР. В 1926 – 1955 годах занимал ряд министерских должностей, преимущественно в сфере торговли, в особенности – внешней.
- 24 В 2008 году по решению мэрии именем А. Микояна была названа одна из улиц Еревана.
- 25 ՏՄ.: Gayane Shagoyan, "Between Memory and Memorial: Anastas Mikoyan and 'Social Lustration' in Armenia," *Caucasus Analytical Digest*, no. 80 (16 February, 2016): 2 – 5.
- 26 ՏՄ.: Гаяне Шагоян, «Ставить ли памятник Анастасу Микояну? Опыт социальной люстрации в Армении», в сборнике: *Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР*, редакторы Александр Даниэль, Лариса Еремина и др., 127 – 151. (М.: «Мемориал» – «Звенья», 2016).
- 27 Там же, 140 – 46.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамян, Левон. «Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении)». *Acta Slavica Iaponica*, no. 20 (2003): 25 – 49.

Абрамян, Левон. «Ереван: память и забвение в организации пространства постсоветского города». *Антропологический Форум*, № 12 (2010): 248 – 271.

Акопян, Арсен. «Приграничные и сельские исследования: развитие методов полевой работы [22 сентября – 2 октября 2008 года], г. Агарак, Армения». 2008 (рукопись).

Ассман, Ян. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Дерлугьян, Георгий. *Армения на выходе из постсоветской реставрации: анализ возможностей*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017.

Марутян, Арутюн. «Как помнят Великую Отечественную в Армении: некоторые наблюдения». *Plural: History, Culture, Society*, Vol. 4, no. 2 (2016): 95 – 105.

Миллер, Алексей. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М.: Новое Литературное Обозрение, 2006.

Шагоян, Гаянэ. «Ставить ли памятник Анастасу Микояну? Опыт социальной люстрации в Армении». В сборнике: *Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР*, редакторы Александр Даниэль, Лариса Еремина и др., 127 – 151. М.: «Мемориал» – «Звенья», 2016.

Bibó, Ishtván. "The Miseries of the East European Small States." In *The Art of Peacemaking: Political Essays by I. Bibó*, 130 – 180. New Haven & London: Yale University Press, 2015.

Shagoyan, Gayane. "Between Memory and Memorial: Anastas Mikoyan and 'Social Lustration' in Armenia." *Caucasus Analytical Digest*, no. 80 (16 February 2016): 2 – 5.

Հակոբյան, Արարատ, *Հայաստանի խորհրդարանը և կուսակցությունները 1918 – 1920*: Երևան: ՀՅԴ հրատ, 2005 [Акопян, Арагат. *Парламент Армении и партии в 1918 – 1920 гг.* Ереван: АРФ изд., 2005]:

Հակոբյան, Արսեն, *ժողովրդական պատկերացումները ՀՀ սոցիալական, տնտեսական, քաղաքական իրավիճակի վերաբերյալ*, Երևան, 1997 – 98 (ձեռագիր) [Акопян, Арсен. *Народные представления о социальной, политической и экономической ситуации в Армении*. Ереван: 1997 – 98 (рукопись)]:

Հակոբյան, Արսեն, «խորհրդայինը Չետխորհրդային Հայաստանում. քարոզչություն, պատմություն և իրականություն»: *ՊՊՀ, ԲՈՒՆ ԹՎ*, 25 սեպտեմբերի 2017 թ.: Տեսաձայնագրություն, 22:50 [Акопян, Арсен. «Советское в постсоветской Армении: пропаганда, история и реальность». *ППА, БУН ТВ*, 25 сентября 2017 г. Видеозапись, 22:50]. Последнее посещение 15.05.2019. <http://boon.am/post-soviet-armenia/>.

Ղազարխանյան, Վլադիմիր (պատասխ. խմբ.), *Հայոց պատմություն, հատոր IV, գիրք I, Նորագույն ժամանակաշրջան, (1918 – 1945)*:

Երևան: ՀԳԱԱ Պատմության ինստիտուտ, 2010 [Казахециян Владимир (ответст. ред.). *История Армении, т. 4, книга 1, Новейший период (1918 – 1945)*. Ереван: НАН РА Институт Истории: 2010]:

Մելքոնյան, Աշոտ, Չոբանյան, Պավել, Սիմոնյան, Արամ, Նազարյան, Արամ, Բարխուդարյան, Վլադիմիր, Չևորգյան, Էդիկ, Խաչատրյան, Կարեն, *Հայոց պատմություն, 11-րդ դասարան, ընդհանուր ու բնագիտական հոսքեր*: Երևան: Չանգակ, 2018 [Мелконян, Ашот, Чобанян, Павел, Симонян, Арам, Назарян, Арам, Бархударян, Владимир, Геворгян, Эдик, Хачатрян, Карен. *История Армении, учебник для 11 класса, общие и естественнонаучные потоки*. Ереван: Зангак, 2018]:

Վիրաբյան, Վանիկ, *Հայաստանի հանրապետությունը 1918 – 20 թթ.*, ուսումնական ձեռնարկ ԲՈՒՀ երի համար: Երևան: ԵՊՀ հրատ, 2011 [Вирабян, Ваник. *Республика Армения в 1918 – 20 гг.* учебное пособие. Ереван: изд. ЕГУ, 2011]:

Քառյան, Սամսոն, «Մայիսյան ապստամբության հիմնահարցը խորհրդահայ պատմագրության մեջ»: *Լրաբեր հասարակական գիտությունների*, թիվ 1 (2003) [Карян, Самсон. «Проблема майского восстания в советско-армянской историографии». *Вестник общественных наук*, N 1 (2003)]: 61 – 71:

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԱՐՄԵՆ ՀԱԿՈԲՅԱՆ / ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ «ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ»-Ի ՄԱՍԻՆ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ ԶԱՂԱԶԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Բանալի բառեր – խորհրդայինը, հիշողություն, Հայաստան, քաղաքականություն, պատմություն, հետխորհրդայինը:

Խորհրդային անցյալի ուսումնասիրությունը հետխորհրդային հիշողության ու պատմության քաղաքականության առնչությամբ ունի իր առանձնահատկությունները: Այն բավական բարդ խնդիր է, ինչպես դերակատարների (իշխանության, հասարակության, հասարակության տարբեր սեգմենտների), այնպես էլ հիշողության ձևերի (հաղորդակցային, մշակութային և այլն) բազմազանության առումով: Հողվածի շրջանակում Հայաստանում խորհրդային անցյալի վերաբերյալ հիշողության քաղաքականության դրսևորումները քննարկվում են «հասարակություն-իշխանություն» փոխազդեցության ծիրում, մասնավորապես ինչպե՞ս են դրանք ազդել և դեռ ազդում միմյանց վրա դիսկուրսների ու պրակտիկաների առումով: Հողվածում պայմանականորեն առանձնացվում են հետևյալ երեք փուլերը՝ «հեղափոխական», «խորհրդային վերականգնում» և «հետզադուրափոխական»՝ քննության առնելով դրանցում երևան եկած կոնկրետ դիսկուրսներ ու պրակտիկաներ: Ըստ այդմ էլ՝ հիմնավորվում է այն դրույթը, որ խորհրդային անցյալի նկատմամբ իրականացված հիշողության քաղաքականությունը միազի՞ծ չէ, այլ բազմազի՞ծ է ու տարաբնույթ:

SUMMARY

ARSEN HAKOBYAN / ON THE SOVIET IN THE CONTEXT OF POLITICS OF HISTORICAL MEMORY IN ARMENIA

Key words: the Soviet, memory, Armenia, politics, history, the post-Soviet.

The study of the Soviet past in relation to the post-Soviet memory and history politics has its own specificities. It is quite a difficult issue with regard to its actors (power, society, various segments of society etc.) as well as with regard to the diversity of forms of memory – from “communicative” to “cultural” one etc. Within the scope of the article, the manifestations of memory politics in Armenia are discussed in the frame of interaction between power and society, in particular, how they influenced and still influence each other in terms of discourses and practices. Conventionally, in the article, the three following phases are distinguished: “revolutionary,” “soviet restoration” and “postcolonial,” scrutinizing particular discourses and practices, emerged in them. Basing on it, the thesis is justified that memory politics toward the Soviet past is not unilinear, but multivector and diverse by nature.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Арсен Акопян – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии современности Института Археологии и Этнографии Национальной Академии Наук Республики Армения, доцент кафедры культурологии Ереванского Государственного Университета. Закончил факультет истории ЕГУ в 1999, а в 2002 аспирантуру по специальности «этнография». Исследовательские интересы включают: этничность и диаспоральные группы, память и конфликт, антропологию насилия и вынужденной миграции. Публикуется в местных и международных научных журналах.

Арсен Акопян (Армения) / arsenhakobian@gmail.com

МАНИПУЛЯЦИЯ ИСТОРИЕЙ В АКТУАЛЬНОМ ШКОЛЬНОМ УЧЕБНОМ КУРСЕ БЕЛАРУСИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политические репрессии, сталинизм, история Беларуси, школьный учебник, историческая политика, тоталитаризм.

«Советское прошлое» в Беларуси по-прежнему сохраняет свою интеллектуальную и политическую значимость. Исследователи исторической политики говорят о том, что его «нормализации» способствует естественный процесс забывания советского прошлого, а основную роль в этой «нормализации» играет официальный дискурс, в рамках которого советское прошлое интерпретировано специфически (например, идея о том, что советский период истории Беларуси был конститутивным для ее национального и государственного строительства и т.п.).¹ Однако целый ряд тем не вписывается либо очень плохо вписывается в этот нарратив, например, тема политических репрессий.

Проблема сталинских репрессий на институциональном уровне в Беларуси не изучается вообще. Специальных научных монографий всего две: первая из них – начальника отдела Государственного комитета по архивам и делопроизводству В.И. Адамушко (1994 г.),² вторая – главы Хельсинского комитета Беларуси Т.С. Протьюко (2002 г.).³ За весь период после распада Советского Союза было проведено лишь две тематические конференции (1999, 2018 гг.).⁴ Ряд справочников по репрессированным был составлен Л. Моряковым.⁵ В 2000-е имеются единичные сборники⁶ и статьи, в том числе автора этой статьи,⁷ подготовлен сборник документов.⁸ Большую работу по актуализации данной проблемы и привлечению общественного внимания к вопросам памяти жертв политических репрессий проводит И. Кузнецов.⁹

В связи с этим стоит посмотреть, как данные сложные темы вписаны в современную учебную литературу и, прежде всего, в школьные учебники. Видение истории и идентичности, транслируемое через учебники, определяется различными нормативными документами, согласно которым история должна помогать самосознанию учеников, укреплять национальную безопасность, формировать патриотизм и т. д.¹⁰

Историю XX века школьники изучают в 10 и 11 классах. Новые учебные программы для них были утверждены в 2017 г. Материал, посвященный событиям Великой Отечественной войны, по объему превосходит иные исторические темы. В целом, как в курсе по истории Беларуси, так и Всемирной истории, война не рассматривается как Вторая мировая, сведения о действиях союзников СССР по антигитлеровской коалиции отсутствуют либо изложены крайне скупо.¹¹ Травматический опыт перекрыт сообщениями о героизме.¹² Более того, учебники в целом до сих пор содержат элементы антизападной и антиамериканской пропаганды, как удачно заметил историк А. Браточкин, при их чтении не покидает ощущение, что холодная война не закончилась.¹³

В качестве единого учебника для 10 класса предлагается учебник

авторстава Е.К. Новика.¹⁴ Здесь нас интересует, прежде всего, как излагается период сталинизма в целом и сталинские репрессии, в частности.

В упомянутом учебнике 1920 – 1930-м гг. посвящен раздел «Беларусь в условиях становления советского социалистического общества. Западная Беларусь под властью Польши». Буквально первым предложением данного раздела задается фрейм и вектор: «1921 – 1939 гг. – период осуществления в Белорусской ССР новой экономической политики и строительства советского социалистического общества». Таким образом, речь будет вестись в рамках парадигмы «строительство советского социалистического общества» (ЕН, 46), так как о НЭПе тут же написано, что это лишь «тактический маневр Коммунистической партии и Советского государства в условиях послевоенной разрухи, а не изменение стратегического курса» (ЕН, 47).

При чтении учебника трудно избавиться от впечатления, что есть какой-то абсолют, здесь это Коммунистическая партия и советское государство, которые знают, как надо. Соответственно, все, кто против, имеют только корыстные цели. При этом, никаких фамилий и фактов. Далее идет некоторая конкретизация – силы Добра представлены Сталиным, Зла – прежде всего Троцким, который предложил обложить крестьян «индустриальной данью» (ЕН, 47). Политическая линия сторонников Сталина или, как сказано в учебнике «большинства руководителей ЦК ВКП (б) и СНК СССР» (!), основывалась на том, что «индустрия должна базироваться на постепенном подъеме материального и культурного уровня трудящихся города и деревни» (ЕН, 47).¹⁵ Но в следующем абзаце речь уже идет лишь о необходимости догнать капиталистические страны и об успехах, которые были достигнуты.

В разделе о «культурной революции» утверждается: «Все достижения культуры и мировой цивилизации становились доступными для человека труда» (ЕН, 48). Звучит как лозунг. Будто не было в СССР ни цензуры, ни идеологического диктата, ни борьбы с инакомыслием, ни «железного занавеса» и др.

На с. 48 после заявления, что «к концу 30-х годов в СССР было создано социалистическое общество», мы, наконец, можем узнать, что автор понимает под «социалистическим обществом». Среди семи пунктов определения обращают на себя внимание следующие: однопартийная система, всевластие партийно-государственной номенклатуры и ограничение демократических начал в жизни общества. Сложно поспорить, ведь все это до конца 1930-х годов уже имело место, а значит, исходя из такого определения, «социалистическое общество» было создано.

В следующем абзаце перечисляются деформации «первого в мире

социалистического общества» и здесь (sic!) вновь читаем об «ограничении демократических начал в жизни общества». Чуть выше это было названо среди признаков социалистического общества, а сейчас фигурирует в списке «деформаций». А дальше в очень оправдательном ключе идет объяснение, почему имели место эти деформации (ЕН, 48).

Рубрика «Ваше мнение» подводит учеников к тому, что жертвы репрессий в 1930-е годы были оправданы. «Оправданием» этим жертвам является победа в «Великой Отечественной войне».

В параграфе «Общественно-политическая жизнь в БССР в 1920-е годы» речь идет о деятельности советов, профсоюзов и комсомола. О создании СССР отмечено: «В результате всестороннего сотрудничества к середине 1922 г. все советские республики пришли к идее государственного союза между ними». Утверждается, что республики «часть полномочий добровольно передавали центральным органам власти» (ЕН, 57). Отмечается целесообразность вхождения именно на таких условиях. В рубрике «Ваше мнение» ставится вопрос: «Согласны ли вы с тем, что образование СССР соответствовало жизненным интересам Советской Белоруссии?». Заданный в таком ключе вопрос подразумевает положительный ответ.

В параграфе «Проведение индустриализации в БССР» перечисляются формы перекачки средств на нужды индустриализации (ЕН, 73). Кстати, перед этим автор критиковал Троцкого как сторонника таких методов, и с одобрением писал о противоположном мнении Сталина (ЕН, 47). Похоже, что причины этих изменений в ходе изучения курса умный ученик должен додумывать сам, сопоставив прочитанный материал с тем, что приводится в рамках учебника по всемирной истории. Рубрика «Ваше мнение» предлагает ученикам поразмыслить о роли социалистического соревнования и энтузиазма в годы индустриализации.

Параграф «Коллективизация сельского хозяйства в БССР» убеждает читателей в необходимости ее проведения и в ее исторической обусловленности (так как: «при разработке и проведении политики коллективизации учитывались коллективистские традиции славянской деревни – крестьянская община, коллективная работа на постройке дорог и мостов, помощь людям, попавшим в беду («толока»), а также опыт развития кооперации в дореволюционной России» (ЕН, 76)). И далее: «Было сделано немало, чтобы крестьяне добровольно вступали в колхозы. Однако принцип добровольности при организации колхозов не всегда обеспечивался» (ЕН, 76). Автор приводит традиционный советский нарратив о различном отношении крестьян к коллективизации, в зависимости от их имущественного положения. Очень однозначно трактуется термин «кулак», как будто речь идет о действительно объективно существующей категории населения

(ЕН, 77). Более того, документ приведенный в конце параграфа «О признаках кулацких хозяйств», из постановления СНК СССР от 21 мая 1929 года, должен подтвердить вышесказанное. Получается – все по закону, за исключением отдельных перегибов...

По словам автора, переход к сплошной коллективизации отличался тем, что «крестьян часто стали заставлять записываться в колхозы». Нельзя думать, что кто-то сегодня всерьез может поверить таким смягчениям. Среди форм крестьянского сопротивления коллективизации фигурирует только массовое уничтожение крестьянами своего скота. И далее: «Нельзя называть всех богатых крестьян людьми, которых советская власть незаслуженно грабила, обижала. Только с января до апреля 1930 г. было зафиксировано 519 антисоветских кулацких выступлений. Учитывая политическую позицию и вредительскую деятельность кулачества, а также факт сплошной коллективизации, была разработана новая политика в отношении зажиточной части крестьянства. Это была политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, <...> смысл этой политики <...> – перевоспитание их путем присоединения к продуктивной работе» (ЕН, 78). Таким образом, все акции протеста (кроме «массового уничтожения своего скота») отнесены к кулацким выступлениям. Речи о том, что политика «ликвидации кулачества как класса» включала также расстрел всех, отнесенных к первой категории нет, нет и о том, что это «перевоспитание» происходило в ГУЛАГе, на спецпоселениях в условиях неблагоприятных для жизни. О катастрофе крестьянства автор не пишет, хотя и скромно отмечает, что имели место отдельные перегибы (ЕН, 79).

Вывод учебника по теме звучит так: нельзя оценивать коллективизацию негативно (ЕН, 79), так как она «позволила стабилизировать положение в аграрном секторе экономики, повысить производительность труда» и т. д. (ЕН, 80). Более того, «коллективизация сельского хозяйства в СССР и БССР отражала тенденции мирового развития сельскохозяйственного производства» (создание крупных сельскохозяйственных кооперативов) (ЕН, 80).¹⁶ Среди вопросов к параграфу: «Назовите ошибки, которые были допущены при проведении коллективизации». Ответ, очевидно, должен строиться так: курс правильный, но при реализации были допущены отдельные ошибки и др.

В параграфе «Общественно-политическая жизнь в конце 1920 – 1930-х гг.» упоминаются «административно-директивные методы управления, что ограничивало инициативу и предприимчивость руководителей предприятий и усиливало бюрократизм государственных структур» (ЕН, 83). Получается, что ключевой характеристикой общественно-политической жизни 1930-х годов было «усиление бюрократизма государственных структур».

В данном параграфе имеется отдельный подраздел «Политические

репрессии» (только подраздел!), который начинается так: «Курс на строительство социалистического общества похоронил надежды на реставрацию капитализма. В 1920-е годы в советском обществе обострились противоречия по вопросам о направлениях общественно-политического развития страны и путях построения социализма в СССР. В очень жесткой форме развернулась борьба против противников политического курса Коммунистической партии и Советского государства. В историографии эта борьба известна под названием политические репрессии». Таким образом, получается, что политические репрессии – это форма борьбы против противников политического курса Коммунистической партии и Советского государства. Позволим себе усомниться в правильности данного определения в принципе, к тому же, во время реабилитации жертв сталинских репрессий было выработано совершенно другое определение и под него попали даже те, кого автор в советском духе клеймит как «кулаков».

Утверждается, что было репрессировано 826 белорусских «национал-демократов», упоминаются нарушения законности, доносы, издевательства и пытки (один абзац ЕН, 84 – 85), а далее: «В результате пострадало много невинных людей – партийных и государственных руководителей, деятелей науки, литературы и искусства, духовенства, трудящихся» (ЕН, 85). Согласно вышеприведенным определениям, все они, надо полагать, были «противниками политического курса Коммунистической партии и Советского государства».

Следует обратить внимание, что не указан масштаб репрессий, не указаны даже приблизительные цифры репрессированных (по В. Адамушко это примерно 600 тыс.¹⁷ Неожиданно указано только количество реабилитированных (160 тыс.). Что это? Попытка за меньшими цифрами скрыть большие? Кстати, чуть выше учебник сообщает об отмене карточек на продукты и нигде не упоминаются причины и время их введения. Опять наблюдаем сознательную концентрацию внимания только на позитиве: отмена карточек, реабилитация и созидательный труд.

И далее: «Вместе с тем десятки миллионов жертв политических репрессий в СССР, о которых рассказывается в публикациях последних десятилетий, не что иное, как миф, запущенный в общественное сознание для дискредитации социалистической системы» (ЕН, 85). Чуть выше было о том, что «Вопрос почему происходили репрессии, их истинные причины в историографии освещается с разной степенью аргументированности. Историки имеют разные мнения по этому вопросу» (ЕН, 84).

Очень удачный ход. Школьный учебник сегодня не является единственным источником информации, а сталинские репрессии от сегодняшнего дня не отдаляет столько веков, как, например, средневе-

ковую охоту на ведьм. Напротив, эта тема постоянно актуализируется различными СМИ. Дидактика заключается в том, чтобы подготовить ученика к встрече с другой правдой. И делается это очень «креативно».

Так, в учебнике все историки соответственно «своей» трактовке причин репрессий делятся на группы: 1) те, кто считает их причиной «очищение» партийного и государственного аппарата от недостойных чиновников, подавление местного сепаратизма и обеспечение безусловной власти центра, 2) «вторая группа историков, в том числе иностранных, писала о том, что Сталин накануне Второй мировой войны жестоко расправился с „пятой колонной“ (зарубежной агентурой, которая действовала на территории СССР) и этим самым укрепил безопасность собственного государства. Инициатива в осуществлении репрессий шла „снизу“ от местных партийных и советских руководителей <...>» (ЕН, 86 – 87), 3) те, кто считает, что репрессии имели экономическую основу (использование труда заключенных), 4) историки, объясняющие репрессии нетерпимостью государственных и партийных структур к инакомыслию, перекладыванием собственных ошибок на плечи «врагов» и «вредителей», 5) «немало историков <...> пишут о насилии большевиков как „повивальной бабке любой революции“» (ЕН, 86 – 87). Почему насилие большевиков – повивальная бабка любой революции – также не понятно.

Оставим в стороне искусственность и условность такого разделения историков. Здесь важно другое, таким образом, ученик подготовлен к тому, что есть более радикальные подходы к проблеме репрессий, но нельзя им верить, так как в учебнике дана иная трактовка. Сошлемся на Х. Арендт, которая писала о такой форме лжи, как сознательное размывание границы между истиной факта и мнением.¹⁸

Но вернемся к проблеме репрессий... Нельзя разрывать культуру и репрессии, или экономику и репрессии и т. д. Нельзя писать об успехах индустриализации и умалчивать о ГУЛАГе, нельзя характеризовать новую советскую литературу и молчать о том, сколько и каких книг было уничтожено, что собой представляла самоцензура и др.

В перечне жертв, опять же, перечислены партийные кадры и деятели искусства. Совсем не отмечено, что наибольшее количество репрессированных составили «маленькие люди» и, прежде всего, крестьяне. Нет ни одного слова о массовых операциях, которые составляли «вертикаль Большого террора»¹⁹ (операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, национальные операции НКВД), согласно которым только с июля 1937 по ноябрь 1938 гг. в БССР было арестовано 54 845 человек, из них не менее 27 391 человек были расстреляны.²⁰

Иллюстрирование репрессий судьбами только «великих» людей создает иллюзию, что тоталитарный режим касался только тех, кто где-то там «наверху». Но диктатура существовала не только благодаря «верхушке», с которой те, что внизу не имели ничего общего. Ей способствовали все слои и структуры общества. С другой стороны, для «подчиненных» всегда оставалось немного автономии, существовала возможность действовать самостоятельно, хотя это не всегда проявлялось открыто. Поставить вопрос так, значит затронуть проблему преступного соучастия так называемых «маленьких людей» в делах диктатуры, не дать им остаться только в роли жертв режима.²¹

Традиционно материал в учебниках для школ и вузов структурируется следующим образом: общественно-политическая жизнь (например, провозглашение БССР, политика белорусизации и т. д.), потом экономическое развитие (например, успехи индустриализации), затем может следовать рассказ о репрессиях и в заключение – о развитии культуры. Таким образом, раздел о репрессиях сводится до уровня частного случая или эпизода, вроде: «Но вместе с тем, были и отдельные отрицательные стороны <...>». Это можно видеть на примере освещения истории коллективизации. Чтобы сформировать адекватное представление о феномене сталинизма, нужно поменять саму структуру подачи ВСЕГО материала по данному периоду. Репрессии – это то, что сделало и экономику, и культуру и др. такими, какими они были (!) не только в тот период, но и после него и, даже, в некоторой степени и сегодня.

Как бы мы ни расписывали ужасы тоталитаризма (например, в будущих учебниках), сколько бы миллионов невинно убиенных мы не называли, но пока будет сохраняться такой «традиционный» подход к структурированию материала, мы не сможем приблизиться к осознанию проблемы репрессий и сущности тоталитаризма. В учебнике должен быть материал о том, что такое тоталитаризм, что такое сталинизм. Он должен знакомить учащихся с тем, как в условиях тоталитаризма развивается культура, наука, экономика и «общественно-политическая жизнь».

Сегодня и сама тоталитарная модель изучения советского общества является в определенной степени устаревшей. Историков, прежде всего, интересует ответ на вопрос относительно взаимосвязи между обществом и продолжительностью существования диктатуры (в данном случае коммунистической). Выходом видится исследование не только истории политических институтов и структур, не только действий политических функционеров и их непосредственных противников, как это делали так называемые «тоталитаристы». Не менее важную часть должен составить материал, который будет показывать почему это стало возможным. Каким образом широкие круги населения создавали не только базу для функционирования тоталитарного режима, но сами становились частью этого механизма.

Необходимо показать, что вариативность поведения «маленького человека» ограничена, что нередко это выглядело по принципу «кто не с нами, тот против нас». И что не менее важно, система жизнеобеспечения в 1930-е гг. была построена так, что только интеграция в советский проект позволяла рассчитывать на кусок хлеба. Обязательно должен быть материал о том, что определяло переход от соглашательства или пассивного восприятия режима к сопротивлению и даже к вооруженной борьбе против него. Именно эта составляющая, на мой взгляд, сделает учебник невероятно интересным. Это второй мой тезис – учебник истории должен быть интересным.

Наконец, третий мой тезис. В век «всезнающего гугла» и доступности большого количества противоречивых источников задачей школьного курса должно быть формирование навыков критического мышления. Проще всего показать относительную правду на примере анализа документов. Учащиеся должны понять, что историки не являются носителями какого-то сакрального знания о прошлом. Нет объективной исторической правды, есть объективные факты (которые содержатся, например, в архивных документах), на основании которых историки создают свою интерпретацию событий. Чрезмерно утилитарен и сам исторический документ: нет таких вещей, как «действительно объективные источники» вне пределов времени и места, вне человеческой предвзятости.²²

ССЫЛКИ

- 1 См.: Браточкин, «Преодоление „советского прошлого“ в Беларуси как проблема», *Belarusian Center for European Studies*, 19 января 2012 г., последнее посещение 12.05.2019, <http://eurocenter.by/studies/preodolenie-sovetskogo-proshlogo-v-belarusi-kak-problema>.
- 2 См.: Уладзімір Адамушка, *Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-х гадоў на Беларусі* (Мінск: Беларусь, 1994).
- 3 См.: Татьяна Протьюко, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.)* (Минск: Тесей, 2002).
- 4 Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі. Беларускі Хельсінскі Камітэт, Беларуская Асацыяцыя ахвяр палітычных рэпрэсій. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 27 – 28 лютага 1998 г. Міжнародная канферэнцыя “Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці”, 17 – 18 ноября 2017 г., Мінск. Організатары: Беларускі архів усной гісторыі (Мінск), Інстытут Славістыкі ПАН (Варшава), Польскі Інстытут у Мінске, Летучы Універсітэт (Мінск).
- 5 См.: Леанід Маракоў (аўт. складальнік), *Рэпрэсаваныя беларускія літаратары*. Энцыклапедычны даведнік у 2 тамах. Т. 1, 2. (Мінск: без выдав., 2002); Леанід Маракоў (аўт. складальнік), *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі*. Энцыклапедычны даведнік у 10 тамах (15 кнігах). Т. 1 – 4. (Смаленск: без выдав., 2003); Леанід Маракоў (аўт. складальнік), *Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі 1917 – 1967*. Энцыклапедычны даведнік у 2-х тамах (Мінск: без выдав., 2007); Леанід Маракоў (аўт. складальнік), *Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі. 1917 – 1964*. Энцыклапедычны даведнік. (Мінск: без выдав., 2009). Леанід Маракоў (аўт. складальнік), *Рэпрэсаваныя медыцынскія і ветэрынарныя работнікі Беларусі. 1920 – 1960* (Мінск 2010), на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.
- 6 См.: Игорь Кузнецов и Яков Басин (сост.), *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*, Вып.1 – 3. (Мінск: «Меморіал», 2007).
- 7 К проблеме репрессий в Беларуси обращалась автор данной статьи, см.: Iryna Ramanava, “The Amnesty and Rehabilitation of Victims of Stalinist Repression in Belarus,” in *Destalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin’s Victims after 1953*, ed. Kevin McDermott and Matthew Stibbe (London: Palgrave and Macmillan, 2015), 221 – 236; Iryna Ramanava, «„Лепельская справа“: 1937 год у Беларусі», *Беларускі гістарычны агляд* 22, сш. 1 – 2 (2015): 179 – 209; Iryna Ramanava, «Рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій ў 1950-я гады: асноўныя тэндэнцыі і этапы», *Беларускі гістарычны часопіс*, № 3 (2014): 15 – 23; Iryna Ramanava, «Рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій у канцы 1980-х пачатку 1990-х гадоў: асноўныя тэндэнцыі», *Беларускі гістарычны часопіс*, № 6 (2014): 10 – 20; Iryna Ramanava, Новая гісторыя інквізіцыі: НКУС БССР (1938 – 39 гг.); Игорь Кузнецов и Яков Басин (сост.), *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ*, Вып.1. (Мінск: «Меморіал», 2007), 335 – 375; Iryna Ramanava, Прымусовая

- ратацыя насельніцтва ў беларускім паграніччы: ін'екцыя добрадзейнасці, Игорь Кузнецов и Яков Басин (сост.), *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ*, Вып.2. (Минск: без выдав., 2007), 120 – 145; Игорь Кузнецов і Я. Басин (сост.), Рэпрэсіі супраць нацыянальных меншасцей Беларусі ў міжваенны перыяд, *Беларусь у XX стагоддзі*, Вып.1. (Мінск: без выдав., 2002), 151 – 158.
- 8 См.: Ірына Раманава (аўт. складальнік), «*Улада і грамадства: БССР у 1929 – 1939 (па дакументах Сакрэтнага аддзела /Асобага сектара ЦК КП(б)Б): зборнік дакументаў* (Мінск: Логвінаў, 2019) (в печати).
- 9 См., напр.: Вячеслав Корсак, «„Читать доносы всех на всех – вот самое страшное“. Как и за что репрессировали людей в Советском Союзе», *Имена*, 10 марта 2017 г., последнее посещение 12.05.2019, <https://imenamag.by/posts/sovetskie-repressii-v-belarusi>; также он автор справочника, Ігар Кузняцоў, *Індэкс ураджэнцаў Беларусі, рэпрэсаваных у 1920 – 1950-я гг. у Заходняй Сібіры* (Мінск: Медысон, 2002).
- 10 См.: Рекомендации по организации образовательного процесса по учебному предмету «История Беларуси» в соответствии с обновленными учебными программами в 2018/2019 учебном году, последнее посещение 12.05.2019, <https://www.adu.by/ru/homepage/prof-oby-1/istoriya-belarusi.html>. Рекомендации по организации образовательного процесса по учебному предмету «Всемирная история» в соответствии с обновленными учебными программами в 2018/2019 учебном году, последнее посещение, <https://www.adu.by/ru/homepage/prof-oby-1/vsemirnaya-istoriya.html>.
- 11 См.: Татьяна Мельничук, «Белоруссия: как пишутся учебники истории», *BBC*, 6 ноября 2013 г., последнее посещение 12. 05. 2019, https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_belarus.
- 12 См.: Алексей Браточкин, «Историк: Читаю школьный учебник, и у меня ощущение, что холодная война не закончилась», *Завтра твоей страны*, 20 июня 2017 г., последнее посещение 12.05.2019, http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25287.
- 13 Там же.
- 14 См.: Яўген Новік, *Гісторыя Беларусі, 1917 – 1945 гг.: вучэбны дапаможнік для 10 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання* (Мінск: Народная асвета, 2012); Евгений Новик, *История Беларуси, 1917 – 1945 гг.: учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения* (Минск: Народная асвета, 2012).
- 15 Надо отметить, что параллельно идущий курс по Всемирной истории дает нередко отличные трактовки как по этому, так и другим вопросам, см.: Геннадий Космач, *Всемирная история Новейшего времени: 1918–1945: учеб. пособие для 10 кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения* (Минск: Народная асвета, 2012).
- 16 Сравним с учебником по Всемирной истории: «Продовольственное обеспечение процесса индустриализации не могло быть дос-

тигнуто на основе мелкого кустарного сельскохозяйственного производства „вольных“ крестьян, преследующих исключительно свои интересы. Его могло обеспечить только послушное и контролируемое государством крестьянство. Принимая решение о сплошной коллективизации крестьян, советское партийное руководство стремилось также к укреплению своей власти путем уничтожения прослойки зарождавшихся сельских капиталистов (кулаков) и вообще рыночных отношений на селе. Объединение всех крестьян в колхозы и совхозы было не планомерным и добровольным, а немедленным и принудительным. Семьи зажиточных крестьян и даже середняков раскулачивались и выселялись в восточные и северные районы страны. От этой политики пострадали миллионы людей. Сократилось поголовье скота, начался массовый уход сельского населения в города, где требовалась рабочая сила. Оставшиеся в деревне 35 млн. колхозников вынуждены были обеспечивать те же показатели сельскохозяйственного производства, которых ранее достигали 55 млн. крестьян-единоличников. Таким образом, индустриальный скачок был осуществлен во многом за счет крестьян, полностью зависимых от государства. Именно в этом заключался основной исторический итог коллективизации (Космач, *Всемирная история Новейшего времени...*, 94).

- 17 См.: Уладзімір Адамушка, Рэпрэсіі палітычныя, *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т., т. 6* (Мінск: БелЭН, 2001). Однако исследователь Ю. Королев аргументированно оспаривает данные цифры, см.: Юліян Каралеў, «Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій у Беларусі», *Arche*, № 5 (2014): 49.
- 18 См.: Ханна Арендт, *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. (М.: Институт Гайдара, 2014), 368 – 369.
- 19 См.: Марк Юнге, Геннадий Бордюгов и Рольф Биннер, *Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447* (М.: Новый Хронограф; АИРО-XX1, 2008).
- 20 См.: Александр Артизов, Юрий Сигачев и др., *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3-х томах, т. 2. Фе враль 1956 – начало 1980-х гг.* (М.: МФД, 2003).
- 21 См.: Ян Берендс, Вера Дубина, Андрей Сорокин (ред.), *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы* (М.: РОССПЭН, 2015).
- 22 Идеи автора этой статьи относительно того, как это может выглядеть в учебном курсе см.: Ірына Раманавя, «Рэпрэзентацыя бальшавіцкага тэрору ў школьных навучальных курсах», *Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці: навуковы зборнік*, рэд. Алесь Смалянчук і Олена Кандрацюк (Мінск: Зміцер Колас, 2018), 488 – 502.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арендт, Ханна. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Институт Гайдара, 2014.

Артизов, Александр, Сигачев, Юрий, и др. (сост.). *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3-х т. Т. 2. Февраль 1956 – начало 1980-х гг.* М.: МФД, 2003.

Берендс, Ян, Дубина, Вера, и Сорокин, Андрей (ред.). *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы*. М.: РОССПЭН, 2015.

Браточкин, Алексей. «Преодоление „советского прошлого“ в Беларуси как проблема». *Belarusian Center for European Studies*, 19 января 2012 г.. Последнее посещение 12.05.2019.

<http://eurocenter.by/studies/preodolenie-sovetskogo-proshlogo-v-belarusi-kak-problema>.

Браточкин, Алексей. «Историк: Читаю школьный учебник, и у меня ощущение, что холодная война не закончилась». *Завтра твоей страны*, 20 июня 2017 г.. Последнее посещение 12.05.2019.

http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25287.

Чорсак, Вячеслав. «Читать доносы на всех – вот самое страшное». Как и за что репрессировали людей в Советском союзе». *Имена*, 10 марта 2017 г. Последнее посещение 12.05.2019.

<https://imenamag.by/posts/sovetskie-repressii-v-belarusi>.

Космач, Геннадий. *Всемирная история Новейшего времени: 1918 – 1945 гг.: учеб. пособие для 10 кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения*. Минск: Народная асвета, 2012.

Кузнецов, Игорь, и Басин, Яков (сост.). *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*. Вып.1 – 3. Минск: "Мемориал", 2007.

Мельничук, Татьяна. «Белоруссия: как пишутся учебники истории». *BBC*, 6 ноября 2013 г.. Последнее посещение 12.05.2019.

https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_text-book_belarus.

Новик, Евгений. *История Беларуси, 1917 – 1945 гг.: учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения*. Минск: Народная асвета, 2012.

Протьюко, Татьяна.

Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.). Минск: Тесей, 2002.

Рекомендации по организации образовательного процесса по учебному предмету «История Беларуси» в соответствии с обновленными учебными программами в 2018/2019 учебном году. Последнее посещение 12.05.2019. <https://www.adu.by/ru/homepage/prof-oby-1/istoriya-belarusi.html>.

Рекомендации по организации образовательного процесса по учебному предмету «Всемирная история» в соответствии с обновленными учебными программами в 2018/2019 учебном году. Последнее посещение 12.05.2019. <https://www.adu.by/ru/homepage/prof-oby-1/vsemirnaya-istoriya.html>.

Юнге, Марк, Бордюгов, Геннадий, и Биннер, Рольф. *Вертикаль*

большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XX1, 2008.

Ramanava, Iryna. "The Amnesty and Rehabilitation of Victims of Stalinist Repression in Belarus." In *Destalinising Eastern Europe. The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953*, edited by Kevin McDermott and Matthew Stibbe, 221 – 236. London: Palgrave and Macmillan, 2015.

Адамушка, Уладзімір. *Палітычныя рэпрэсіі 20 – 50-х гадоў на Беларусі.* Мінск: Беларусь, 1994 .

Адамушка, Уладзімір. *Рэпрэсіі палітычныя, Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6.* Мінск: БелЭН, 2001.

Каралеў, Юліян. Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій у Беларусі. *Arche*, № 5 (2014): 32 – 71.

Кузняцоў, Ігар. Індэкс ураджэнцаў Беларусі, рэпрэсаваных у 1920 – 1950-я гг. у Заходняй Сібіры. Мінск: Медысон, 2002.

Маракоў, Леанід (аўт. складальнік). *Рэпрэсаваныя беларускія літаратары.* Энцыклапедычны даведнік у 2 тамах. Т. 1, 2. Мінск: без выдав., 2002, на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.

Маракоў, Леанід (аўт. складальнік). *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі.* Энцыклапедычны даведнік у 10 тамах (15 кнігах). Т. 1 – 4. Смаленск: без выдав. 2003, на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.

Маракоў, Леанід (аўт. складальнік). *Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі 1917 – 1967.*

Энцыклапедычны даведнік у 2-х тамах. Мінск: без выдав., 2007, на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.

Маракоў, Леанід (аўт. складальнік). *Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі. 1917 – 1964.* Энцыклапедычны даведнік. Мінск: без выдав., 2009, на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.

Маракоў, Леанід (аўт. складальнік). *Рэпрэсаваныя медыцынскія і ветэрынарныя работнікі Беларусі. 1920 – 1960.* Мінск: без выдав., 2010, на веб сайце: <http://www.marakou.by/by/>.

Новік, Яўген. *Гісторыя Беларусі, 1917 – 1945 гг.: вучэбны дапаможнік для 10 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання.* Мінск: Народная асвета, 2012.

Раманава, Ірына. «„Лепельская справа“: 1937 год у Беларусі». *Беларускі гістарычны агляд*, 22. сш. 1 – 2 (2015): 179 – 209.

Раманава, Ірына. «Рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій ў 1950-я гады: асноўныя тэндэнцыі і этапы». *Беларускі гістарычны часопіс*. № 3 (2014): 15 – 23.

Раманава, Ірына. «Рэабілітацыя ахвяр палітычных рэпрэсій у канцы 1980-х пачатку 1990-х гадоў: асноўныя тэндэнцыі». *Беларускі гістарычны часопіс*, № 6 (2014): 10 – 20.

Раманава, Ірына. «Прымусовая ратацыя насельніцтва ў беларускім паграніччы: ін'екцыя добрадзейнасці». В сборнике: *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*. Вып. 2, редакторы Игорь Кузнецов и Яков Басин, 120 – 145. Мінск: «Мемориал», 2007.

Раманава, Ірына. «Рэпрэсіі супраць нацыянальных меншасцей Беларусі ў міжваенны перыяд». *Беларусь у XX стагоддзі*. Вып.1. 151 – 158. Мінск: без выдав., 2002.

Раманава, Ірына. «Рэпрэзентацыя бальшавіцкага тэрору ў школьных навучальных курсах». *Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці: навуковы зборнік*, рэд. Алесь Смалянчук і Олена Кандрацюк, 488-502. Мінск: Зміцер Колас, 2018.

Раманава, Ірына. Новая гісторыя інквізіцыі: НКУС БССР 1938 – 39 гг., *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*. Вып.1, рэдактары Ігорь Кузнецов і Яков Басин, 335 – 375. Мінск: «Мемориал», 2007.

Раманава, Ірына (аўт. складальнік). «Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 (у дакументах Сакрэтнага аддзела /Асобага сектара ЦК КП(б)Б): зборнік дакументаў. Мінск: Логвінаў, 2019 (в печати).

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԻՐԻՆԱ ՌԱՄԱՆԱՎԱ / ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՁԵՌՆԱԾՈՒԹՅՈՒՆ
ԲԵԼԱՌՈՒՄԻ ԱՌԿԱ ԴՊՐՈՑԱԿԱՆ ԾՐԱԳՐՈՒՄ

Բանալի բառեր – քաղաքական բռնաճնշումներ, ստալինիզմ, Բելառուսի պատմություն, դպրոցական դասագիրք, պատմական քաղաքականություն, ամբողջատիրություն:

Բելառուսում «խորհրդային անցյալը» դեռ շարունակում է պահպանել իր մտավորական և քաղաքական նշանակությունը: Ստալինյան բռնաճնշման խնդիրը հաստատութենական մակարդակով ընդհանրապես չի ուսումնասիրվում: Հետևաբար, արժե դիտարկել, թե դասագրքերում Ստալինյան բռնաճնշման վերաբերյալ այս բարդ թեմաներն ինչպես են ներգրված: Հոդվածում ընդգծվում է, որ 20-րդ դարում Բելառուսի դասագրքերին առանձնահատուկ է խորհրդային սխեմայի անվերջանալի խաղարկումը՝ «հին» թեմաների որոշ վերաձևակերպմամբ և փոքրաթիվ սոր թեմաների ավելացմամբ: Հոդվածը նվիրված է 10-ամյա դպրոցական ծրագրի դասագրքում 1930-ական թվականների ժամանակաշրջանի մեկնաբանմանը և ստալինիզմի, քաղաքական ճնշումների և այլ թեմաների ներկայացման ժամանակ կիրառվող ձեռնածություններին: Հիմնական դրույթը պնդում է, որ հարկավոր է փոխել ոչ միայն նյութի (հասարակական-քաղաքական կյանքի, սոցիալ-տնտեսական զարգացման, մշակույթի) ներկայացման կառուցվածքը, այլ նաև նյութեր հաստատելու հայեցակարգը: Մենք պետք է փորձենք նաև հաղթահարել խորհրդային հասարակության ուսումնասիրության ամբողջատիրական մոդելը: «ամենագետ Google-ի» դարաշրջանում և մեծ թվով հակասական աղբյուրների հասանելիության պարագայում դպրոցական ծրագրի խնդիրը պետք է լինի քննադատական մտածողության հմտությունների ձևավորումը:

SUMMARY

IRYNA RAMANAVA / A MANIPULATION OF HISTORY IN THE ACTUAL SCHOOL COURSE IN BELARUS

Key words: political repressions, Stalinism, history of Belarus, school textbook, historical politics, totalitarianism.

The “Soviet past” in Belarus still retains its intellectual and political significance. The problem of Stalinist repression is not studied at all at the institutional level. Therefore, it is worth to consider how these complex topics concerning Stalinist repression are inscribed in the textbooks. In the article, it is noted that the endless play of the Soviet scheme with some rewriting of the “old” themes and a small insertion of new ones is a characteristic of the textbooks in Belarus in the 20th century. The article is devoted to the interpretation of the period of the 1930s in an actual school textbook for 10 year students and to the manipulations that are used in the representation of the topics of Stalinism, political repressions and so on. The main thesis states that it is not only necessary to change the structure of the representation of the material (socio-political life, socio-economic development, culture), but also the concept of submitting materials. We must also try to overcome the totalitarian model of studying of Soviet society. In the age of “omniscient Google” and the availability of a large number of conflicting sources, the task of the school course should be the formation of critical thinking skills.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Ирина Романова защитила кандидатскую диссертацию в институте истории Академии наук Белоруси и в настоящее время работает профессором истории в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс). Исследовательские интересы: взаимоотношения власти и общества в период сталинизма и после него с особым фокусом на повседневную жизнь. Автор публикаций по темам сталинизм, политические репрессии, реабилитация, история повседневности, устная история. Автор книги «Мир: история местечка, рассказанная его жителями» (на белорусском, в соавторстве), составитель сборника документов «Власть и общество: БССР в 1929 – 1939 гг.» (документы Секретного отдела/ Особого сектора ЦК КП(б)Б) (в печати, 2019). Стипендиат института Славянских, Восточноевропейских и Евразийских исследований (Университет Калифорнии, Беркли), Фонда гуманитарных наук (Высшая Школа социальных исследований, Франция, Париж), также была приглашенным профессором Центра и Отдела истории и науки Института политических исследований (Париж, Франция).

Ирина Романова (Беларусь) / iryna.ramanava@ehu.lt

ПОСТСОВЕТСКАЯ
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В
УКРАИНЕ:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
РЕАЛИЗМ. КАЗАТЬСЯ
ИНЬМ¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социалистический реализм, художественный музей, политика памяти, критические практики, современное искусство, декоммунизация в Украине.

В 2017 – 2018 гг. в Национальном художественном музее Украины (НХМУ) в городе Киеве группой художников был проведен продолжительный семинар «Социалистический реализм. Казаться иным», инициированный независимой культурной организацией Метод Фонд. Семинар состоял из исследовательских, дискуссионных встреч участников, рабочей сессии, на которой присутствовали музейные работники более чем десяти музеев Украины, серии художественных интервенций в зал послевоенного искусства НХМУ, а также сопровождался публичной лекционной программой. Фокусом семинара стали репрезентативные нормы социалистического реализма, способы описания, интерпретации и показа искусства советского времени в современных музеях Украины, а также социальные и культурные функции музея, в том числе его роль в формировании политики памяти. Исследование выявило преемственность как норм репрезентации советского периода в современных музейных практиках в Украине, так и особенностей организации и функционирования системы управления искусством и сформированных в этой сфере отношений. Семинар был основан на коллекции и архивных материалах НХМУ, методологически – на объединении исследовательских и художественных подходов к истории и артефактам. В результате семинара была выпущена серия сборников «Тетради».² В основу этой статьи легли как мои, так и выводы других участников.

В Украине после 2015 года, после событий Майдана и начала войны с Россией, в поле современного искусства, в практиках художников и кураторов наблюдается интерес к документированию, архивированию, музейному представлению и проблематике исторической памяти. С этого времени были реализованы выставки, для которых концептуальной и материальной основой стали коллекции постсоветских музеев или исследование искусства советского периода,³ а также были созданы художественные работы, которые можно обозначить как «взгляд на историю».⁴

Такой «взгляд на историю» усложнен фактом длительного отсутствия дискуссий в публичном поле и исторических исследований украинского искусства в профессиональной среде. Хотя с позднего советского времени были осуществлены исследования отдельных явлений и имен из истории украинского искусства, в особенности касающиеся запрещенных или маргинализированных явлений,⁵ они имели эпизодический характер и, как следствие, не особенно повлияли на пересмотр логики истории искусства в ее социальных и политических связях и отношений локальной и глобальной историй. Добавление же в историю искусства не упомянутых ранее фактов украинской модерной культуры 1920-х не привело к возникновению более сложного взгляда на процессы XX века, а усугубило ранее существующее противопоставление репрессированного искусства и репрессировавшего его идеологического аппарата. Причем без

внимания остаются политические основания искусства и эстетические основания идеологического аппарата. Как искусствоведы не спешили критически пересматривать понятийный аппарат истории искусства и принципы историографии, так и музеи, союзы художников, образовательные институты не пересматривали свои институциональные структуры и функции. Музеи также проявили свою неспособность к пересмотру языка репрезентации искусства и формированию новых экспозиций. Все эти явления привели к парадоксальной ситуации отрицания советской культуры государственными учреждениями независимой Украины при почти полном принятии ее структуры.

В современной Украине художественные практики, реагируя на вышеописанные явления профессиональной и институциональной сферы, часто выходят на смежные территории – художник действует в роли исследователя, архивиста, куратора, нередко разоблачая сами способы и механику исследования, архивирования, курирования. Художники тяготеют к усложнению высказываний, в том числе и в противопоставлении упрощенным популистским языкам пропагандистского и идеологического характера. В ситуации со связанным с войной обострением цензуры и самоцензуры, культура является одной из немногих сфер, где заявляется право оставаться критичным.

Контекстом ряда современных художественных явлений стали деконмунизационные процессы, с их неясной логикой и практикой уничтожения в публичном пространстве следов искусства советского периода: активного (демонтаж памятников) и пассивного (лишение поддержки произведений монументального искусства). Вследствие новой политики в Украине с 2015 года происходит процесс буквального удаления знаков и символов советского времени. Декоративные элементы архитектурных фасадов и интерьеров общественных сооружений, несущие советскую символику, зачастую банально перекрашиваются в цвета государственного флага или закрываются панелями из легких материалов. Причина таких решений не столько в недостатке бюджета, сколько в общем для социально-политической, культурной, экономической сфер «евроремонтном»⁶ способе проведения реформ, происходящим в обход системным преобразованиям. Имеют место и действия начальников нижних рангов («на опережение»), которые принимают самовольные решения удалить советское искусство с публичного пространства, спровоцированные желанием угодить новой культурной политике.⁷ В то же время происходят манипуляции общественными настроениями в интересах частного бизнеса, например, использование понятия «серый совок» для захвата архитектурных сооружений позднего советского времени с целью дальнейшего переоборудования. В результате комплекса подобных действий через ширмы скорых решений все же проглядываются следы прошлого «фундаментального

строения». Декоммунизационный процесс направлен, в первую очередь, на видимые знаки – символику, названия, имена, – при этом институциональные структуры часто остаются без внимания.

Отдельным явлением, которого также коснулись государственные декоммунизационные процессы, является советское станковое искусство – социалистический реализм. Несмотря на то, что художественные музеи обязаны сохранять советские коллекции, которые подчас занимают до восьмидесяти процентов от общего количества единиц хранения, а закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики»⁸ не распространяется на произведения искусства и его экспонирование, многие художественные музеи предпочли вычеркнуть его как явление из поля репрезентации. Причем это не обязательно физическое вычеркивание – снятие со стен и перенесение в музейные запасники. Это происходит путем снятия идеологического накала произведений, их деполитизации, что не обязательно требует кардинальной смены постоянных экспозиций. Самыми распространенными ходами являются представление соцреализма в хронологии построения экспозиции как искусства послевоенного времени (например, экспозиция Национального музея во Львове им. А. Шептицкого), а также акцентирование на реалистической манере советской живописи. В последнем случае вследствие удаления из экспозиции самых ярких сюжетов идеологического характера и тематических композиций советской истории в экспозициях преобладающими становятся жанры пейзажа и натюрморта (экспозиция Хмельницкого областного художественного музея). В крайнем случае социалистический реализм полностью исчезает из залов музея, перемещаясь в запасники, и достается лишь для назидательных временных выставок (Художественный музей, г. Тернополь).

На семинаре «Социалистический реализм. Казаться иным» Метод Фондом была поставлена задача пересмотра способов описания и репрезентации соцреализма музеями как эстетического и культурного явления советского времени, с учетом репрезентативных форм соцреализма и его структурных особенностей, централизации сети музеев, унификации условий производства и художественного образования. Участников также интересовал вопрос о пересмыслении современными (постсоветскими) украинскими художественными музеями своих социальных и культурных функций, унаследованных институциональных отношений, истории и мифов, сформированных в советское время.

Основой исследования стал семинар под названием «Художественный музей, история искусства и социалистический реализм», который собрал сотрудников двенадцати художественных музеев Украины – из городов Харьков, Херсон, Хмельницкий, Донецк, Запо-

рожье, Днепр, Сумы, Кропивницкий, Полтава, Львов, Тернополь, Киев. Участникам были заданы вопросы: «Как в вашем музее изменялись принципы и способы классификации, описания и экспонирования искусства советского периода?» и «Как в вашем музее сегодня классифицируется, описывается и экспонируется искусство советского периода?». В конспекте семинара «Художественный музей, история искусства и социалистический реализм» Денис Панкратов представляет фрагменты докладов и подытоживает проявленные смыслы, выделяет моменты пересечений в ответах музейных работников, которые представляли истории формирования своих коллекций, социальную и культурную ситуацию, в которой находятся их музеи, различающуюся в зависимости от региона и статуса.

Сложности исторической репрезентации в большинстве музеев связаны с особенностями формирования коллекций и объективно обусловленными утратами: потерей довоенных коллекций во время Второй мировой войны, а также изъятием работ из коллекций в 1937 – 1939 гг. в связи с борьбой с объявленными враждебными советской культуре «формализмом» и «национализмом». Панкратов отмечает, что послевоенная коллекция, находящаяся в основе большинства советских художественных музеев и происходящая из системы всеукраинских, республиканских, тематических, юбилейных выставок, формировалась в тесной связи с переизобретенной и упорядоченной историей искусства как части истории советского государства.⁹

С 1932 года для советского искусства, подчиненным единому эстетическому методу социалистического реализма, первоочередной стала задача формирования общества. Роль в этом играли не столько отдельные объекты – произведения искусства (позитивный подход эстетики соцреализма в создании образа счастливого общества), сколько весь институт искусства. Все его акторы и отделы были регламентированы, а функция контроля над художниками была положена на Союз художников, созданный после ликвидации многообразных художественных групп. К 1960-м годам окончательно сформировался единый принцип построения экспозиций художественных музеев – историко-хронологический, благодаря которому была создана целостная картина развития советского искусства, в том числе и украинского, рожденного «великим октябрём» и расцветшего в «многонациональной семье братских народов». Через историю искусства репрезентировались важные для формирования определенного понимания и чувственного восприятия темы и сюжеты, утверждались устойчивые формы описания и репрезентации искусства. В первое послевоенное десятилетие революционная тематика и интернациональная риторика классовой борьбы сменяется тематикой «Великой отечественной войны» и панславянской «большой семьи братских народов», где главная роль отводилась «великому российскому народу».

Сейчас эти репрезентационные и мыслительные формы служат матрицами, легко наполняемыми новыми смыслами. Татьяна Вуева, сотрудница Национального музея во Львове им. А. Шептицкого и участница семинара «Социалистический реализм. Казаться иным», подмечает такие риторические формы. Они переключались в современный язык описания искусства в Украине и нередко принимают пропагандистские нотки – эксплуатируют патриотические чувства, подменяют понятия, обесценивают явления.¹⁰ В тексте, опубликованном в Тетради №1, она приводит примеры описаний культурных процессов и произведений в советских музейных путеводителях, подобные которым можно встретить в сегодняшних описаниях. Например, изменив некоторые слова, можем обнаружить подобное высказывание и сейчас: «Музей способствовал популяризации украинского искусства и воспитанию трудящихся в духе советского патриотизма, любви к своей родине».¹¹

По мысли Панкратова, озвученные в докладах музейных сотрудников современные способы репрезентации искусства советского периода обусловлены разрывом связей между произведением и историческим нарративом или эстетической традицией.¹² Такие репрезентации являются попытками избежать проблематичности этого разрыва. Например, производится бесконфликтное тематическое поле, в которое помещаются советские образы («Ищите женщину», «Рыцари советской эпохи»), либо образы сужаются до функции символа, который утверждает советский нарратив (Тернопольский художественный музей). В результате подобная репрезентированность или нерепрезентированность советских образов изолирует их от участия в истории искусств и художественного производства. Еще одним распространенным кураторским вариантом является переозначивание разрывов и противоречий коллекции в монографических выставках, где работы выстраиваются в ряд, обусловленный целостностью нарратива индивидуальной работы художника (в Днепровском, Харьковском художественных музеях, НХМУ).

Соцреализм оказывается проблемным явлением не только для кураторов музеев, занятых в экспозиционной работе, но и для искусствоведческого анализа. За основу для дискуссий семинара «Социалистический реализм. Казаться иным» было взято утверждение, озвученное в тексте «Аналитический паралич» Катерины Бадяновой, что соцреализм используется сегодня как «негативное означающее» для выявления культурных феноменов (таких как авангард, нонконформизм, культурно-консервативная традиция) – в первую очередь, для их легитимации и придания им большей значимости. При этом сам соцреализм выпадает из генеалогии собственной интерпретации.¹³ В то время как искусство соцреализма воспринимается как монолитное явление и осуждается за идеологическую нагрузку, в отношении к отдельным произведениям действует оправдательная

риторика. Например, в статье «Искусство не виновато. Почему стоит сохранять художественные произведения советской эпохи» Евгения Моляр, участница художественной инициативы ДЕ НЕ ДЕ,¹⁴ утверждает, что «невозможно вести конструктивный разговор про советское наследие, пока не осмыслена его художественная ценность».¹⁵ Так, искусство советского времени остается и в публичном пространстве города, музея, и в дискурсивных практиках либо как идеологически обезвреженное, либо как негативный пример. Дискуссия вокруг соцреализма и советской культуры происходит, в основном, в поле этики: это противостояние осуждающей риторики разоблачительного характера идеологических оснований произведения и, как ответ борцов против уничтожения произведений советского времени, оправдание как самого произведения, так и его автора – предпочтение игнорирования их роли в системе производства культуры.

Предлагаемое вытеснение идеологии из произведения соцреализма помогает открыть его для исследователя в качестве профессионально, мастерски исполненной живописи или скульптуры «академического» или реалистического характера. Произведение изымается из социо-культурных отношений, тем самым теряя определенное место в истории. Произведение рассматривается в категории «шедевра», а художник в такой комбинации – это одиночка-гений, противостоящий традиции или системе. Об этом пишет Бадянова, и уже в расширенной версии текста «Аналитический паралич» обращает внимание на ключевую проблему, присутствующую в попытках украинскими музеями и исследователями вписать соцреализм в художественную традицию: «<...> Происходит запутывание различных концептов искусства: модернистского идеала автономного художника и произведения искусства и линии, которая продолжает развитие «традиционного» искусства (классицизм, реализм, академизм, неоакадемизм и т. д.), откинутого модернистскими течениями».¹⁶

Подобная проблема запутывания концептов особенно проявлена в системе художественного образования, в которой нормы соцреализма демонстрируют явную протяженность, а модернистское основание учебных программ не рефлексивируется. Художественные академии являются прямыми преемниками организационной структуры советского времени и норм искусства соцреализма. При некоторой их либерализации многие понятия, отношения, функции остаются основополагающими для сегодняшней системы образования, например, воспитательная функция искусства или функция формирования национальной общности. В советское время искусство соцреализма репрезентировало исторический нарратив и национальные особенности украинской культуры. Эти нормы образной репрезентации беспрепятственно существуют в современной Украине и продолжают формировать восприятие ее культуры, из

исторического нарратива убираются лишь неудобные сюжеты. История искусств в постсоветском искусствознании рассказывается как история реалистической традиции: продолжая рассказ, сформированный советским искусствознанием, но без учета идеологического и политического характера творчества. Объекты искусства соцреализма в рамках учебных программ рассматриваются оторванно от условий их производства и функционирования, отдельно от системы искусства и культурной политики государства, исключительно как произведения реалистической традиции.

В пересмотре социальной роли постсоветские учреждения искусства пока не подошли к проявлению социокультурных и институциональных оснований своей деятельности, методов работы и дискурса, а также истории своего формирования. В советское время музею отводилась особенная идеологическая роль «центра коммунистического образования трудящихся»: если в 1930-х годах основной была политико-просветительская функция (провозглашенная на первом Всероссийском музейном съезде), то с послевоенного времени, не утрачивая образовательно-воспитательного значения, музеи стали восприниматься как научно-просветительские институты. Специальными научными отделами разрабатывалась нормативно-методическая база для всей сети советских музеев. Об этом пишет Катерина Бадянова в тексте «Про функции музея», рассматривая историческое становление музея как явления.¹⁷ Она отмечает, что сегодня музеологи возвращаются к первоначальным дискуссиям про принципы, функции музея, но в то же время отказываются от исследовательской работы как приоритетной в пользу менеджмента коллекций и управления потоками посетителей.¹⁸ Анализируя предложения по реформированию постсоветского музея в Украине, Бадянова отмечает пренебрежение научной составляющей в музее. Так, сегодня музей однозначно представляется как государствообразующий институт: через культурные достояния должна происходить идентификация и утверждение исторической длительности государства, а приоритетом становится образовательно-воспитательная функция. При этом музеям предлагается следовать примерам инфраструктурного реформирования европейских институций – отделения музеев от государства и максимальной самокупаемости.¹⁹

В своих наблюдениях за выступлениями музейных работников на семинаре «Социалистический реализм. Казаться иным» Панкратов также отмечает сосредоточенность музеев на публичной презентации, невнимание к процессам исследования, классификации, реставрации в работе с коллекцией советского искусства.²⁰ Такая подчиненность требованиям публичности музея отвечает не только его функционированию в системе централизованного государственного управления и традиции соответствия выставочной программы музея кален-

дарю официальных дат и мероприятий, но – шире – требованиям функционирования в системе культурного производства в рыночных условиях, требующих самокупаемости и ориентации на западные модели спектакулярной культуры.

Так публичная деятельность становится центральной музейной практикой, которой подчиняются все остальные: научная, образовательная. Такая ориентация музея не способствует концептуальному переопределению своих функций как социального института, анализу форм исторической репрезентации экспозиций, а также пересмотру отношений произведения искусства и социальной действительности. Музей из некогда влиятельного исследовательско-просветительского института превращается в выставочную площадку с грузом проблемной коллекции. Находясь в состоянии многолетнего недостатка базовых ресурсов для выживания, занятый приспособлением к новым экономическим условиям, музей вот уже четверть столетия предпочитает не утруждать себя работой со своей коллекцией, находя простые решения беспрепятственного экспонирования.

То есть в своей социальной роли музей, как институция, принадлежащая официальной системе культурных организаций, остается ретранслятором государственной идеологии и инструментом формирования политической лояльности граждан, а государство не спешит отказываться от культуры как инструмента организации определенной памяти и чувственности граждан. Структура, унаследованная постсоветскими музеями, с ее системой субординации, отлично заточена на функционирование с любой новой идеологической программой, которая регулирует и память.

Научный фокус в поле культуры остается недооцененным и не получает достаточной поддержки ни государственных, ни частных программ. Приоритетом программ финансирования культуры, учитывая и новые формы грантовой поддержки, является событийная форма реализации произведений – фестивали, концерты, выставки, кинофильмы. Отвечая на требования финансовой автономизации и первенства популярно-просветительской деятельности, двери музеев открываются разным инициативам, в том числе и критическому искусству. Хотя с напряжением общественных противостояний в связи с войной в последнее время усиливаются явные и скрытые цензурные явления – чиновники предпочитают лишний раз не идти на конфликт, оберегая свою позицию и статьи финансирования.

Подытоживая описанные явления, можно утверждать, что в современной Украине музей редко выступает агентом культурной политики. Музейным кураторам не приходит в голову идея, что исторические конфликты и сложности не нужно как-то обходить, прятать или разрешать, а наоборот, можно их выявлять, тем самым провоцируя общественные дискуссии. Для этого музеям стоит проявить свою субъектность,

ясно определить свои функции, не быть местом формирования идеологии, а сделать упор на исследовательские практики.

Культура пропаганды, как и потребления и развлечения, основана на погружении, а не на критической дистанции – здесь встречаются советская или постсоветская идеологическая культура с современными культурными формами спектаклярного характера. Для обеих критические практики современного искусства являются враждебными, так как они направлены на выявление структурных особенностей, разоблачение механизмов функционирования систем, например, методов влияния или скрытых интересов. Именно критические мыслительные практики, пристанищем которых должен быть музей, способны уберечь общество от забвения, содействовать восприятию сложности истории, заботиться о культуре памяти.

ССЫЛКИ

- 1 «Здаватися іншим», укр. – в названии присутствует смысловая игра на двусмысленности этого слова в украинском языке, которое означает «отдаваться», «сдаться», «уступить» и собственно «казаться», «мниться», «мерещиться».
- 2 В 2017 изданы Тетради №1 и №2, сейчас длится работа над Тетрадью №3.
- 3 Например, серия выставок Метод Фонда в Хмельницком областном художественном музее в 2014 – 2016 гг., выставка «Прядка, шабля і олень» в Станично-Луганском краеведческом музее в 2018 г., «Герои. Попытка инвентаризации» в 2014 – 2015 гг., кураторы: Михаэль Фер (Германия), кураторская группа НХМУ.
- 4 См., напр.: инициативы ДЕ НЕ ДЕ, Никиты Кадана, веб-публикация на сайте creatingruin.net.
- 5 См., напр., публикации, посвященные модернизму в Украине, таких авторов, как Мирослава Мудрак, „*Нова генерація*” і *мистецький модернізм в Україні* (Київ: Родовід, 2018); Олег Ильницький, Олег Ільницький, *Український футуризм, 1914 – 1930* (Львів: Літопис, 2003); каталоги и альбомы, посвященные модернизму и шестидесятичеству: Лізавета Герман, Ольга Балашова, за ред., *Мистецтво українських шістдесятників* (Київ: Основи, 2017); *Український модернізм, 1910 – 1930* (Хмельницький: Галерея, 2006); Дмитро Горбачов, за ред., *Український авангард 1910 – 1930*, альбом (Київ: Мистецтво, 1996).
- 6 Это понятие для описания процессов переустройства всех сфер постсоветской реальности Украины в соответствии с представлениями о Европе использовала группа Р.Е.П., реализовав серию художественных работ «Евроремонт» в 2010 – 2013 гг.
- 7 Самым громким была попытка снятия барельефов Украинского Дома в Киеве в 2016 г.
- 8 Принят в 2015 г.
- 9 См.: Денис Панкратов, „Конспект семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»”, у *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова (Київ: Адеф, 2017).
- 10 См.: Тетяна Вуєва, „Матеріал до семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»”, у *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова (Київ: Адеф, 2017), 13.
- 11 Там же.
- 12 См.: Панкратов, „Конспект семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»”, 8 – 11.
- 13 См.: Катерина Бадянова, «Аналітичний параліч», у *Передмова*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова (Київ: Адеф, 2016).
- 14 Самоорганизованная группа «ДЕ НЕ ДЕ» возникла как реакция на принятие «декоммунизационных» законов.
- 15 Женя Моляр, «Мистецтво не винне. Чому варто зберігати художні твори радянської доби», *Заборона*, 26 сентября 2018, последнее посещение 06.05.2019, <https://zaborona.com/mystetstvo-ne-vynnechomu-varto-zberihaty-khudozhni-tvory-radianskoi-doby/>.
- 16 Kateryna Badianova, “An Analytical paralysis,” *Revista ARTA*, no. 28 – 29 (2017): 79.

- 17 См.: Катерина Бадянова, «Щодо функцій музею», у *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова (Київ: Адеф, 2017), 54 – 61.
- 18 Там же, 60.
- 19 Там же, 54, 58.
- 20 См.: Панкратов, „Конспект семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»”, 8 – 11.

БИБЛІОГРАФІЯ

Badianova, Kateryna. "An Analytical paralysis." *Revista ARTA*, no. 28 – 29 (2017): 74 – 79.

Бадянова, Катерина. «Аналітичний параліч». У *Передмова*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова, 132. Київ: Адеф, 2016.

Бадянова, Катерина. «Щодо функцій музею». У *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова, 54 – 61. Київ: Адеф, 2017.

Вуєва, Тетяна. «Матеріал до семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»». У *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова, 12–14. Київ: Адеф, 2017.

Герман, Лізавета, Балашова, Ольга, за ред. *Мистецтво українських шістдесятників*. Київ: Основи, 2017.

Горбачов, Дмитро, за ред. *Український авангард 1910 – 1930*, альбом. Київ: Мистецтво, 1996.

Ільницький, Олег. *Український футуризм, 1914 – 1930*. Львів: Літопис, 2003.

Моляр, Женья. «Мистецтво не винне. Чому варто зберігати художні твори радянської доби». *Заборона*, 26 септембля 2018. Последнее посещение 06.05.2019. <https://zaborona.com/mystetstvo-ne-vynne-chomu-varto-zberihaty-khudozhni-tvory-radianskoj-doby/>.

Мудрак, Мирослава. *„Нова генерація” і мистецький модернізм в Україні*. Київ: Родовід, 2018.

Панкратов, Денис. «Конспект семінару «Художній музей, історія мистецтва та соціалістичний реалізм»». У *Соціалістичний реалізм. Здаватися іншим. Зошит №1*, за ред. Катерини Бадянової, Лади Наконечної, Дениса Панкратова, 8 – 11. Київ: Адеф, 2017.

Український модернізм, 1910 – 1930. Хмельницький: Галерея, 2006.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԼԱԴԱ ՆԱԿՈՆԵՉՆԱ / ՈՒԿՐԱԻՆԱՅՈՒՄ ՅԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ ՀԵՏ-ԽՈՂՅՐԴԱՅԻՆ ԶԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ. ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԱԿԱՆ ՌԵԱԼԻԶՄ: ԹՎԱԼ ՈՒՐԻՇ

Բանալի բառեր – սոցիալիստական ռեալիզմ, արվեստի թանգարան, հիշողության քաղաքականություն, քննադատական պրակտիկաներ, ժամանակակից արվեստ, ապակոմունիստականացում Ուկրաինայում:

Հոդվածը հիմնված է 2017 – 2018 թվականներին իրականացված «Սոցիալիստական ռեալիզմ. թվալ ուրիշ» արվեստային հետազոտական սեմինարի կյութերի վրա, որը նախաձեռնել է ու անցկացրել է Մեթոդ հիմնադրամը Ուկրաինայի Ազգային արվեստի թանգարանի հետ համագործակցությամբ: Սոցիալիստական ռեալիզմի ներկայացուցչական ռազմավարություններին նվիրված հետազոտությունը բացահայտել է ուկրաինական ժամանակակից թանգարանային պրակտիկայում դրանց նորմերի շարունակականությունը, ինչպես նաև այն, թե ինչպես է արվեստի կառավարման համակարգը այս դաշտում ամրագրված հարաբերությունների հետ միասին շարունակում կառավարվել նույն կերպ և ինչպես է այն գործում: Հետխորհրդային թանգարանը վերափոխում է ապրում, բայց միաժամանակ մնում է սերտորեն կապված պաշտոնական հաստատությունական համակարգի հետ: Թանգարանը պահպանում է պետական գաղափարախոսության հենարձակողի և քաղաքացիների քաղաքական հավատարմության կառուցման միջոց լինելու դերը: Զանի որ սոցիալիստական ռեալիզմը գաղափարախոսական առումով լիցքավորված է, ապա դիսկուրսի դաշտում այն ինքնին ստանձնում է այլ մշակութային երևույթների հայտնաբերմանն ուղղված «բացասական նշանակիչ» դեր: Ներկայացված լինելով որոշակի ապաքաղաքականացված արվեստի գործերով՝ այն նաև թանգարանային ցուցադրությունների և արվեստի հաստատությունների կրթական ծրագրերի միջոցով, որոնք փակագծում են ստեղծագործական աշխատանքի գաղափարախոսական և քաղաքական բնույթը, հաստատում է ուկրաինական արվեստի պատմության ռեալիստական ավանդույթը:

SUMMARY

LADA NAKONECHNA / THE POST-SOVIET POLITICS OF MEMORY IN UKRAINE: SOCIALIST REALISM. SEEMING TO BE ANOTHER

Key words: Socialist realism, art museum, politics of memory, critical practices, contemporary art, decommunization in Ukraine.

The article is based on the proceedings of the artistic research seminar “*Socialist Realism. Seeming to Be Another*” which was initiated and held by Method Fund in 2017 – 2018 in cooperation with the National Art Museum of Ukraine. Dedicated to the representational strategies of Socialist realism, the research has brought to light continuity of their norms in modern museum practices in Ukraine, as well as continuity of how the system of arts administration, together with relations set in this field, is managed and how it functions. A post-Soviet museum experiences a transformational process but, at the same time, remains closely linked to the official institutional system. A museum keeps the role of a retranslator of governmental ideology and an instrument of building political loyalty of citizens. In the field of discourse, Socialist realism itself, as it is ideologically charged, gains the role of a “negative signifier,” aimed at detecting other cultural phenomena. Represented by certain depoliticized artworks, it also affirms realistic tradition in the history of Ukrainian art through museum expositions and educational programs of art institutions that bracket out an ideological and political nature of creative work.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Лада Наконечна – художница, живет в Киеве. Закончила Национальную академию изобразительного искусства, Киев (М.А.), участница художественной группы Р.Е.П. и кураторской и активистской группы «Худрада», соосновательница Метод Фонда и его образовательной программы «Курс искусства», в рамках которой исследует опыт разных способов изучения и практики искусства. С 2017 г. редакторка издания про искусство, литературу и политику PROSTORY, участница многочисленных международных и украинских выставок, включая выставки в Museum of Modern Art (Варшава, 2015), Kunstmuseum Wolfsburg (Германия, 2015), Galerie für Zeitgenössische Kunst (Лейпциг, 2015), CSW Zamek Ujazdowsky (Варшава, 2012), Национальный художественный музей Украины (Киев, 2012). В своих работах она организует пространство для выявления принципов и манипулятивных аспектов визуальных и словесных структур.

Лада Наконечна (Украина) / admin@ladanakonechna.com

© КОНСТАНТИН СТРЕЛЕЦ

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ГРУЗИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Грузия, Советский Союз, коллективная память, политика памяти, коммунистическое прошлое, внешняя политика.

Империя и десятилетия тоталитарного господства оставили глубокие следы в Грузии. «Сущность тоталитарного господства состоит не в том, что оно урезает или уничтожает определенные свободы, и не в том, что искореняет любовь к свободе из человеческих сердец, а только лишь в том, что заключает людей такими, какими они есть, в железную петлю террора, что исчезает пространство действий, а именно оно является действительностью свободы», – писала Ханна Арендт относительно тоталитаризма.¹ Жертвой террора большевиков пала в 1921 году не только Первая Демократическая Грузинская Республика, но и значительная часть ее интеллигенции, которой не удалось эмигрировать из страны.

Советизация фактически привела к перемене элит, которые до того доминировали в политической, экономической и культурной жизни Грузии, и это касалось всех граней этих элит. Если предположить, что состав элит, их статус и обмен между ними позволяет судить о социальной структуре, социальной мобильности и распределении власти в обществе,² то отсюда становится очевидной релевантность элит. С тех самых пор, как Российская царская империя аннексией Грузии в 1801 году нарушила условия Георгиевского договора³ 1783 года между Российской империей и восточно-грузинским Картли-Кахетинским царством, грузинские элиты в значительной мере оказались под влиянием России. Правда, Грузии удалось в ходе Первой мировой войны вновь обрести независимость, и она была провозглашена Первой Грузинской Республикой. Однако ее независимости пришел конец уже спустя три года,⁴ весной 1921 года, когда молодая и по тем временам демократическая республика была оккупирована Советской Россией. Перед этим из-за негативной позиции держав Антанты провалилась попытка социалистического правительства Грузии добиться вступления Грузии в недавно созданную Лигу Наций.⁵ Отказ западноевропейских держав, несмотря на то, что Грузия на тот момент входила в ряд демократических государств, в исторической памяти общества оставила травму, которая вспоминалась не раз после распада Советского Союза. Политика памяти грузинских элит является хорошим примером того, как доминирующим общественным группам удалось при помощи исторических событий создать нарративы, которые определяют коллективную память и приводятся в соответствие с некоей (внешне)политической повесткой дня. Поскольку Грузия с начала этого столетия во внешней политике имела ясную прозападную ориентацию, то со стороны государства наблюдается тенденция придавать все большее значение политике памяти. В соответствии с этим внешнеполитические приоритеты являлись важнейшим фактором при определении политики памяти.⁶ Эта перемена была связана также с переменой стоявших у власти элит. Новое грузинское правительство после «революции роз» преимущественно

состояло из молодых людей, получивших образование в Западной Европе и США.

При этом возникают следующие вопросы. Какие формы избирались для государственной политики памяти и по каким причинам обращались к тем или иным темам прошлого? Какую роль играли элиты относительно политики памяти и какими факторами определялись их предпочтения?

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В 1990-Х ГОДАХ

После того как Грузия 70 лет провела в Советском Союзе, к числу важнейших вызовов для элит и общества после восстановления независимости принадлежал процесс образования новой идентичности. Правда, грузинские элиты понимали значение прошлого для консолидации нации и важную роль уделяли процессу формирования коллективной памяти. Однако в 1990-х годах это не привело к осуществлению какого-либо конкретного проекта. Идентичность и память находятся в процессе постоянных изменений, и поскольку основополагающие ценности, цели и интересы общества связаны с ними, то эти ценности, цели и интересы также меняются.⁷ Коллективная память составляет важную часть национальной идентичности, и по этой причине политические элиты политику памяти часто вносят в политический дискурс. В 1990-х годах грузинские элиты и грузинское общество были антисоветски настроены, и эти настроения позднее усилились из-за активной поддержки сепаратизма⁸ в Абхазии и Цхинвальском районе (Южная Осетия) со стороны России. Впрочем элиты стали активно использовать политику памяти для формирования коллективной памяти и для оправдания актуальной политики лишь на рубеже тысячелетий. Несмотря на это, важно тщательно рассмотреть соответствующее развитие в 1990-х, чтобы понять, как протекал процесс до «революции роз».

После восстановления независимости Звиад Гамсахурдиа 26 мая 1991 года большинством избирателей был избран первым президентом Грузии.⁹ Он был активен в диссидентском движении и поэтому был известен своей антисоветской позицией.¹⁰ Еще до восстановления независимости Грузии развитие в стране свидетельствовало об интенсивном обращении к периоду до и после оккупации. Это развитие было обусловлено прежде всего двумя факторами. Во-первых, своей национальной политикой большевики в свое время подложили в Грузии в форме автономных областей тикающие бомбы замедленного действия, которые взорвались с распадом Советского Союза и привели к вооруженным конфликтам. Хорошим примером того, почему обращение к прошлому и его преодоление стало необходимой и одновременно успешной концепцией, является Абха-

зия. Эта область имеет большое значение для формирования идентичности и консолидации грузинского общества. Так, например, после оккупации Первой Грузинской Республики Советской Россией для Абхазии был провозглашен статус Советской Социалистической Республики (ССР). Однако это было всего лишь формальным шагом, так как Абхазская ССР отнюдь не была приравнена в правах к остальным союзным республикам. Ни в декларации об образовании Советского Союза, ни в Советской Конституции 1924 года и ни в Конституции Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики Абхазская ССР не упоминается ни словом.¹¹ Соответственно Закавказская СФСР состояла лишь из трех ССР, а именно из Азербайджанской, Армянской и Грузинской союзных республик. Советский Союз должен был как этно-территориальная (псевдо)федерация состоять из 15 государств-членов (союзные республики) и подчиненных им национальных территориальных единиц (20 автономных республик, 16 автономных областей и краев)¹² для того, чтобы их лучше контролировать. Поэтому войны прежде всего в тех странах, которые до советской оккупации были независимы, были частично заранее запрограммированы.

До и после войн в Абхазии и Цхинвальском районе (Южной Осетии), в которых Россия открыто поддерживала сепаратистов и нарушала территориальную целостность и суверенитет Грузии, в Грузии стали интенсивнее обращаться к советскому прошлому. Одновременно война, прежде всего в Абхазии, как трагедия имела консолидирующее воздействие на общество,¹³ которое из-за внутренних разногласий было разделено на две части. Политическая элита попыталась найти главные причины этих конфликтов в советском прошлом. Из этих событий возник второй фактор.

Во-вторых, без обращения к прошлому и возведения воображаемого моста к нему было бы невозможно легитимировать обеспечение независимости. Хорошим примером является период после выборов 28 октября 1990 года при участии нескольких политических партий, в которых победил блок «Мргвали Магида», который призывал к независимости Грузии. Несколькими месяцами позже, в апреле 1991 года Грузия вновь стала независимой. Однако перед этим состоялся референдум по вопросу: «Вы за восстановление государственности Грузии на основе Декларации о независимости от 26 мая 1918 года?». Абсолютное большинство населения ответило на этот вопрос утвердительно.¹⁴ Символика Первой Грузинской Демократической Республики (1918 – 1921), флаг, герб и гимн, были восстановлены в качестве государственных символов Грузии. Реджеб Жордания, сын председателя правительства Первой Республики, в ноябре 1990 года произнес торжественную речь в Верховном Совете (парламент).¹⁵

Этой политикой политические элиты начали проект, который означал отход от советской историографии и преследовал цель легитима-

ции молодой грузинской республики как правопреемницы Первой Грузинской Республики. В этом контексте сильнее связались с современностью не только государственность или государственная символика Первой Республики, но также мучительный опыт прошлого (советская оккупация, создание основ для абхазского и осетинского сепаратизма). После падения Гамсахурдия и его изгнания из страны политическую элиту Грузии возглавил Эдуард Шеварднадзе, многолетний член коммунистической партии и последний советский министр иностранных дел. Таким образом после короткого перерыва власть захватила экс-коммунистическая элита, которая по понятным причинам не была заинтересована в том, чтобы заниматься советским прошлым.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ПРОЕКТ ПОСЛЕ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ»

То, что в 1990-х годах несмотря на антисоветские настроения политические элиты не проводили систематической политики памяти, имело прежде всего две причины: в стране царила хаотическая обстановка, а после путча против первого президента Гамсахурдия на верхушку политической власти вернулась экс-коммунистическая элита, которая вовсе не была заинтересована в политике памяти. Согласно теории конструктивизма, которая понимает общество как некий конструкт, формирование коллективной памяти возможно. Как правило этот процесс могут направлять те, кто имеет доступ к механизмам убеждения общества.¹⁶ К кругу лиц, которые владеют соответствующими ресурсами, как правило принадлежат политические элиты, которые по разным причинам занимаются прошлым. Так произошло и в Грузии, когда после «революции роз» к власти пришли на Западе обучившиеся молодые люди. С того момента советская оккупация стала главным объектом политики памяти, на которую в свою очередь в большой мере свой отпечаток накладывает политическая повестка дня.

Политика памяти и внешняя политика. На пути в Европу

Еще в 1999 году тогдашний грузинский премьер-министр Зураб Жвания на заседании Совета Европы произнес следующее предложение: «I am Georgian, and therefore I am European» («Я – грузин, и следовательно я – европеец»).¹⁷ Пафос этого предложения определил политику памяти после «революции роз» осенью 2003 года. Новая политическая элита при президенте Микхеила Саакашвили начала проект перестройки грузинского государства, которое согласно видению нового правительства должно было быть спасено из болота коррупции, преступности и хаотической ситуации и быть преобразовано в государство, отвечающее западным стандартам. Частью

этого проекта было направление внешней политики Грузии, которое стало четко прозападным, а интеграция в ЕС и НАТО были объявлены целью грузинской внешней политики. Параллельно с этим развитием повысился интерес ЕС и НАТО к восточным соседям, после того как эти две организации совершили расширение на Восток и внимательнее стали всматриваться в Восток. В 2004 году Грузия, как и остальные государства Южного Кавказа были вовлечены в Европейскую политику соседства.¹⁸ Начиная с того же 2004 года Грузия активно участвовала в миссии ISAF (International Security Assistance Force) НАТО в Афганистане.¹⁹ Параллельно с углублением связей с ЕС и НАТО ухудшились отношения с Россией, которая так называемое постсоветское пространство рассматривает как свою сферу влияния и как «ближнее зарубежье».²⁰

Желание отграничения от прежнего правительства, интенсификация отношений с Западом и отход от российской траектории создали важнейшие основы для политики памяти сверху, которая должна была служить легитимации политической повестки дня. Критическое обращение к отдельным периодам из прошлого должно было привести к консолидации общества вокруг некоей конкретной идеи и этим сконструировать общественную память. В фокусе этой конструкции должна была находиться европейская, западная идентичность, а критический взгляд на общую с Россией историю должны были сделать возможным отграничение от прошлого. Президент Саакашвили использовал слово «враг»²¹ в отношении России и смог убедительно оправдать это поддержкой Россией сепаратизма в Абхазии и Цхинвальском районе, а также иными уродливыми проявлениями неоимперской политики Москвы в отношении Грузии (задержки с закрытием российских военных баз, систематические угрозы, перекрытие газопровода зимой 2006 года и т. д.).²²

Обращение к отдельным эпизодам советского прошлого ограничивалось прежде всего оккупацией Первой Грузинской Республики. Проведение параллелей между современной Грузией и Первой Республикой (1918 – 1921) преследовало прежде всего цель показать, что Россия по-прежнему препятствует западной интеграции Грузии, и что Грузия делает выбор в пользу Европы в силу своей принадлежности к ней. Оккупация должна была стать частью коллективной памяти,²³ а Грузия должна была стать частью Европы, чьи ценности Россия не разделяет. Кульминацией этой политики памяти образует Музей оккупации, который по образцу стран Балтии был основан в 2006 году. Помимо этого 25 февраля²⁴ было официально объявлено Днем советской оккупации; парламент обязал своим указом правительство в этот день устраивать общественные мероприятия.

Другим и важным аспектом обращения к советскому прошлому явилось обращение с фигурой Сталина и со Второй Мировой войной. Прежде всего после русско-грузинской войны в 2008 году пра-

вительство начало активно заниматься историей вокруг Сталина.²⁵ Следует упомянуть, что к тому времени уже два года, как существовал Музей оккупации. Это значит, что музеи, посвященные Сталину и оккупации, существовали одновременно, хотя именно Сталин был тем, кто в 1921 году энергично форсировал оккупацию Первой Республики. В 2010 году памятник Сталина был ночью тайно удален с главной площади его родного города Гори.²⁶ То, что в городе, который Россия бомбила во время войны 2008 года, не должен был стоять памятник советского диктатора, было частью главной линии политики памяти.²⁷ Другим аспектом этой символической политики были такие шаги как отказ включить грузинских солдат, погибших во Вторую мировую войну в список национальных героев или взрыв памятника в честь победы во Второй Мировой войне.²⁸ Частью этой символики было то, что на месте этого памятника было построено новое здание парламента Грузии в современном архитектурном стиле. После русско-грузинской войны было принято постановление, что День Победы над фашизмом будет праздноваться не 9, а 8 мая. Это значит, что Грузия, выбирая между Второй мировой войной и Великой Отечественной войной приняла решение в пользу первой, тем самым присоединившись к остальным государствам мира за исключением большинства стран так называемого постсоветского пространства.²⁹ Элиты воспользовались проектом «Оккупация» не для всестороннего обращения к советскому прошлому, а для формирования соответствующей коллективной памяти.

*Политика памяти и внутренняя политика.
Скрыть все то, что может быть неприятно*

Относительно связи между обращением к советскому прошлому и внутренней политики следует выделить прежде всего следующий аспект. Во-первых, это вопрос люстрации. Во-вторых, государство предприняло попытку в рамках специально образованной комиссии написать историю с точки зрения русского господства в России. Закон о люстрации, в котором многого не хватает, был принят в Грузии лишь спустя 20 лет после распада Советского Союза, в 2011 году. Четырьмя годами ранее, в 2007 году, идентичный законопроект не получил поддержку большинства в парламенте.³⁰ Закон о люстрации 2011 года, под названием «Хартия свободы» концентрировался прежде всего на следующих трех аспектах: укрепление национальной безопасности, запрет фашистской и советской символики, а также образование особой комиссии, которая должна была составить список подозреваемых в сотрудничестве с иностранными секретными службами.³¹ Однако политическая элита в основном использовала Закон о люстрации как инструмент политического давления и не был до сих пор исполнен по назначению. Объяснить это можно тем, что политическая элита постоянно знала, как воспользо-

ваться страхами важных представителей элиты, которые в своих частных интересах не заинтересованы в открытии архивов.

Хотя в 2013 году в Законе о люстрации с целью его исполнения были произведены изменения, это ничего не изменило. Предусмотренная Законом комиссия так и не была образована и соответственно не был составлен список лиц, связанных с советским режимом, и не были подготовлены доклады о советском или фашистском происхождении тех или иных символов.³² Грузия в какой-то мере страна парадоксов. С одной стороны она имеет чрезвычайно выраженную прозападную ориентацию, однако в то же время там есть Музей оккупации и Музей Сталина, и существуют проблемы с люстрацией, хотя Грузия решительно отмежевывается от советского прошлого.

ИТОГ

После распада Советского Союза прежде всего политическая элита предприняла попытку так сформировать коллективную память, чтобы ее можно было приспособить к внешнеполитическим приоритетам. Это касается, во-первых, периода после «революции роз». В 1990-х годах ни Гамсахурдия, ни Шеварднадзе не имели разработанной стратегии касательно преодоления прошлого. С другой стороны на общественном и научном уровнях из-за ограниченных ресурсов и дефицитов в исследованиях не удалось образовать платформы, которые могли бы сотрудничать с государством в деле формирования коллективной памяти. Начиная с 2003 года государство активно пыталось для консолидации общества объединить его вокруг конкретной идеи – интеграции в западные структуры. Для достижения этой цели обществу все настойчивее напоминали о травматических событиях, связанных с Первой Демократической Грузинской Республикой, для того, чтобы с одной стороны отмежеваться от советского и русского нарратива историографии, а с другой стороны способствовать формированию европейской идентичности. Жестокость советского господства и неоимперская внешняя политика России после распада Советского Союза создавали для грузинских элит благотворную почву для того, чтобы критическое обращение к прошлому было не всесторонним, а касалось отдельных эпизодов и приспособлялось к политической повестке дня.

Новым развитием с точки зрения преодоления советского прошлого является усиление акторов из гражданского общества, которые интенсивно занимаются этим прошлым. Сюда относится прежде всего «Лаборатория по изучению советского прошлого», которая своими публикациями частично заполняет тот вакуум, который образовался из-за пассивности государственной политики памяти. Это значит, что немного лет назад сверху вниз направленная политики памяти до-

стигла точки поворота, и что общественные акторы все активнее занимаются преодолением советского прошлого. История состоит из многочисленных эпизодов, похожих на частички пазла, и если из общей картины вынуть даже только несколько таких частичек, эта картина лишится своей функции и своего единства. Именно поэтому очень важно, чтобы в случае Грузии советское прошлое было преодолено в полном своем спектре, а не от эпизода к эпизоду.

ССЫЛКИ

- 1 Hannah Arendt, *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, totale Herrschaft* (München/Zürich: Piper, 1986), 958.
- 2 См.: Michael Edinger, „Eliten,“ *Bundeszentrale für politische Bildung*, последнее посещение 24.09.2019, <https://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/202014/eliten?p=all>.
- 3 См.: Treaty of Georgievsk 1783, последнее посещение 24.09.2019, <http://www4.westminster.edu/staff/martinre/Treaty.html>.
- 4 См.: Eva-Maria Auch, „Ein Blick in die Geschichte Kaukasiens,“ *Bundeszentrale für politische Bildung*, последнее посещение 24.09.2019, <http://www.bpb.de/aputz/32106/ein-blick-in-die-geschichte-kaukasiens?p=all>.
- 5 См.: Sergei Kretinin, „Karl Kautska im Kaukasus. Die „Georgische Frage“ 1921/22,“ *Zeitschrift des Forschungsverbundes Sed-Staat*, Bd. 26, Nr. 26 (2009), последнее посещение 24.09.2019, <http://zeitschrift-fsed.fu.berlin.de/index.php/zfsed/article/download/318/302>.
- 6 См.: თამარ კარაია, საბჭოთა წარსულის გააზრება საქართველოში „ვარდების რევოლუციის — შემდეგ. [Тамар Караия, «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“», последнее посещение 24.09.2019, [http://jur.tsu.de/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JUR_VOL02_DEC15-1%20\(1\).pdf](http://jur.tsu.de/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JUR_VOL02_DEC15-1%20(1).pdf).
- 7 Там же.
- 8 См.: Pamela Javad, „Europas neue Nachbarschaft an der Schwelle zum Krieg,“ HSFK-Report 7/2006, последнее посещение 24.09.2019, <http://www.files.ethz.ch/isn/29739/report0706.pdf>.
- 9 См.: Martin McCauley, „Obituary: Zviad Gamsakhurdia,“ *The Independent*, February 25, 1994, последнее посещение 24.09.2019, <http://www.independent.co.uk/news/obituary-zviad-gamsakhurdia-1396384.html>.
- 10 См.: Караия, «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“».
- 11 См.: Учредительная декларация Советского Союза, последнее посещение 28.08.2019, http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/4638-soviets?fbclid=IwAR0w5cbX2vM2VrDLj2Y6eQCSIExGzdVzITeW9hCvx8felDPPH9_IcXZdrTU.
- 12 См.: Uwe Halbach, „Ungelöste Regionalkonflikte im Südkaukasus,“ *SWP-Studie*, März 2010.

- 13 См.: დავით ჯიშკარიანი, დღევანდელი პოლიტიკური ელიტა ვერ გრძნობს, რა ხდება კონფლიქტურ ზონებში [Давид Джискариани, «Сегодняшняя политическая элита не имеет представления о том, что происходит в конфликтных регионах», *Радио Свобода*], последнее посещение 26.09.2019, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/%E1%83%93%E1%83%A6%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%90%E1%83%9C%E1%83%93%E1%83%94%E1%83%9A%E1%83%98-%E1%83%9E%E1%83%9D%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A2%E1%83%98%E1%83%99%E1%83%A3%E1%83%A0%E1%83%98-%E1%83%94%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A2%E1%83%90-%E1%83%95%E1%83%94%E1%83%A0-%E1%83%92%E1%83%A0%E1%83%AB%E1%83%9C%E1%83%9D%E1%83%91%E1%83%A1-%E1%83%A0%E1%83%90-%E1%83%AE%E1%83%93%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%90-%E1%83%99%E1%83%9D%E1%83%9C%E1%83%A4%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A5%E1%83%A2%E1%83%A3%E1%83%A0-%E1%83%96%E1%83%9D%E1%83%9C%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%A8%E1%83%98/29506910.html>.
- 14 См.: ლევან კაპიტანოვი, მეხსიერების ცვლილება [Леван Капитанови, «Смена памяти», Фонд Генриха Белла], последнее посещение 28.09.2019, http://ge.boell.org/sites/default/files/levan_kapitanovis_kvleva.pdf.
- 15 Там же.
- 16 См.: Pierre Nora, "Between Memory and History," *Representations*, no. 26 (Spring 1989): 7 – 24.
- 17 Выступление Зураба Жвания в Совете Европы, Zurab Zhvania, "I'm Georgian, therefore I am European," последнее посещение 29.09.2019, <https://www.youtube.com/watch?v=QP83XGY7TZ>.
- 18 См.: "European Neighbourhood Policy (ENP)," An official website of the European Union, последнее посещение 29.09.2019, http://eeas.europa.eu/about-us/index_en.htm.
- 19 См.: საქართველოს თავდაცვის სამინისტრო, საერთაშორისო მისიები [Министерство Обороны Грузии, *Международные миссии*], последнее посещение 29.09.2019, <https://mod.gov.ge/mission>.
- 20 См.: Franziska Smolnik und Uwe Halbach, „Russlands Stellung im Südkaukasus,“ *SWP-Aktuell*, Januar 2014, последнее посещение 29.09.2019, <https://www.swp-berlin.org/publikation/russlands-stellung-im-suedkaukasus/>.
- 21 См.: მიხეილ სააკაშვილი, «Сегодня начинаем отсчет по возвращению в Абхазию», *Civil.ge*, 6 октября 2007 г., последнее посещение 29.09.2019, <https://civil.ge/ru/archives/170350>.
- 22 См.: საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტრო [Министерство иностранных дел Грузии], последнее посещение 29.09.2019, <http://www.mfa.gov.ge>.
- 23 См.: Караия, «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“».

24 Там же.

25 Там же.

26 См.: რადიო თავისუფლება, გორის ცენტრიდან სტალინის ძეგლი აიღეს [«Памятник Сталину убрали из центра Гори», *Радио Свобода*, 25 июня 2010 г.], последнее посещение 30.09.2019, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/2082126.html>.

27 См.: Караия, «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“».

28 См.: რადიო თავისუფლება, ქუთაისში მემორიალის აფეთქების შედეგად ორი ადამიანი დაიღუპა [«После взрыва мемориала в Кутаиси погибли два человека», *Радио Свобода*, 20 декабря 2009 г.], последнее посещение 30.09.2019, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/1908801.html>,

29 См.: Караия, «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“».

30 См.: ინტერპრესნიუსი, ლუსტრაციის კანონი - რეპრესიული გზა თუ პოლიტიკური გასამართლების ფორმა [«Люстрация, репрессивный путь или форма политического урегулирования», *INTERPRESSNEWS*], последнее посещение 30.09.2019, <https://www.interpressnews.ge/ka/article/173446-lustraciis-kanoni-represiuli-gza-tu-politikuri-gasamartlebis-porma>.

31 См.: ინფორმაციის თავისუფლების განვითარების ფონდი, „თავისუფლების ქარტია“ და ლუსტრაციის საერთაშორისო პრაქტიკა, [«Хартия свободы» и международное обращение с люстрацией], последнее посещение 30.09.2019, https://idfi.ge/public/upload/pdf/Research/Freedom_Charter.pdf.

32 Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

Конституция Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Последнее посещение 28.08.2019. http://illuminats.ru/component/content/article/29-new/4638-soviets?fbclid=IwAR0w5cbX2vM2VrDLj2Y6eQCSiExGzdVzITeW9hCvx8felDPPH9_IcXZdrTU.

Конституция Советского Союза 1924 года. Последнее посещение 28.08.2019. https://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0019_ver_de.pdf?fbclid=IwAR0eRDkaGItC8DHRlG0y_TalDCM6RuzqJDN3tviZ3BaM8ib4sGLIBdbvC71.

Саакашвили, Микheil. «Сегодня начинаем отсчет по возвращению в Абхазию». *Civil.ge*, 6 октября 2007 г.. Последнее посещение 29.09.2019. <https://civil.ge/ru/archives/170350>.

Учредительная декларация Советского Союза. Последнее посещение 24.09.2019. http://doc.histrf.ru/20/deklaratsiya-i-dogovor-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskikh-sotsialisticheskikh-respublik/?fbclid=IwAR0wrV6JIT-Lgnr7x5W1KMO5msSmGCRkZgaBJuzziQmX3An_ZUkK6ykaq-U.

An official website of the European Union. "European Neighbourhood Policy (ENP)." Последнее посещение 29.09.2019. http://eeas.europa.eu/enp/about-us/index_en.htm.

McCauley, Martin. "Obituary: Zviad Gamsakhurdia." *The Independent*, February 25, 1994. Последнее посещение 24.09.2019. <http://www.independent.co.uk/news/obituary-zviad-gamsakhurdia-1396384.html>.

Nora, Pierre. "Between Memory and History." *Representations*, no. 26 (Spring 1989): 7–24.

Treaty of Georgievsk 1783. Последнее посещение 24.09.2019. <http://www4.westminster.edu/staff/martinre/Treaty.html>.

Zhvania, Zurab. "I'm Georgian, therefore I am European." Последнее посещение 29.09.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=QP83XGY7TZs>

Arendt, Hannah. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, totale Herrschaft*. München: Piper, 1986.

Auch, Eva-Maria. „Ein Blick in die Geschichte Kaukasiens.“ *Bundeszentrale für politische Bildung*. Последнее посещение 24.09.2019. <http://www.bpb.de/apuz/32106/ein-blick-in-die-geschichte-kaukasiens?p=all>.

Edinger, Michael. „Eliten.“ *Bundeszentrale für politische Bildung*. Последнее посещение 24.09.2019. <https://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/202014/eliten?p=all>.

Halbach, Uwe. „Ungelöste Regionalkonflikte im Südkaukasus.“ *SWP-Studie*, März 2010.

Jawad, Pamela. „Europas neue Nachbarschaft an der Schwelle zum Krieg.“ HSFK-Report 7/2006. Последнее посещение 24.09.2019. <http://www.files.ethz.ch/isn/29739/report0706.pdf>.

Kretinin, Sergei. „Karl Kautska im Kaukasus. Die „Georgische Frage“

1921/22." *Zeitschrift des Forschungsverbundes Sed-Staat*, Bd. 26, Nr. 26 (2009). Последнее посещение 24.09.2019. <http://zeitschrift-fsed.fu.berlin.de/index.php/zfsed/article/download/318/302>.

Smolnik, Franziska, und Halbach, Uwe. „Russlands Stellung im Südkaukasus.“ *SWP-Aktuell*, Januar 2014. Последнее посещение 29.09.2019. <https://www.swp-berlin.org/publikation/russlands-stellung-im-suedkaukasus/>.

საქართველოს საგარეო საქმეთა სამინისტრო [Министерство иностранных дел Грузии]. Последнее посещение 29.09.2019. <https://www.swp-berlin.org/publikation/russlands-stellung-im-suedkaukasus/>.

ინფორმაციის თავისუფლების განვითარების ინსტიტუტი: „თავისუფლების ქარტია“ და ლუსტრაციის საერთაშორისო პრაქტიკა [«Хартия свободы» и международное обращение с люстрацией]. Последнее посещение 30.09.2019. https://idfi.ge/public/upload/pdf/Research/Freedom_Charter.pdf.

ინტერპრესნიუსი: ლუსტრაციის კანონი - რეპრესიული გზა თუ პოლიტიკური გასამართლების ფორმა [«Люстрация, репрессивный путь или форма политического урегулирования». *INTERPRESS-NEWS*]. Последнее посещение 30.09.2019. <https://www.interpress-news.ge/ka/article/173446-lustraciis-kanoni-represiuli-gza-tu-politikuri-ga-samartlebis-porma>.

ჯიშკარიანი, დავით: დღევანდელი პოლიტიკური ელიტა ვერ გრძნობს, რა ხდება კონფლიქტურ ზონებში. [Джишкარიани, Давид. «Сегодняшняя политическая элита не имеет представления о том, что происходит в конфликтных регионах». *Радио Свобода*]. Последнее посещение 26.09.2019, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/%E1%83%93%E1%83%A6%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%90%E1%83%9C%E1%83%93%E1%83%94%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%9D%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A2%E1%83%98%E1%83%99%E1%83%A3%E1%83%A0%E1%83%98%E1%83%94%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A2%E1%83%90%E1%83%95%E1%83%94%E1%83%A0-%E1%83%92%E1%83%A0%E1%83%AB%E1%83%9C%E1%83%9D%E1%83%91%E1%83%A1-%E1%83%A0%E1%83%90-%E1%83%AE%E1%83%93%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%90-%E1%83%99%E1%83%9D%E1%83%9C%E1%83%A4%E1%83%9A%E1%83%98%E1%83%A5%E1%83%A2%E1%83%A3%E1%83%A0-%E1%83%96%E1%83%9D%E1%83%9C%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%A8%E1%83%98/29506910.html>

კაპიტანოვი, ლევან: მეხსიერების ცვლილება, [Капитанови, Леван. «Смена памяти». Фонд Генриха Белла]. Последнее посещение 28.09.2019. https://ge.boell.org/sites/default/files/levan_kapitanovis_kvleva.pdf.

ქარაია, თამარ: საბჭოთა წარსულის გააზრება საქართველოში „ვარდების რევოლუციის — შემდეგ. [Караия, Тамар. «Обзор советского прошлого в Грузии после „революции роз“»]. Последнее посещение 24.09.2019, [http://jur.tsu.de/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JUR_VOL02_DEC15-1%20\(1\).pdf](http://jur.tsu.de/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JUR_VOL02_DEC15-1%20(1).pdf).

რადიო თავისუფლება: ქუთაისში მემორიალის აფეთქების შედეგად

ორი ადამიანი დაიღუპა. [«После взрыва мемориала в Кутаиси погибли два человека». *Радио Свобода*, 20 декабря 2009 г.].
Последнее посещение 30.09.2019.
<https://www.radiotavisupleba.ge/a/1908801.html>,

რადიო თავისუფლება, გორის ცენტრიდან სტალინის ძეგლი აიღეს
[«Памятник Сталину убрали из центра Гори». *Радио Свобода*, 25 июня 2010 г.].
Последнее посещение 30.09.2019. <https://www.radiotavisupleba.ge/a/2082126.html>.

საქართველოს თავდაცვის სამინისტრო: საერთაშორისო მისიები
[Министерство Обороны Грузии. *Международные миссии*].
Последнее посещение 29.09.2019. <https://mod.gov.ge/mission>.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՄԻԽԵԻԼ ՍԱՐՋՎԵԼԱԶԵ / ELITES AND THE POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA

Բանալի բառեր – Վրաստան, Խորհրդային Միություն, հավաքական հիշողություն, հիշողության քաղաքականություն, կոմունիստական անցյալ, արտաքին քաղաքականություն:

Իր հոդվածում հեղինակը հարցեր է բարձրացնում Վրաստանում (քաղաքական) ընտրախավերի կողմից Խորհրդային անցյալի վերագնահատման վերաբերյալ: Ինչպե՞ս են վարվել վրացական կառավարությունները անցյալի հետ: Ինչպիսի՞ դեր են արտաքին և ներքին քաղաքականության բնագավառներն ունեցել այս համատեքստում: Այս հարցերի պատասխանները գտնելու համար հեղինակը ուսումնասիրում է Խորհրդային Միության փլուզումից ի վեր Վրաստանում տարբեր կառավարությունների՝ հիշողության քաղաքականության հարցում ցուցաբերած կոնկրետ մոտեցումները: Վրաստանը ուսումնասիրության լավ նյութ է՝ տեսնելու, թե ինչպես է հավաքական հիշողությունը կառուցարկվում վերևից, և ինչպես է հիշողության քաղաքականությունը հարմարվում առկա քաղաքական օրակարգին: Մյուս կողմից՝ չնայած իր անավարտ և թերի բնույթին, վերոհիշյալ մոտեցումը հիշողության քաղաքականության շրջանակում կարելի է դիտարկել որպես վրացական ընտրախավերի՝ որևէ կերպ Ռուսաստանի գաղութային կառավարման ժառանգությունից փախչելու փորձ:

SUMMARY

MIKHEIL SARJVELADZE / ELITES AND THE POLITICS OF MEMORY IN GEORGIA

Key words: Georgia, the Soviet Union, collective memory, politics of memory, the communist past, foreign policy.

In his article, the author raises questions concerning the reevaluation of the Soviet past by the (political) elites in Georgia. How have the Georgian governments dealt with the past? Which role did the foreign and domestic policy aspects play in this context? In order to find answers to these questions, the author examines the concrete approaches of memory politics under different governments in Georgia, since the collapse of the Soviet Union. Georgia serves as a good case study for looking at how collective memory is constructed from above and how memory policy is adapted to the current political agenda. On the other hand, despite its deficient and incomplete character, the above-mentioned approach within the politics of memory can be seen as an attempt to escape from the legacy of Russian colonial rule in whatever form made by the Georgian elites.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Михеил Сарджвеладзе защитил диссертацию по политологии в 2018 г. в Кельнском университете. Диссертация посвящена германской внешней политике в отношении государств Южного Кавказа с особым акцентом на германо-грузинских связях между 1992 и 2012 годами. Работа была опубликована весной 2019 года в издательстве Шпрингера. Михеил Сарджвеладзе изучал германистику, историю и политику 20-го века и международные отношения в Тбилиси, Йене и Кельне. Работал доцентом в Кельнском университете в рамках исследовательского проекта «Войны в постсоветском пространстве». В разные времена был стипендиантом Фонда им. Конрада Аденауэра (PhD), Фонда Доротеи Вилмс (PhD), Кельнского университета, Германского Бундестага и Фонда „ZEIT“ Эбелин и Герда Буцериусов.

Михеил Сарджвеладзе (Грузия) / msarjveladze@smail.uni-koeln.de

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР

- МЕЖДУ СТРАХОМ И ВОСТОРГОМ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ МОДЕРНА
- О ПОЛИТИКЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАСИЛИЯ (СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НЕЗАВИСИМОЙ АРМЕНИИ)
- ТРУДНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА АРМЕНИИ: РАЗРЫВ ОЖИДАНИЙ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПАД И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
- СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЛОГИКА ОРГАНИЗАЦИИ, СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ
- ОТ ИМПЕРИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ: МОЛДОВА ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ К НЕЗАВИСИМОСТИ (1985 – 1991)

МЕЖДУ СТРАХОМ И ВОСТОРГОМ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ МОДЕРНА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

20-ый век, сталинизм, Русская революция, Советский Союз, большевизм, Западная Европа.

«Историю Короткого 20-го столетия, – пишет британский историк Эрик Хобсбаум в своей книге «Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991)», вышедшей в свет в 1994 году, – невозможно объяснить без Русской революции и ее прямых и косвенных последствий».¹

По его словам, без Русской революции Запад не смог бы победить Гитлера, без нее не была бы расшатана вера в свободную рыночную экономику в европейских государствах и без нее немymi бы остались освободительные движения в колониях. Он считает, что эта революция была неизбежной, понадобился лишь некий толчок в 1914 году, чтобы взорвать социальное напряжение в Царской империи. И ни одна партия, пишет он далее, «кроме большевиков Ленина» не была подготовлена к тому, чтобы посмотреть этой ответственности в глаза и привести в ход великий перелом. «Человечество ждало альтернативы», – пишет Хобсбаум о годах перед тем, как разразилась Первая мировая война. «Русская или точнее большевистская Октябрьская революция была готова подать миру этот сигнал. Поэтому она была для того столетия таким же центральным событием как Французская революция 1789 года для 19-го века. В самом деле не случайно, что история Короткого 20-го столетия <...> точно совпадает со сроком жизни того государства, которое родила Октябрьская революция».²

Лишь прекрасное и благородное. На сцену выступают большевики и загорается свет, везде, не только в России, но и в Европе. «Человечество ждало альтернативы». Почему некоторые историки причисляют эту книгу к шедеврам историографии? Нельзя ли было в 1995 году быть прозорливее? Можно ли было после конца Советского Союза и после ужасов 20-го столетия о революционерах и их экспериментах еще писать с точки зрения прогресса и игнорировать тот факт, что на его алтаре были без оснований пожертвованы миллионы людей? Нельзя ли было еще до конца Советского Союза знать о том, какую ипотеку взвалил на Европу большевистский эксперимент? Наверное, можно довольствоваться объяснением, что неисправимых и книжки не образумят, и что они любой ценой хотят быть правы. Но так упрощать нельзя. Повествование Хобсбаума находилось не на краю, а в центре той историографии, которая описывала 20-й век в духе 20-го века, а именно как борьбу добра со злом, тьмы со светом, отсталостью с прогрессом.³ Однако историк, который не рассказывает также о счете, который приходится оплачивать за эту борьбу, лишает век идеологий его подлинной сигнатуры.

Несомненно фашизм и национал-социализм, национализм и война были также ответами на доминирующую экономическую и политическую роль США, которые хотели после Первой Мировой войны переделать Европу, однако потом предоставили это ей делать самой.⁴ Однако настоящим вызовом 20-го века был большевизм. Без Русской революции и Русской гражданской войны в Европе не было

бы войны идеологий, без опыта многонациональной империи не было бы этнических чисток, без победы Советского Союза во Второй Мировой войне не было бы коммунистического господства в Восточной Европе, без Ленина не было бы Мао и Пол Пота, без «социализма в отдельно взятой стране» не было бы подъема национальных движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки, без советской диктатуры и ее командной экономики не было бы возрождения демократии и свободного рынка в Европе. Но без Советского Союза не было бы в 1989 году и конца несвободы в Европе, без наследия многонациональной империи не было бы конфликта вокруг Украины. Что бы ни происходило в Советском Союзе, не могло не затронуть остальной мир.⁵ Между страхом и восторгом. Таким мог бы быть заголовок рассказа, описывающего отношение Европы к Советскому Союзу в 20-ом веке.

Историки воспринимали 20-ый век как эпоху идеологий и крайностей.⁶ «Плюрализм был по определению логической ошибкой, – вспоминает Тони Джадт те времена однозначности, – сознательным обманом или трагической иллюзией».⁷ Без сомнения так же чувствовали и современники, которым пришлось жить в эпоху ясности и порядка. «Существовали хорошие и плохие системы и цели, которые не могли требовать ничего другого, кроме правильных и неправильных решений. Так понятая политика, а такое понимание укреплялось опытом тотальной войны, описывалась формулами „Все или ничего“, „Или – или“, „Жизнь или смерть“».⁸

Жизнь должна была стать лучше, все проблемы должны были быть навсегда искоренены. Вот только великий эксперимент социальных и политических преобразований начался не в Германии или в Англии, а именно в России, где и не пахло лучшим из всех миров и где идея прекрасной новой жизни пыталась с помощью грубой силы взять верх над действительностью. Советское государство было слабым, его же амбиции были безграничны, а его общество было беззащитным. Большевизм был диктатурой модернизации, которая мало считалась с желаниями находящихся под ее властью и которая в условиях войны одержала верх несмотря на все сопротивление.⁹ Без того трагического заблуждения, что можно силой добиться того, что не получается само собой, не было бы в Европе ни авторитарного социализма, ни коммунистической диктатуры, ни массового террора, ни фашизма. Октябрьская революция была событием, чьи последствия так изменили не только старую Россию, но и всю Европу, что после 1917-го года ничто не было более таким, как прежде. Революция была началом тоталитарного искушения подчинить себе всех, кто не был готов покориться.

Марксизм был идеологией, обещающей свободу и эмансипацию. Как идея он в позднем 19-ом столетии достиг и России. Там он был привлекателен тем, что обещал, что когда-нибудь общества везде будут такими, как уже в Англии и Германии. Но Россия была далека от того, чтобы быть современным индустриальным государством, ее инфраструктура была примитивной, фабрики и заводы были сконцентрированы в больших городах. Россия была крестьянской страной, даже в больших городах сельчане оставались тем, чем были, так как мало что могло позволить им распрощаться с крестьянской жизнью. Царское государство требовало налогов и рекрутов, подчинения и лояльности. Однако взамен оно мало что могло дать. В обществе апартеида позднего периода Царской империи жизненные пространства крестьян и горожан были строго отделены друг от друга. Казалось, крестьяне относятся к некоей чужой нации и живут в другой стране.¹⁰ Однако марксизм обещал конец отсталости и, что ход истории к лучшему изменит и русскую жизнь. Но что революционеру от истории, если то, о чем он мечтает, не произойдет уже при его жизни? И получилось так, что марксизм в России превратился в крайнюю идеологию модернизации и индустриализации. Надо было любой ценой достичь того, что уже было реальностью в других странах. Николай Валентинов, друг Ленина, вспоминал о той силе, которую пробуждали в России идеи марксизма. «Мы обеими руками хватали марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. <...> Нас привлекало в марксизме и другое: его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым. Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй. Запад нас манил».¹¹

Парадоксальным образом большевизм был зеркальным отражением автократической идеологии модернизации, которой мало значили чаяния народа и которая мнила себя компетентной во всем. С тех пор, как Петр Первый открыл окно в Европу, все правительства Царской империи были вынуждены носить Европу в Россию. Автократия как мотор прогресса всегда впереди инертного общества. Избавление России от ею же созданной отсталости – вот как понимали свою миссию цари и их министры.¹² Европа была масштабом, которым мерили то, что пока еще предстояло России.

Ленин был без сомнения самым радикальным представителем этого русского варианта веры в прогресс. Его вера в возможность создания тех или иных условий основывалась на опыте отсталости. Он не мог ждать конца истории. Большевики хотели быть не толкователями или пророками, а вершителями истории. Идолами Ленина были человек дела, аскет и обладатель сильной воли, не беззащитный перед лицом этого мира, а формирующий его. Если бы Рахметов, аскетический герой романа «Что делать?» Чернышевского, существовал на самом деле, то Ленин был бы вынужден привлечь его на свою сторону. В его мире не было ничего невозможного, так как в изоляции все казалось возможным. Дело в том, что если не было ни корней, ни границ, не надо было на деле проверять свои идеи, то не могло быть и ограничений.¹³ Нечистая совесть кормится воспоминаниями, она – не свободна. У зла же нет корней, писала Ханна Арендт. «И поскольку у него нет корней, нет у него и границ, оно может, развившись, дойти до невообразимой крайности».¹⁴ Ленину были неведомы ограничения, у него не было совести, которая могла бы обуздать его. То, о чем можно было подумать, было для него тем, что можно было и осуществить. Для народа у этого вождя революции в запасе было лишь одно презрение. Когда это народ был в состоянии добиться чего-то собственными силами, и почему это именно русские крестьяне должны были быть орудием прогресса? Ленин вообще не сомневался в том, что революционная элита должна была организовать то, на что народ был не в состоянии. Рабочие и крестьяне не имели, по его мнению, политического сознания, они не знали, что надо совершить для их же счастья. Этим знанием обладали, как он думал, только революционеры, действующие по высшему разумению, так как сумели понять, чего от них требовала история. «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию».¹⁵

Ленин от всего сердца ненавидел Россию и ее людей. Ничего не презирал он более лености Обломова, жестокости и невежества крестьян и примитивности русской жизни. От его марксизма не исходил дух свободы и эмансипации. Он был идеологией воспитания, не сочетавшейся с демократией и плюрализмом, с неоднозначностью и разнообразием, целью этой идеологии было ничто иное, чем уничтожение навсегда старой России («икон и тараканов»). Важны были не освобождение от зависимости и незрелости, а модернизация и перевоспитание. Вся Россия должна была стать прусской конторой, в которой люди планомерно исполняли бы то, что для них придумала революционная элита. «Все народное хозяйство, организованное как почта, <...> вот наша ближайшая цель», – писал Ленин в своем памфлете «Государство и революция» в сентябре 1917 года.¹⁶

Максим Горький, кто знал Ленина лучше его некоторых партийных товарищей, писал о вожде революции, что он смотрел на крестьян

и рабочих глазами русского помещика, он видел в них материал, который нуждался в формировании, а не людей, имеющих желания и потребности. «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами „вождя“, а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс. Ленин „вождь“ и русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обречённый на неудачу».¹⁷

Лев Троцкий писал в своей «Истории русской революции», что замедленный характер развития является основной, наиболее устойчивой чертой истории России.¹⁸ Открытые азиатские пространства всегда были обречены на долгое отставание. Когда славянские племена в Средние века овладели «безотрадной равниной», они не нашли там ничего иного как пустоту. У России не было никакого наследства, она всегда лишь заимствовала то, что было успешным в Европе. Ее властители, по словам Троцкого, присваивали материальные и идейные завоевания передовых стран и приспособляли их к условиям России. «Отсталая нация к тому же нередко снижает заимствуемые ею извне готовые достижения путем приспособления их к своей более примитивной культуре», – писал Троцкий.¹⁹ За каждое свое заимствование России приходилось платить высокую цену. Введение элементов западной военной техники и европейской культуры не могло не усугубить крепостное право, так как иначе элита не могла бы поддерживать свой стиль жизни и не могли быть удовлетворены притязания государства.²⁰

Но и Троцкий представлял себе социализм только как диктатуру, которая воспитывает народ и превращает старых людей в новых. К концу гражданской войны он хотел по-военному организовать пролетариат, рабочие должны были жить в казармах и заниматься принудительным трудом на службе у нового государства. Без принуждения социализма достичь невозможно, объявил Троцкий на 9-ом съезде Партии в марте 1920 года. По его словам, люди ленивы от природы и уклоняются от труда. Поэтому задачей Партии является подчинение рабочих военной дисциплине.²¹ Не эмансипация, а дрессировка, таково было требование времени. Большевики не боролись с социальным неравенством, они выращивали нового человека и делали это, как и их предшественники в царской бюрократии, методами старого человека.

Для немецких социал-демократов, чьей дисциплиной и организованностью так восхищался Ленин, большевизм был заблуждением, порожденным культурой Русской гражданской войны. Карл Каутский открыто высказался об этом, заявив, что большевизм является дикта-

турой, удерживающейся у власти благодаря страху и ужасам, так как Ленин и Троцкий, по его словам, социализм не могли себе представить ничем иным, как рабовладельческим обществом.²² В старой Европе социал-демократы уже не говорили о революции, так как достигали другим путем того, что считали правильным, но наверняка еще и потому, что видели собственными глазами, что происходило в России. Немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн заявил в декабре 1918 года: «Сквозь все конвульсии и удары направо и налево реакционных сил я вижу, что классовая борьба тем не менее принимает все более цивилизованные формы, и именно в том, что классовая борьба, политические и экономические схватки рабочих становятся цивилизованными, я вижу наилучшую гарантию осуществления социализма».²³ Однако большевики об этом и слушать не хотели, так как в их мире не было партий, правового государства, гражданских гарантий и цивилизованных дискуссий. Там царил беспощадная война, которую мог выиграть лишь тот, кто обладал оружием и распоряжался людьми, которые умели пользоваться этим оружием.

В 1917 году царское государство рухнуло, его армия развалилась, а после трехлетней гражданской войны Россия была разрушенной и опустошенной страной без промышленности и пролетариата. Миллионы людей погибли, были разорены, умерли с голоду или были изгнаны из страны, рабочие снова стали крестьянами.²⁴ Какой же стратегией кроме введения диктатуры развития могли бы руководствоваться большевики, чтобы справиться с этой катастрофой? Большевицкий социализм был правящим социализмом, процессом строительства государства, который продвигали железной рукой, это был авторитарный, милитаристический, беспощадный, применяющий грубую силу социализм.²⁵ Именно Россия стала опытным полем социальной технологии, которая мнила себя всемогущей и компетентной во всем, чьи представители думали, что выполняют миссию на службе всемирной истории. Все казалось возможным, если только революционеры были полны решимости. Почему не должно было в России удасться то, о чем марксисты уже давно мечтали в Европе? Однако клич, когда-то прозвучавший из Европы, вызвал в России лишь слабое эхо. На почве крестьянской империи европейский марксизм превратился в идеологию модернизации и воспитания, в которой мало что осталось от первоначальных предвещаний.

В западной Европе коммунистические партии были организациями добровольцев, которым нужно было выиграть выборы. Коммунистическая партия Советского Союза же была не партией, а чем-то вроде монашеского ордена и прямым инструментом интервенции нового государства.²⁶ Она была созданием гражданской войны и исходила из того понимания, что у диктатуры без фундамента шансы выжить ничтожны. Однако власть большевиков стояла на слабых ногах. Прежние

элиты были уничтожены или изгнаны из страны, новому государству удалось укорениться в лучшем случае в больших городах, но не в деревнях и на периферии империи. Без Коммунистической партии не было бы процесса построения государства. Она была настоящим центром власти. В партии служила новая элита, которая скрепила многонациональную империю так, как служилое дворянство в свое время не давало развалиться Царской империи. Коммунисты имели право носить оружие, делать покупки в собственных магазинах, они проводили свой отпуск в принадлежащих государству санаториях и были защищены от уголовного преследования. Сталин назвал Коммунистическую партию «своего рода орденом меченосцев», избранных, которые железной рукой не давали разделиться тому, что, казалось, не было чем-то целым.²⁷ Луис Фишер вспоминал: «Коммунистическая партия была примечательным учреждением Советской России. Требованием твердости и преданности, которые она предъявляла своим членам, партия напоминала монашеский орден. Традиционный образ ее автоматического послушания, ее секретности и безусловной дисциплины делали ее похожей на касту военных. Она служила новому режиму как генераторная станция, сторожевая собака и живительный элемент».²⁸

Вот только крестьяне, которые после смерти Ленина устремились в партию, не были коммунистами. Они ничего не знали про марксизм и его предвещения, ничего про теорию и миссию. Однако без идеологического и организационного корсета Коммунистическая партия оставалась бы сборищем людей, которых ничто не связывало. Но от такой элиты для революции не было бы никакой пользы. Поэтому в партии была создана иерархия, а ее внутренняя организация была сформирована с учетом потребностей власти и веры крестьян в авторитеты. Все коммунисты должны были говорить на одном языке, читать наизусть то же кредо, иметь тот же пролетарский и авторитарный облик. «Во Владивостоке или в Воронеже, в Сталинске или Сталинабаде, в Россоши или Павловске, – писал Мальте Рольф, – свод правил культуры был везде точно так же одинаков, как и средства, которыми он должен был осуществляться».²⁹ Общий культурный язык создает солидарность, и только он делает возможным диалог между правящими и управляемыми. На партийных съездах, пленумах Центрального комитета и заседаниях партийных ячеек новая элита готовилась к тому, как надо читать, говорить и отмечать праздники. Уже современники удивлялись ритуалам, которые предшествовали приему в компартию, формальному и пустому языку функционеров, критике и самокритике, публичному самобичеванию коммунистов, показательным процессам, парадам, праздникам и банкетам. Повсюду и в любое время надо было давать заверения и говорить о действительности в тональности самоотречения.³⁰

Частью коммунистического ритуала являлось отрицание реальности.

В Царской империи элиты еще жаловались на отсталость, невежество и нищету, однако в советском мире лжи об этом больше нельзя было говорить. Настойчивое напоминание об утопии, которая делала предсказания, которые никогда не могли стать действительностью, не открывало иного выхода, кроме отрицания всего того, что происходило в самом деле изо дня в день. В большевистском государстве не могло быть несчастных людей. Надо было отрицать несчастье и нищету, убожество должно было восхваляться как прекрасный новый мир. После лет репрессий ложь автоматически лилась из уст большинства людей, как бы плохо они себя ни чувствовали, как больно бы им ни было, так как их заставляли унижаться перед новыми господами. Степан Подлюбный, который, будучи сыном кулака, нашел работу в Москве, в своем дневнике в октябре 1934 года описывал себя как напуганного зверька, который боялся сделать даже один шаг, не обдумав его со всей осторожностью предварительно с политической точки зрения. Он пишет о том, как люди ежедневно, точнее, ежечасно боялись сказать что-то лишнее в разговоре с другими, что вся жизнь основана на лжи, что, рассказав кому-то что-то, надо было повторить это с мельчайшей подробностью в разговоре с другими и что надо было знать, что ты говорил вчера или год назад, как говорил, что рассказал о себе, о родителях и знакомых. Причем все это надо было уметь рассказать умело, цветисто и правдоподобно, с особым выражением лица и совершенно хладнокровно, чтобы никто ничего не заподозрил. Он пишет, как внимательно наблюдал за людьми, за поведением молодых как он людей. Что они делают в похожих ситуациях. Надо было стараться подражать им, приспосабливаться к жизни, как приспосабливается зверек к своему окружению, как только завидит врага. Пишет о том, что все это требовало нечеловеческих усилий, разрушало его силу воли и самостоятельность. Одновременно это, по его словам, принуждало его к профессиональной осторожности и внимательности. Трудности увеличивались от того, что не было никого, с кем можно было бы посоветоваться, кроме одного единственного человека – его мамы. Подлюбный пишет, что не имеет душевных друзей.³¹

И вот так получилось, что проект коммунистического воспитания вызвал к жизни строгую консервативную социальную дисциплину, которая была закрыта перед всякой новизной и на любое желание перемен отвечала запретами и наказанием. Сталинизм был диктатурой воспитания, которая наказывала все, что могло быть воспринято как прибыль в свободном обществе. Ипотека, которая была тяжелым грузом для Советского Союза и приносила ему в экономическом соревновании с открытым обществом Запада одни убытки.³²

Несмотря на то, что ложь сжимала сердце и обременяла социальные связи, она все же придавала некий смысл абсурдности существования людей, она дрессировала молодых коммунистических карьеристов

стов, которые учились тому, как следовало видеть и понимать мир. И поскольку уже было ясно, каким будет будущее, прошлое и настоящее стали искусственными продуктами, которые отныне не имели ничего общего с жизненным опытом миллионов людей. Время было остановлено, утопия превратилась в жесткий каталог представлений, в котором устанавливалось, каким должны представлять себе настоящее коммунисты, а именно как лучшим из миров.

Тот, кто становился коммунистом, вступал в незнакомый ему мир со странными правилами и обычаями, которых не было в гражданской жизни и которые не были знакомы «новобранцам». «Новичок в партии, – писал Артур Кестлер о большевистской культуре, – оказывался в совершенно незнакомом ему мире».³³ Все новички были обязаны проинформировать о своем прошлом, об условиях своей жизни и убедить в том, что они были достойны быть членом партии. Все коммунисты были вынуждены независимо от их происхождения пройти через этот ритуал посвящения. Он давал им доступ к ордену избранных и чувство собственной исключительности.

Коммунисты знали лишь одного бога и поклонялись одинаковым символам: красному знамени, каноническим текстам, которые знал каждый, но мало кто понимал, бюстам и портретам вождя революции и его верного ученика Сталина. Они лелеяли пролетарский облик, презирали религию, буржуазные правила приличия и подчиняли индивидуальные интересы нуждам коллектива. Лишь тот, кто готов был общему делу в случае необходимости пожертвовать также друзьями и родными, имел право называть себя коммунистом. В ордене избранных все должны были говорить на языке революции. По простоте одежды и языка, по скромности поведения должен был быть узнаваем коммунистический функционер. Скромность означала помимо прочего подчинение личности воле коллектива. Кто совершал ошибки, отклонялся от генеральной линии партии или нарушал правила правильного образа жизни, неизбежно подвергался публично инсценированной критике. Этот орден от своих членов ожидал прежде всего самокритики, когда к этому призывали власть имущие.³⁴

Организация и идеология большевизма были продуктами процесса строительства советского государства, тем не менее они распространялись также за пределами советских границ. Парадоксально, но факт, что коммунистическое движение в Европе имитировало иерархическую организацию и авторитарное поведение большевистской партии, хотя все это вообще не соответствовало потребностям в европейских странах. Еще в конце двадцатых годов незнакомый ритуал стал социальной нормальностью в коммунистических партиях Европы, хотя в свободных обществах невозможно было заставить кого-либо подчиниться лжи. «У меня были глаза, которые могли видеть, – вспоминал Артур Кестлер свое путешествие по Советскому Союзу в 1932 году, – но мой рассудок был натренирован на то, чтобы интер-

претеривать то, что видели мои глаза, предписанным образом».³⁵

Сталин не мог представить себе демократические общества. Он не мог понять, что немецким коммунистам надо было бороться за голоса, чтобы выиграть выборы. Для него не было разницы между КПГ и Грузинской Коммунистической партией. Коммунистические партии были частью большой общины, чей центр находился в Москве. Будучи членами всемирной церкви они финансировались, управлялись и подчинялись командам Коммунистического Интернационала, и в какой-то момент их зависимость настолько увеличилась, что они добровольно покорились капризам Сталина.³⁶ В Германии, во Франции и Италии коммунистические партии существовали уже до войны, они ориентировались на советскую организационную модель и имитировали большевистскую манеру ни с кем не считаться. В плюралистических обществах Запада коммунистов воспринимали как членов некоей церкви, которые получали указания из Москвы, пользовались странным, стандартизированным языком и полностью отказывались думать самостоятельно. Важны были не потребности потенциальных избирателей, а следование генеральной линии, установленной в Москве. Поэтому в большинстве стран Европы большевизм не был привлекательной моделью, а в лучшем случае предостережением. Почему же коммунисты были тем не менее успешны в некоторых государствах Европы? Британский историк Тони Джадт нашел тому оригинальное объяснение: организационный элемент. «Представление Грамши о том, что партия должна быть эрзацом религии, включая иерархию, элиту, литургию и катехизис, объясняет, почему коммунизм в своем ленинистском проявлении намного лучше работает в католических или православных странах, чем в протестантских».³⁷ В протестантских культурах, по его словам, вообще не интересовались эсхатологическими вопросами.

И все же коммунистам не удалось нигде в Европе победить на выборах и достичь власти. В Восточную и Центральную Европу большевистская система власти пришла лишь после Второй Мировой войны, через захват. Большевизм навязал покоренным свою систему. Иначе и не могло быть, сказал как-то Сталин. Победители навязывают свой порядок побежденным. Но как же объяснить привлекательность большевизма в странах Азии и Африки? На это есть один однозначный ответ: потому, что модель строительства государства Советского Союза и иерархическая организация партии соответствовали потребностям диктатуры воспитания, возникшим в развивающихся странах. Не кажется случайностью, что большевистская система восторжествовала прежде всего там, где меньше всего ощущался дух современности: в Китае, во Вьетнаме, в Камбодже или на Кубе. Она была моделью для мира прошлого, который стремился избавиться от гнета этого прошлого и обещала покончить с отсталостью и неоднородностью развития и создать порядок. Большевизм был ан-

тиколонизальной моделью строительства государства для неразвитых стран. Он был доказательством того, что и бедные страны могут стать богатыми и мощными. Их руководителям надо было для этого лишь в большевистском духе штурмовать крепости и ломать все, что стояло на их пути. То, что в Европе было лишь имитацией, в странах Азии, Африки и Латинской Америки было откровением.³⁸

БОЛЬШЕВИЗМ КАК ПРОЕКТ ПОРЯДКА

20-ое столетие было веком порядка и иллюзий, что все возможно. Об эпохе модерна следует думать как о том времени, в котором порядок сознательно воспринимался как образ жизни, пишет британопольский социолог Зигмунт Бауман. Мир является всего лишь волей и представлением и поэтому его можно упорядочить и изменить полюбому. Как только люди воспринимают свое окружение как некий вызов и пытаются подчинить его своей воле, они осознают себя хозяевами своей судьбы и знают, что возможен любой порядок, если только о нем подумали и если есть инструменты, которыми его можно претворить в жизнь. Открытие порядка есть момент рождения отсталости. Именно порядок создает ту амбивалентность, чьим преодолением сам же хочет быть. Бауман предлагает представить себе современное государство как садовника, который создает порядок и красоту и удаляет сорняки, т. е. диссидентство, ересь, отсталость и отчужденность. Инженеры души были оптимистами. Они верили в прогресс и воспитание. Для них не было никакой социальной проблемы, которую невозможно было бы окончательно решить рациональным планированием. Государство-садовник было резонатором утопии. Оно осуществляло то, что придумали националисты, расисты и коммунисты.³⁹

Большевики были завоевателями, которые подчинили себе империю, чтобы упорядочить ее, распределить по категориям и изменить. Но они были также мастерами импровизации и кризисов. Для них не существовало проблем, которые невозможно было тотчас же решить. Кризис был формой существования большевизма, он был почвой, на которой процветали насильственное государство-интервент и культура закалки.⁴⁰ Почему это большевики должны были слушаться ортодоксальных марксистов и ждать зова истории, если можно было сейчас же достичь того, за что взялись? За это ими восхищались повсюду в мире там, где социальные техники мечтали о создании нового мира. Считалось, что большевики совершали необратимое, они разрушали гниющий буржуазный порядок и заменяли его безусловной волей власти, чтобы спасти людей от гибели. Партийные ячейки на фабриках являются «дисциплинирующими фракциями», писал журналист Альфонс Гольдшмидт, пишущий про экономику, который посетил Москву в 1920 году. «Они должны поглотить, сожрать,

уничтожить плохие соки».⁴¹ Писатель Франц Юнг, кто в то же время был в Москве, нашел там то, чего не мог найти у себя на родине – «волю к равенству и коллективной радости». Никогда до этого он, по его словам, не испытывал такого счастья. «Это было тем, что я искал, а именно еще с поры детства – родина, родина людей».⁴² Он назвал машиной большевистскую систему. «Как огромными щупальцами она охватывает постепенно людей и исходный материал, она заставляет людей работать <...>. И она автоматически раздавит сопротивляющихся».⁴³

Еще и десятью годами позже, на пике сталинской революции, европейцы и американцы приезжали в Советский Союз, чтобы быть очевидцами того, как создается новый порядок. В старом мире царили депрессия и безработица, упадничество и разложение, а в новом – пафос подъема и перемен. Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Герберт Уэллс, Беатриса и Сидней Уэбб, Лион Фейхтвангер, Джордж Бернард Шоу – все они подпали по разным причинам под обаяние большевистской религии всевозможного, восхищались господством разума и неумолимости, которой советские властители избавляли человечество от проклятия прибыли и анархии рынка. Массы не молились. Они пели «Интернационал».⁴⁴ О том, чего стоил этот эксперимент, мало кто говорил в Советском Союзе или в Европе.

Советский Союз был опытным полем, на котором по-новому устраивали жизнь миллионов людей. Людей причисляли к социальным классам и сословиям. Теперь в стране существовали рабочие и крестьяне, кулаки и буржуи, коммунисты и беспартийные и от того, к какой группе вас причислили, зависело, какими правами вы можете пользоваться. Новый порядок должен был быть однозначным и понятным, враги и державшиеся особняком должны были быть распознаваемы. Большевики делили своих подданных на нужных и бесполезных людей, связывали привилегии с социальным статусом и принуждали каждого привыкать к новому порядку. Никто не мог уклониться от этой классификации, так как от социального статуса зависело собственное выживание. Властители могли в этой системе социальной иерархии приобрести друзей и сторонников и идентифицировать врагов.⁴⁵

Новый порядок в империи имел и этнический элемент. Лишь на языке и через культуру подданных мог проект становления социалистического государства из центра достигнуть периферии. Лишь индигенизация и этнизация империи давали режиму в руки средство распространения влияния государства на деревню, разделения населения на категории и его мобилизации. Поэтому правители строили Советский Союз по этническому принципу. Из Царской империи, населенной многочисленными народами образовалась империя наций, с границами, столицами, официальными языками и национальными мифами. Национальное по форме, социалистическое

по содержанию – такой формулой охарактеризовал Сталин проект национализации. Этот проект превратил крестьян в русских, евреев, украинцев и казахов, и он же дал социализму национальное лицо. Из марксистов получились творцы наций, а империя, населенная многочисленными народами, превратилась в империю наций.⁴⁶

И все же становление государства было не завершением, а началом переворота, который должен был превратить Советский Союз в современное индустриальное государство. Советский Союз был не тем, чем должен был бы стать. Его вожди выдвигали претензии, но не могли добиться их осуществления, так как отсутствовали человеческий капитал, инструменты и возможности. Без кредитов, без зарубежной технологии и помощи Советскому Союзу пришлось бы остаться тем, чем он был. Сталин и его сторонники поэтому не видели никакой другой возможности, чем финансирование индустриализации экспортом зерна. Вот только они не могли получить, чего желали, потому что у крестьян не было стимулов давать государству продукты своей работы. Правители не смогли бы обойтись без принуждения; без коллективизации сельского хозяйства и полного подчинения себе крестьян они бы были бессильны. В этом не сомневались по меньшей мере Сталин и его сторонники в руководстве страны. Когда диктатор в январе 1928 года поехал в Сибирь, чтобы проконтролировать заготовку зерна и настроить партийных товарищей на большой скачок вперед, он столкнулся самым унижительным образом с действительностью. Когда он прибыл в Барнаул, ему сообщили, что в области нет ни автомобилей, ни дорог.⁴⁷ Мы не знаем, что мог почувствовать Сталин, когда его везли на санях по снегу. Но мы знаем, что он был полон решимости полностью искоренить отсталость. Сталин заявил, что Россия никогда не будет снова побеждена и унижена европейскими державами. Того, на что другим нациям понадобились столетия, Советский Союз, по его словам, должен был достичь за несколько лет. Или победим или нас задавят, говорил Сталин.⁴⁸

Первый пятилетний план, принятый в 1927 году, дал миру пример решимости большевистских вождей построить плотины, фабрики и дороги в рекордные сроки, а пустыни превратить в цветущие ландшафты. Большевистский проект индустриализации должен был не только модернизировать экономику и инфраструктуру, а изменить социальную карту страны. Старые элиты должны были лишиться власти, крестьяне должны были быть превращены в рабочих. В Магнитогорске на Урале и в других местах сталинской индустриализации происходило не только укрощение глухомани, но и создавался новый человек, а именно посредством коллективных переживаний и героических сражений на производственном фронте, которые должны были из крестьян сделать новых людей и политических вождей. За ночь должно было быть создано то, на что странам Запада

понадобились годы. Правда, жизнь в Магнитогорске была короткой и грязной, плотину пришлось после постройки разрушить. Но не это было важным. «Магнитогорская плотина, – писал некий пропагандист, – была школой, в которой люди учились уважать большевистские чудеса». ⁴⁹ Какие же могли быть аргументы против чудес?! А кто все же осмеливался возразить идеологии безусловности, рисковал своей жизнью. Осенью 1934 года нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе в речи перед директорами объявил, что не будет выслушивать критиков и сомневающихся. Критика и сомнение были, как он говорил, предательством общего дела, а большевики могли взять штурмом любую крепость своей железной волей и дисциплиной. Единственное, что удерживает от этого, была по его мнению плохая работа. ⁵⁰

Большевистская вера в возможность изменить мир, управление и планирование, казалось, могут сдвинуть горы. Анархия рынка, нищета и безработица казались побежденными навсегда. В это верили не только большевистские вожди, но и выдвиженцы из пролетариев и крестьян, которые проект создания социалистического человека воспринимали как шанс своей жизни. Даже в Европе и в США советская модель командной экономики обрела привлекательность. Дело в том, что перед лицом фундаментального кризиса капиталистического экономического порядка в конце двадцатых годов было много доводов против модели капитализма и либеральной демократии. Джеймс Скотт, американский рабочий, эмигрировавший в 1932 году в Советский Союз, позднее вспоминал о том энтузиазме, который, по его словам, охватывал его и его единомышленников при мысли о советском проекте. «Что-то казалось неправильным в Америке. Я начал много читать про Советский Союз и постепенно пришел к заключению, что большевики дали ответы на некоторые вопросы, которые американцы задавали друг другу. Я решил поехать в Россию, чтобы там работать, учиться и помогать при строительстве общества, которое, казалось, на шаг опережало американское общество». ⁵¹

В то время в Советский Союз ездили не только коммунисты, но и инженеры, архитекторы и ремесленники из буржуазной среды, чтобы стать частью того громадного напряжения воли, с помощью которого должна была быть преобразована целая страна. От воли власти, планирования и гигантомании исходило заразительное для Европы, переживавшей кризис, очарование. Вдохновлялись этим не только коммунисты, но и консерваторы и фашисты. Большевики убирали с пути старое, беспощадно и с безусловной волей к власти. Они совершали необходимое и неизменяемое и никто, казалось не может помешать им делать то, что они должны были делать. Никогда ранее власть имущие не одолевали всякое сопротивление, заявляя, что собираются перевернуть мир и ввести новый мировой порядок в соот-

ветствии со своими представлениями, чего бы это ни стоило. «Те аспекты ленинизма, которые больше всего смущали традиционных марксистов, т. е. волюнтаризм Ленина и его решимость ускорить ход истории, были особенно привлекательны для фашистов», – пишет историк Тони Джадт. «Советское государство было жестоким и управлялось железной рукой. Вначале оно олицетворяло все то, чем восхищались будущие фашисты, и чего последним не хватало в политической культуре их собственных обществ. Советский Союз доказал, что партия способна произвести революцию, завоевать власть в государстве и в случае необходимости применять насилие». ⁵² Казалось, будто советский социализм является настоящим ответом на вызовы современности.

ВОЙНА И МИР

20-ое столетие было веком насилия, геноцида, этнических чисток и войны. Между 1914 и 1953 годами миллионы людей пали жертвой войне, террору, голоду и эпидемиям. Ни одной стране в Европе не пришлось такими большими жертвами платить за проект нового порядка как Советскому Союзу. Когда закончилась гражданская война, инфраструктура России была разрушена, ее города и деревни были опустошены, миллионы людей стали беженцами или были травмированы, старая элита была изгнана из страны. Большевики победили, так как без угрызений совести и беспощадно прибегали к насилию. Еще в годы гражданской войны они брали заложников, жгли деревни непокорных крестьян и заключали в концлагеря своих противников. В 1921 году красные отряды в Тамбовской губернии применили ядовитый газ против восставших крестьян, в Крыму расстреляли десятки тысяч людей. Ленин и его соратники были людьми дела, которые не только говорили о новых порядках, но и несмотря на сопротивление беспощадно претворяли их в жизнь. Уже в первые годы после революции священнослужители и дворяне подверглись преследованиям и были убиты, стачки рабочих и восстания солдат жестоко подавлялись. Когда весной 1920 года рабочие военных заводов Тулы протестовали против убогих условий жизни, Ленин приказал силой подавить протест. Тысячи рабочих были расстреляны или угнаны в концлагеря. Годом спустя восстали против большевиков матросы Кронштадта, солдатский авангард революции. Троцкий приказал утопить мятеж в крови. ⁵³

Большевизм изменил Советский Союз до неузнаваемости. Он превратил незаселенные земли в промышленные ландшафты, деревни в города, а регионы в национальные республики и дал миллионам людей из низов перспективу подняться наверх. Но он также изгнал элиту из страны и железной рукой подавил сопротивление. Политика государственной монополии на насилие обратилась против тех

граждан, которых должна была защитить друг от друга. В первый раз правительство употребило свои мощные инструменты власти для того, чтобы нагнать страх и ужас на собственное население. Большевики показали миру, на что они были способны и какими техническими возможностями располагало государство.⁵⁴ Больше двух миллионов крестьян лишились в начале 30-х годов собственности и были депортированы в Сибирь, дворяне, священники и кулаки были расстреляны, этнические меньшинства изгнаны из родных мест, 680.000 человек были убиты только во время Большого террора в 1937 и 1938 годах по квотам, несколько миллионов крестьян умерли с голоду и десятки тысяч коммунистов заплатились жизнью, потому что их обвинили в шпионаже и предательстве.

Техника правления Сталина основывалась на инсценировке кризисов, хаоса и анархии; без неопределенности и недоверия у него не было бы возможности заставить свою свиту присягнуть на курс насилия и снять все ограничения с государственной власти и делать то, что было нужно. Большевики постоянно добивались успеха угрозой и применением насилия, во время революции и в годы гражданской войны и сталинской революции сверху. Правда, в большевистском руководящем кружке мнения о применении насилия расходились. Лев Каменев, Николай Бухарин или Анатолий Луначарский сомневались в нужде насилия в отношении своих и, возможно, были бы готовы пойти на компромисс со своими политическими противниками. Однако они также не видели альтернативы подавлению крестьян, так как понимали, на каком шатком фундаменте стояло коммунистическое государство. Пусть Бухарин считал коллективизацию сельского хозяйства ошибкой, но и он не возражал против насильственного осуществления государственной монополии на насилие. Во всяком случае сопротивление крестьян было сломлено, и никакая цена для этого не была слишком велика.⁵⁵

Однако власть слаба, если ей приходится убеждать в своей силе. Поэтому сталинистское насилие не было признаком силы, а говорило о слабости. Иначе почему это Сталин и его сподвижники уничтожали коммунистическую элиту, если не из страха потери контроля и бессилия? Однако таким образом большевистский эксперимент превращался в консервативную диктатуру воспитания, которая поработщала рабочих и крестьян и была вынуждена компенсировать свою слабость, порождая страх и ужас. Проект созидания прекрасного нового мира превращался в советских условиях в доселе нигде не виданную оргию насилия.⁵⁶

Чем бы ни решили заняться большевики, препятствий в этом им не было, так как не было институтов, которые могли бы помешать им совершить неотвратимое. Революция оставила за собой *tabula rasa*, вследствие чего все казалось возможным и стало возможным. Именно большевики показали миру, что значит переворот всех цен-

ностей и общественных систем, и они же доказали, что слабость можно компенсировать железной волей, а порядок силой. Красный террор, писал Троцкий, уничтожил буржуазию и ускорил ход истории, будучи крайне необходимым инструментом для свершения неизбежного.⁵⁷

В западной Европе террор вызывал не только восторг, но и страх. После окончания гражданской войны весть о кровавых эксцессах дошла до Западной Европы, и донесли ее немецкие солдаты, которые, отступая из Украины в ноябре 1918 года, оказались между фронтами, офицеры добровольческого корпуса, которые боролись в балтийских республиках с большевиками, а также белые эмигранты, бежавшие в Берлин, Прагу и Париж. Восстание спартаковцев в январе 1919 года и провозглашение Мюнхенской Республики советов в апреле того же года привели революцию в Германию и вместе с ней распространился и страх большевистской фурии. Этот страх стал начальным импульсом для подъема фашистских и шовинистических движений, чьи сторонники и избиратели страшились неизвестности и хаоса.⁵⁸ Страх большевизма, казалось, оправдывал любое насилие и, если бы его не было, фашистским движениям пришлось бы его выдумать, так как красный террор помогал им наилучшим образом добиваться признания напуганных слоев общества. Гитлер и его сторонники не давали никому усомниться в том, что полны решимости, променив эксцессивное насилие, изгнать коммунистическую угрозу и ударить по врагу его же собственным оружием. Фашизм был революцией против революции, которую невозможно себе представить без примера большевизма. Без ужасов русской гражданской войны, без эксцессов насилия большевиков и кризиса либерального порядка в Европе не было бы ни фашизма, ни национал-социализма.⁵⁹

Не революция, а захватничество возвратило социализм в его большевистском варианте в Европу. И был он там воспринят не как предвещение лучшего, а как авторитарный, беспощадный и насильственный строй, который в крови утопил мечту о свободе. Оккупация Польши и прибалтийских республик на основе пакта между Гитлером и Сталиным, депортация вражеских коллективов и гибель миллионов на полях сражений Второй Мировой войны не были делом одних лишь национал-социалистов. Все это вообще невозможно понять без советской практики преодоления кризисов насилием, разрушения социальных систем и создания не подвластных праву пространств. Кое-кто, кажется, забыл, что Гитлер и Сталин начали большую войны сообща, когда договорились разделить Польшу между собой. Межевание ландшафтов, депортация и убийство людей, которых посчитали лишними, стигматизация жертв, все это было ежедневной практикой в Советском Союзе еще до того, как национал-социалисты начали осуществлять свою политику уничтожения. Когда армии Гитлера в июне 1941 года перешли границы Советского Союза, они оказались

на выжженной земле и нашли то, что им было нужно, чтобы завершить свою разрушительную работу. Сталин подготовил почву, на которой подразделения убийц национал-социалистов могли делать все, что хотели. Большевики и национал-социалисты не удивляли друг друга. В лучшем случае они боялись друг друга. Каждый из них совершал то, чего от него ждал другой.⁶⁰

Вторая Мировая война была последним актом в этой игре с разрушительной силой, в которой людей убивали, потому что они не имели права быть частью того порядка, который власть имевшие считали лучшим из миров. Родиной этого насилия был Советский Союз. Современными были в лучшем случае представления, практика же создания порядка и уничтожения не была современной. Она происходила в стороне от гражданской жизни на разрушенных и опустошенных просторах, на которых было возможно все, что только можно было себе представить, а деспотия сеяла страх и ужас. Оттуда переняли свою программу убийств и национал-социалисты.⁶¹ Практика большевистского массового террора не только предшествовала политике разрушительного насилия национал-социалистов. Она служила ей оправданием и примером и показала, где могут произойти массовые убийства.

20-й век был в своей второй половине также столетием мира, несмотря на Холодную войну и атомную угрозу, которая тяжелой тенью легла на европейский континент. Для людей в Советском Союзе конец сталинистского режима насилия стал рубежом, воскрешением. 30 лет непрерывно продолжались война, террор и насилие. Теперь же все должно было измениться. Вожди завершили игру со смертью, они больше не убивали друг друга, отказались от террора и деспотического режима произвола. После всего того, что перенесли их подданные в войне с немецкими захватчиками, режим не имел более причины сомневаться в лояльности собственного населения. Он заключил мир с крестьянами и порвал с представлением, что задачей социализма являлось создание окончательного общественного строя и нового человека и уничтожение всяческого сопротивления.⁶²

По словам Керстин Хольм в статье в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ в мае 2014 года, русское жизнеощущение неотделимо от знания того, что «государство принципиально является врагом своих граждан», на которого невозможно оказать влияние и который является неизбежным злом как «погода, с которой надо как-то обойтись».⁶³ Но с этим врагом можно было договориться. Дело в том, что проект однозначности стал жертвой на алтаре государства всеобщего благоденствия и стабильности, сталинистская командная экономика превратилась в инертное плановое хозяйство, в котором более не происходило ничего непредвиденного.⁶⁴ Можно также сказать, что процесс построения советского государства подошел к

своему концу, и власть имевшие могли быть уверены в своем полновластии. Лишь тогда, когда само собой происходит то, чего ожидают от каждого, властитель может спать спокойно. Инертность является признаком силы, так как власть имеющие могут рассчитывать на то, что подданные сделают то, чего от них требуют. Советский Союз превратился в империю наций, которой правили национальные элиты, в консервативную диктатуру единомыслия, которая могла отказаться от насилия и террора, так как лояльность отныне вообще не зависела от социального статуса и заявления о своих политических убеждениях.⁶⁵

Благосостояние населения было единственным масштабом, которым еще измерялась легитимация партийного руководства. Для большинства людей в Советском Союзе 60-ые и 70-ые годы прошлого столетия ощущались как хорошие времена после всего того, что происходило ранее. Утопия исчезла, ее заменили вечное течение времени, миф о Великой Отечественной войне и славной империи. Большинство русских все еще не распростились с этим мифом. Он был единственным, чем они владели.

НАСЛЕДИЕ

Что же осталось от великой утопии и великих проектов? Ничего, почти ничего. Остались нации как образующий принцип империи, Коммунистическая партия и семейные союзы и кланы, которые до сих пор направляют политические судьбы в бывших республиках Советского Союза. В Восточную Европу эта система консервативного правления пришла в то время, когда наводившие ужас волны террора уже потеряли былую силу. Советский Союз не был более центром мировой революции. Он вообще не хотел более революций, а хотел покоя и стабильности. Все должно было оставаться неизменным. С переменами и изменениями связывались отрицательные коннотации, советская империя представлялась чем-то «вечным».⁶⁶ В Восточную и Центральную Европу Кремль экспортировал лишь глубоко консервативную социальную систему, которая была создана, чтобы не дать распасться отсталой многонациональной империи. Только таким образом советский социализм мог как иностранный импорт укрепиться в странах Восточной и Центральной Европы. Даже интервенция Советского Союза в Афганистане уже не стояла на службе революционной экспансии, она была в лучшем случае безуспешной попыткой стабилизировать обстановку на азиатской периферии Советского Союза. Обещаниям социализма уже в 70-ые больше никто не верил. И когда десятью годами позже в Советском Союзе также все, во что когда-то верили коммунисты, было поставлено под вопрос, у Кремля больше не было оснований удерживать свое господство в Восточной и Центральной Европе. Горбачев отказался не только от того, что он и

его советники ощущали лишь как экономическую нагрузку. Без военного присутствия и направляющей руки советских оккупационных войск в странах Восточного блока не было бы мирной смены власти. Советский Союз в свое время как насильственный проект вступил в европейскую действительность. Как миротворец сошел он со сцены. Оглядываясь назад, трудно понять, почему элиты в западной Европе и США боялись старых господ в Кремле.⁶⁷

«Я боюсь свободы – вот придет пьяный молодчик и сгорела моя дача».⁶⁸ Так сказал писательнице Светлане Алексиевич один из ее московских знакомых, жаловавшийся на реформы Горбачева. Конец Советского Союза был не началом демократии и плюрализма, а увертюрой путинского порядка. В настоящем больше от старого, чем кое-кому кажется. Плотной сетью консервативный менталитет советского социализма покрыл все общества Восточной и Центральной Европы и оставил следы в головах миллионов. То, что некоторые считают возвратом консервативного мышления времен между мировыми войнами, на самом деле является наследием советской системы. Разговоры идут об империи, о нации, народе и религии, а в виду имеют то «вечное» время, которое сформировало ритм жизни советского мира. В действительности советское наследие присутствует повсюду, не как утопия или обещание светлого будущего, а как живое представление авторитарного режима. С такой точки зрения 20-ое столетие действительно было советским столетием.

ССЫЛКИ

- 1 Eric Hobsbawm, *Das Zeitalter der Extreme. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts* (München: Carl Hanser, 1997), 114.
- 2 Там же, 79.
- 3 См.: Tony Judt und Timothy Snyder, *Nachdenken über das 20. Jahrhundert* (München: Carl Hanser, 2013).
- 4 См.: Adam Tooze, *Sintflut. Die Neuordnung der Welt 1916 – 1931* (München: Siedler, 2015); Wolfgang Schivelbusch, *Entfernte Verwandtschaft. Faschismus, Nationalsozialismus, New Deal 1933 – 1939* (München: Carl Hanser, 2005), 20 – 22.
- 5 См.: Silvio Pons, *The Global Revolution. A History of International Communism 1917 – 1991* (Oxford: Oxford University Press, 2014), XI – XX, также обзор Герда Кёнена, Gerd Koenen, *Was war der Kommunismus?* (Göttingen: Vandenhoeck& Ruprecht, 2010).
- 6 См.: Hobsbawm, *Zeitalter der Extreme*; Karl-Dietrich Bracher, *Zeit der Ideologien. Eine Geschichte politischen Denkens im 20. Jahrhundert* (München: Deutscher Taschenbuch, 1985), 11 – 18; Mark Mazower, *Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert* (Berlin: Alexander Fest, 2000).
- 7 Tony Judt und Timothy Snyder, *Nachdenken über das 20. Jahrhundert*, 206.
- 8 Там же; см.: Zygmunt Bauman, *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1995), 13 – 32.
- 9 См.: James Scott, *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed* (New Haven: Yale University Press, 1998), 1 – 8.
- 10 См.: Orlando Figes, *Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924* (Berlin: Berlin Verlag, 1998), 100 – 137; Joseph Bradley, *Muzhik and Moscovite. Urbanisation in Late Imperial Russia* (Los Angeles: University of California Press, 1985); Robert Johnson, *Peasant and Proletarian. The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1979); Charters Wynn, *Workers, Strikes and Pogroms: The Donbass-Dnepr-Bend in Late Imperial Russia, 1870 – 1905* (Princeton: Princeton University Press, 1992); Boris Mironov, "Peasant Popular Culture and the Origins of Soviet Authoritarianism," in *Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*, eds. Stephen Frank and Mark Steinberg (Princeton: Princeton University Press, 1994), 54 – 73.
- 11 Николай Валентинов, *Встречи с Лениным*, (Нью-Йорк: изд. Имени Чехова, 1953), 50.
- 12 См.: Andrew Verner, *The Crisis of Russian Autocracy. Nicholas II and the 1905 Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 1990), 70 – 103; Richard Wortman, *Scenarios of Power, Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, Vol. 2 (Princeton: Princeton University Press, 2000), 3 – 15; Dominic Lieven, *Russia's Rulers under the Old Regime* (New Haven: Yale University Press, 1989), 148 – 154.
- 13 См.: Nikolaj Tschernyschewski, *Was tun?* (Reinbek bei Hamburg:

- Rowohlt, 1988) (впервые издана в 1863 году). См. также: Martin Malia, *Vollstreckter Wahn. Rußland 1917 – 1991* (Stuttgart: Klett-Cotta, 1994), 91–92; Alain Besancon, *The Intellectual Origins of Leninism* (Oxford: Basil Blackwell, 1981), 117 – 125, 194 – 195; Richard Pipes, *Die russische Revolution*, Bd. 1 (Berlin: Rowohlt, 1992), 228 – 229.
- 14 Hannah Arendt, *Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik* (München: Piper, 2009), 77.
- 15 Wladimir Lenin, *Was tun?*, in: Wladimir Lenin, *Ausgewählte Werke*, Bd. 1 (Berlin (Ost): Dietz 1978), 254; см. также: David Priestland, *Weltgeschichte des Kommunismus. Von der französischen Revolution bis heute* (München: Siedler, 2009), 109 – 116.
- 16 Wladimir Lenin, Staat und Revolution, in: Wladimir Lenin, *Ausgewählte Werke*, Bd. 2 (Berlin (Ost): Dietz 1976), 359; см. также: Nina Tumarkin, *Lenin Lives!: The Lenin Cult in Soviet Russia* (Cambridge: Harvard University Press, 1983).
- 17 Maxim Gorki, *Unzeitgemäße Betrachtungen über Kultur und Revolution* (Frankfurt am Main: Insel, 1972), 97 – 98.
- 18 См.: Leo Trotzki, *Geschichte der russischen Revolution* (Frankfurt am Main: FISCHER Taschenbuch, 1982), 13 – 15.
- 19 Там же, 14.
- 20 Там же, 13 – 15.
- 21 См.: Jonathan Aves, *Workers Against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship* (London: I. B. Tauris Publishers, 1996), 5 – 38; Leo Trotzki, *Denkzettel. Politische Erfahrungen im Zeitalter der permanenten Revolution*, hrsg. von Isaak Deutscher (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981), 371 – 373; Stefan Plaggenborg, *Revolutionskultur, Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland* (Köln: Böhlau, 1996).
- 22 См.: Leszek Kolakowski, *Die Hauptströmungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall*, Bd. 2 (München: Piper, 1988), 63 – 65; Dieter Groh und Peter Brandt, „Vaterlandslose Gesellen.“ *Sozialdemokratie und Nation 1860 – 1990* (München: C. H. Beck, 1992), 177 – 178.
- 23 Eduard Bernstein, *Ein revisionistisches Sozialismusbild. Drei Vorträge* (Bonn: Dietz, 1976), 166; см. также: Jan-Werner Müller, *Das demokratische Zeitalter. Eine politische Ideengeschichte Europas im 20. Jahrhundert* (Berlin: Suhrkamp, 2013), 96.
- 24 См.: Roger Pethybridge, *One Step Backwards, Two Steps Forward. Soviet Society and Politics under the New Economic Policy* (New York: Clarendon Press of Oxford University Press, 1990), 121 – 127, 382 – 388.
- 25 См.: Jörg Baberowski, „Gewalt als Machttechnik. Revolution als Staatswerdung an der asiatischen Peripherie der Sowjetunion,“ in: *Revolution, Krieg und die Geburt von Staat und Nation. Staatsbildung in Europa und den Amerikas 1770 – 1930*, hrsg. von Ewald Frie und Ute Planert (Tübingen: Mohr Siebeck, 2016), 211 – 246.
- 26 См.: Arthur Koestler, *Als Zeuge der Zeit. Das Abenteuer meines Lebens* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1986), 138 – 154;

- Bert Hoppe, In *Stalins Gefolgschaft. Moskau und die KPD 1928 – 1933* (München: R. Oldenbourg, 2007), 11 – 29.
- 27 См.: Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (Oxford: Oxford University Press, 1999), 15 – 39.
- 28 Louis Fischer, in: Arthur Koestler u.a., *Ein Gott der keiner war* (Zürich: Europa Verlag, 2005) (впервые издана в 1950 году), 209 – 210.
- 29 Malte Rolf, *Das sowjetische Massenfest* (Hamburg: Hamburger Edition, 2006), 266.
- 30 См.: Koestler, *Ein Gott, der keiner war*, 54 – 55; Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*, 19 – 21; Lorenz Erren, „Selbstkritik“ und Schuldbekennnis. *Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917 – 1953)* (München: R. Oldenbourg, 2008).
- 31 См.: Jochen Hellbeck, hrsg., *Tagebuch aus Moskau 1931 – 1939* (München: Deutscher Taschenbuch, 1996), 167 – 168; Nina Lugovskaja, *Ich will leben. Ein russisches Tagebuch 1932 – 1937* (München: Carl Hanser, 2004).
- 32 См.: Jeffrey Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War* (Princeton: Princeton University Press, 2000), 54 – 82; Jörg Baberowski, *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt* (München: C. H. Beck, 2012).
- 33 Koestler, *Ein Gott, der keiner war*, 35.
- 34 См.: David Hoffmann, *Stalinist Values. The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917 – 1941* (Ithaca: Cornell University Press, 2003), 57 – 87; Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*, 14 – 21.
- 35 Alexander Jakowlew, *Ein Jahrhundert der Gewalt in Sowjetrußland* (Berlin: Berlin Verlag, 2004), 34; Koestler, *Als Zeuge der Zeit*, 156.
- 36 См.: Hoppe, *In Stalins Gefolgschaft*, 240 – 241, 358 – 361.
- 37 Judt und Snyder, *Nachdenken über das 20. Jahrhundert*, 96. См. также воспоминания итальянского коммуниста Иньяцио Силоне, in: Koestler u.a., *Ein Gott, der keiner war*, 102 – 103.
- 38 См.: David Priestland, *Weltgeschichte des Kommunismus. Von der französischen Revolution bis heute* (München: Siedler, 2009), 449 – 485; Silvio Pons, *The Global Revolution. A History of International Communism 1917 – 1991* (Oxford: Oxford University Press, 2014), 231 – 254; Koenen, *Was war der Kommunismus?*, 87 – 98.
- 39 См.: Bauman, *Ambivalenz und Moderne*, 45 – 46; Scott, *Seeing like a State*, 1 – 8.
- 40 См.: Karl Schlögel, Utopie als Notstandsdenken – einige Überlegungen zur Diskussion über Utopie und Sowjetkommunismus, in: *Utopie und politische Herrschaft im Europa der Zwischenkriegszeit*, hrsg. Wolfgang Hardtwig (München: R. Oldenbourg, 2003), 94 – 95; Robert Kindler, *Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan* (Hamburg: Hamburger Edition, 2014).
- 41 Alfons Goldschmidt, *Moskau 1920. Tagebuchblätter* (Berlin (Ost): Dietz, 1987), 71.
- 42 Gerd Koenen, *Der Rußland – Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 – 1945* (München: C.H. Beck, 2005), 305.

- 44 См.: Francois Furet, *Das Ende der Illusion. Der Kommunismus im 20. Jahrhundert* (München: Piper, 1996), 197 – 208; Karl-Dietrich Bracher, *Zeit der Ideologien. Eine Geschichte des politischen Denkens im 20. Jahrhundert* (München: Deutscher Taschenbuch, 1985), 222–238; Michael Rohrwasser, „Der Kommunismus. Verführung, Massenwirksamkeit, Entzauberung,“ in: *Wege in die Gewalt. Die modernen politischen Religionen*, hrsg. von Hans Maier (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2000), 121 – 142; Helmut Kiesel, *Ernst Jünger. Die Biographie* (München: Pantheon, 2009), 392 – 407; Michail Ryklin, *Kommunismus als Religion. Die Intellektuellen und die Oktoberrevolution* (Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen, 2008); Mazower, *Der dunkle Kontinent*, 186 – 187; Priestland, *Weltgeschichte des Kommunismus*, 246 – 250; Lutz Raphael, *Imperiale Gewalt und mobilisierte Nation. Europa 1914 – 1945* (München: C.H.Beck: 2011). Так описала немецкая коммунистка Рут Фишер: представители консервативной революции в Германии были очарованы советским экспериментом, см.: Ruth Fischer, *Stalin und der deutsche Kommunismus*, Bd. 1 (Berlin: Dietz Verlag, 1991).
- 45 См.: Sheila Fitzpatrick, „Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia,“ *Journal of Modern History* 65 (December 1993): 745 – 770; Golfo Alexopoulos, *Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926 – 1936* (Ithaca: Cornell University Press, 2003), 13 – 44.
- 46 См.: Baberowski, „Stalinismus und Nation. Die Sowjetunion als Vielvölkerreich 1917 – 1953,“ *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 3 (2006): 199 – 213; Terry Martin, *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923-1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001); Yuri Slezkine, „The USSR as a Communal Apartment, or how a Socialist State Promoted Ethnic Particularism,“ *Slavic Review* 53, no. 2 (Summer 1994): 414 – 452.
- 47 См.: Stephen Kotkin, *Stalin. Paradoxes of Power 1878 – 1928* (New York: Penguin Books, 2014), 661 – 723; James Hughes, „Capturing the Russian Peasantry. Stalinist Grain Procurement Policy and the „Ural-Siberian Method,““ *Slavic Review* 53, no. 1 (Spring 1994): 76 – 103.
- 48 См.: Josef Stalin, *Werke*, Bd. 13, (Berlin (Ost): Dietz 1955), 35 – 36.
- 49 Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization* (Berkeley: University of California Press, 1995), 92; James Scott, *Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel* (Bloomington: Indiana University Press, 1989) (впервые издана в 1942 году), 173.
- 50 Цит. по: Paul Gregory and Andrei Markevich, „Creating Soviet History. The House that Stalin built,“ *Slavic Review* 61, no. 4 (Winter 2002): 798 – 799.
- 51 James Scott, *Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel*, 3. См. также: Schivelbusch, *Entfernte Verwandtschaft*, 16 – 17.
- 52 Judt und Snyder, *Nachdenken über das 20. Jahrhundert*, 174; См. также: Christoph Mick, *Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928 – 1932* (Stuttgart: Franz Steiner, 1995).

- 53 См.: Aves, *Workers Against Lenin*, 39 – 56; Stefan Karsch, *Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917–1919)* (Stuttgart: Franz Steiner, 2006), 214 – 222; Paul Avrich, *Kronstadt 1921* (Princeton: Princeton University Press, 1970); Владимир Булдаков, *Красная смута: природа и последствия революционного насилия* (М.: РОССПЭН, 2010), 555 – 587; Felix Schnell, *Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905 – 1930* (Hamburg: Hamburger Edition, 2012); Reinhard Nachtigal, „Krasnyj desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrußlands 1918,“ *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 53, Nr. 2 (2005): 221 – 246.
- 54 См.: Jörg Baberowski, *Räume der Gewalt* (Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2015); Heinrich Popitz, *Phänomene der Macht* (Tübingen: J.C.B.Mohr, 1992), 74 – 75.
- 55 Для коммунистической оппозиции к Сталину см.: Robert V. Daniels, *Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland* (Köln: Robert Vincent, 1962) и Stephen Cohen, *Bukharin and the Russian Revolution. A Political Biography 1888 – 1938* (London: Wildwood House, 1974).
- 56 Для этого см.: Baberowski, *Verbrannte Erde*, 212 – 368; Christian Teichmann, *Macht der Unordnung. Stalins Herrschaft in Zentralasien 1920–1950* (Hamburg: Hamburger Edition, 2016).
- 57 См.: Enzo Traverso, *Im Bann der Gewalt. Der europäische Bürgerkrieg 1914–1945* (München: Siedler, 2008).
- 58 См.: Theodor Eschenburg, *Also hören Sie mal zu. Geschichte und Geschichten* (Berlin: Siedler, 1995), 111 – 120; Victor Klemperer, *Man möchte immer weinen und lachen in einem. Revolutionstagebuch 1919* (Berlin: Aufbau Verlag, 2015), 85 – 193. Освальд Шпенглер жаловался в письме от 18 декабря 1918 года, что революция в Баварии подрывает порядок, но также дает возможность узаконить контрреволюцию, см.: Gerhard Schmolze, hrsg., *Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten*, (München: Deutscher Taschenbuch, 1978), 155 – 156.
- 59 См.: Ernst Nolte, *Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen* (München: Piper, 1968), 14 – 15; Ernst Nolte, *Der Europäische Bürgerkrieg 1917 – 1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus* (Frankfurt am Main: F.A.Herbig, 1987), 17 – 18; Andreas Wirsching, *Vom Weltkrieg zum Bürgerkrieg? Politischer Extremismus in Deutschland und Frankreich 1918 – 1933/39*. Berlin und Paris im Vergleich (München: R.Oldenbourg, 1999), 513 – 522; Traverso, *Im Bann der Gewalt*, 59 – 65, 265; Donal O’Sullivan, *Furcht und Faszination. Deutsche und britische Russlandbilder 1921 – 1933* (Köln: Böhlau, 1996); Kai-Uwe Merz, *Das Schreckbild. Deutschland und der Bolschewismus 1917 – 1921* (Berlin: Propyläen, 1995).
- 60 См.: Jörg Baberowski, „Totale Herrschaft im staatsfernen Raum. Stalinismus und Nationalsozialismus im Vergleich,“ *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 57, Nr. 12 (2009): 1013 – 1028; Timothy Snyder, *Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin* (London: Penguin Random House, 2010); Jan Gross, *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland’s Western Ukraine and Western Belorussia* (Princeton: Princeton University Press, 2002), 187 – 224.

- 61 См.: Timothy Snyder, *Black Earth. Der Holocaust und warum er sich wiederholen kann* (München: C.H.Beck, 2015).
- 62 См.: William Taubman, *Khrushchev. The Man and his Era* (New York: W.W.Norton, 2003), 270 – 324; Jörg Baberowski, „Wege aus der Gewalt. Nikita Chruschtschow und die Entstalinisierung 1953 – 1964,“ in: *Gesellschaft – Gewalt – Vertrauen*, hrsg. von Ulrich Bielefeld, Heinz Bude und Bernd Greiner (Hamburg: Hamburger Edition, 2012), 401 – 437.
- 63 Kerstin Holm, „Rußlands Doppeldenker. Die Verwilderung der Heimat,“ *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 4 Mai 2014, последнее посещение 28.10.2019, <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/russlands-doppeldenker-die-verwilderung-der-heimat-12922758.html>.
- 64 См.: David Kotz and Fred Weir, *Revolution from Above. The Demise of the Soviet System* (New York: Routledge, 2007), 70 – 91, 155 – 192.
- 65 См.: Ronald Suny, *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*, (Stanford: Stanford University Press, 1993), 113 – 126.
- 66 См.: Alexei Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation* (Princeton: Princeton University Press, 2006); Stephen Kotkin, *Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970–2000* (Oxford: Oxford University Press, 2008), 1 – 30.
- 67 См.: Archie Brown, *Der Gorbatschow-Faktor. Wandel einer Weltmacht* (Frankfurt am Main: Insel, 2000), 156 – 219, 349 – 412.
- 68 Svetlana Alexijewitsch, *Secondhand-Zeit. Leben auf den Trümmern des Sozialismus* (Berlin: Hanser Verlag, 2013), 31.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Alexopoulos, Golfo. *Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926 – 1936*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

Fitzpatrick, Sheila. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Kotkin, Stephen. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.

Kotkin, Stephen. *Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970 – 2000*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Kotkin, Stephen. *Stalin. Paradoxes of Power 1878 – 1928*. New York: Penguin Books, 2014.

Martin, Terry. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923 – 1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Pethybridge, Roger. *One Step Backwards, Two Steps Forward. Soviet Society and Politics under the New Economic Policy*. New York: Clarendon Press of Oxford University Press, 1990.

Snyder, Timothy. *Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin*. London: Penguin Random House, 2010.

Taubman, William. *Khrushchev. The Man and his Era*. New York: W.W.Norton, 2003.

Alexijewitsch, Swetlana. *Secondhand-Zeit. Leben auf den Trümmern des Sozialismus*. Berlin: Hanser Verlag, 2013.

Baberowski, Jörg. *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*. München: C.H. Beck, 2012.

Baberowski, Jörg. „Wege aus der Gewalt. Nikita Chruschtschow und die Entstalinisierung 1953 – 1964.“ In: *Gesellschaft – Gewalt – Vertrauen*, hrsg. von Ulrich Bielefeld, Heinz Bude und Bernd Greiner, 401 – 437. Hamburg: Hamburger Edition, 2012.

Bauman, Zygmunt. *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1995.

Brown, Archie. *Der Gorbatschow-Faktor. Wandel einer Weltmacht*. Frankfurt am Main: Insel, 1996.

Figes, Orlando. *Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924*. Berlin: Berlin Verlag, 1998.

Hobsbawm, Eric. *Das Zeitalter der Extreme. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts*. München: Carl Hanser, 1997.

Judt, Tony, und Snyder, Timothy. *Nachdenken über das 20. Jahrhundert*. München: Carl Hanser, 2010.

Koenen, Gerd. *Der Rußland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 – 1945*. München: C.H.Beck, 2005.

Koestler, Arthur, u.a. *Ein Gott der keiner war*. Zürich: Europa Verlag, 2005.

Mazower, Mark. *Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert*. Berlin: Alexander Fest, 2000.

Nolte, Ernst. *Der Europäische Bürgerkrieg 1917 – 1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Frankfurt am Main: F.A.Herbig, 1987.

Priestland, David. *Weltgeschichte des Kommunismus. Von der französischen Revolution bis heute*. München: Siedler, 2009.

Schnell, Felix. *Räume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905 – 1930*. Hamburg: Hamburger Edition, 2012.

Traverso, Enzo. *Im Bann der Gewalt. Der europäische Bürgerkrieg 1914 – 1945*. München: Siedler, 2008.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՅՈՐԳ ԲԱԲԵՐՈՎՍԿԻ / ՎԱՆԻ ԵՎ ՀԻԱՑՄՈՒՆՔԻ ՄԻՋԵՎ.
 ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆՆ ԱՐԴԻՈՒԹՅԱՆ ԴԱՐԱՇՐՋԱՆՈՒՄ

Բանալի բառեր – 20-րդ դար, ստալինիզմ, Ռուսական հեղափոխություն, Խորհրդային Միություն, բոլշևիզմ, Արևմտյան Եվրոպա:

Նույնիսկ Խորհրդային Միության փլուզումից հետո մեծ թվով գիտնականներ շարունակեցին պնդել, որ Ռուսական հեղափոխությունը փառահեղ իրադարձություն էր 20-րդ դարի համար, ինչպես որ Ֆրանսիական հեղափոխությունը՝ 19-րդ դարի: Թեև այս գերակշռող մեկնաբանությունները Ռուսական հեղափոխությունը համարում են ամբողջ մարդկության կողմից անհամբեր սպասված այլընտրանք և, հետևաբար, վճռական ազդակ հասարակական առաջընթացի համար, ես ուզում եմ փաստարկել 20-րդ դարի պատմական Էվոյուցիայի մեկ այլ մեկնության օգտին: Ո՛չ արևելյան, ո՛չ արևմտյան կիսագնդերը չվերադարձան մինչև 1917 թվականն ընկած իրենց վիճակներին: Դրա պատճառը ոչ թե այն էր, որ հեղափոխությունն առաջընթաց բերեց, այլ որովհետև բոլշևիկները չէին ցանկանում հետաձգել իրենց համար ցանկալի իրականության կազմավորումը: Դրա համար նրանք հաստատեցին նոր ավտորիտար կարգ, որը կարող էր պահպանվել միայն ահաբեկչության և վախի միջոցով: Այս ավտորիտար կարգի հետևանքներն էլ ձևավորեցին 20-րդ դարի պատմության ընթացքը:

SUMMARY

JÖRG BABEROWSKI / BETWEEN FEAR AND FASCINATION. THE SOVIET UNION IN THE MODERN AGE

Key words: 20th Century, Stalinism, Russian Revolution, the Soviet Union, bolshevism, Western Europe.

Even after the collapse of the Soviet Union, a considerable amount of historical scholarship continued to contend that the Russian Revolution was a glorious occurrence as pivotal to the 20th century as the French Revolution was to the 19th century. While these prevailing interpretations consider the Russian Revolution as an eagerly anticipated alternative by all mankind and thus as a decisive impulse for societal progress, I want to argue for a different reading of the historical evolution of the 20th century. Neither the eastern nor the western hemisphere returned to their previous states before 1917. This was not because the revolution sparked progress, but because the Bolsheviks were unwilling to postpone the formation of their desired reality. For this end, they established a new authoritarian order that could only be maintained through terror and fear. The implications of this order formed the course of history in the 20th century.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Йорг Баберовски – немецкий историк и профессор истории Восточной Европы в Берлинском университете имени Гумбольдта с 2002 года. Он изучал историю и философию в Геттингене и в 1994 году защитил докторскую диссертацию о царском правосудии в последние годы существования Российской империи во Франкфуртском университете на Майне. После шести лет преподавания истории Восточной Европы в Тюбингенском университете, в 2003 году он опубликовал свою вторую книгу о кавказском сталинизме. Его книга «Выжженная земля. Сталинское царство насилия» была удостоена премии Лейпцигской книжной ярмарки по разделу «Эссе» в 2012 году. Текущие исследования Баберовского посвящены русской революции, постсталинской эпохе и политической теории.

Йорг Баберовски (Германия) / Baberowskij@geschichte.hu-berlin.de

О ПОЛИТИКЕ
ПРЕОДОЛЕНИЯ
ПОСЛЕДСТВИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
НАСИЛИЯ
(СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ
В НЕЗАВИСИМОЙ
АРМЕНИИ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

советское наследие, культурная память, государственное насилие, геноцид армян, сталинские репрессии, национализм

ВВЕДЕНИЕ

25 мая 1994 года Верховный Совет РА принял «Закон о репрессированных». Политическая и социальная повестка страны, только что обретшей независимость и вставшей на путь демократического развития, была перенасыщена такими насущными проблемами как Карабахская война, разработка программы экономического развития, внешняя политика. В этом контексте принятие названного закона довольно примечательно. Не преувеличивая значение этого акта, замечу только, что его принятие было не только попыткой регулирования отношений между государством и полученными им в наследство жертвами советской системы, но в каком то смысле также и позиционированием по отношению к советской государственной политике.

Следует отметить, что ни в эти дни, ни в последствии не было дано политической оценки советской государственной политике – обстоятельство, которое многие исследователи считают не только крупнейшим упущением молодого армянского государства, но и основой ее собственной политики, немногим отличающейся от советской.¹ При этом, трудно сказать однозначно, что имеется ввиду под политической оценкой. К примеру, известный в армянской диаспоре историк Жирайр Липаритян, который в 1990-ые годы был активно вовлечен в политическую жизнь страны и занимал значительные политические посты, в своей книге, посвященной армянской политике 90-ых годов, пишет: «<...> Не была осуществлена критика прежнего режима, не была дана оценка последствий, которые советский строй вызвал в экономике, в политической культуре, морали и в общественном сознании. Интеллектуальная элита не удосужилась подвергнуть критическому анализу ложные ценности, на которые ориентировались интеллигенция, писатели и артисты, а также воздействие исповедуемых ими ценностей на духовную и культурную ситуацию в обществе».² Имеется ввиду, что крайне необходимый критический анализ советского прошлого не был осуществлен ни на научном, ни на политическом уровне. А это значит, что несмотря на мирный переход от советской системы к независимой республике, советское так и не стало прошлым как в те годы, так и сегодня. В качестве определенного жизненного уклада оно было унаследовано нами без рационального критического осмысления.

Тем не менее, остается открытым поднятый нами вопрос о том, какое значение имело принятие Закона о репрессированных в жизни страны, отягощенной войной и экономическим кризисом? Не является ли этот акт сам по себе прокламацией определенной государственной политики?

ЗАКОН О РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Мы рассмотрим Закон по трем основным аспектам. Прежде всего уточним, кто считается репрессированным, согласно указанному закону. Репрессированными считаются все те постоянно проживающие в Республике Армения граждане СССР, лица без гражданства или иностранные граждане, которые в период советской власти (начиная с 29 ноября 1920 года) на территории бывшего Советского Союза были осуждены по политическим мотивам на основе обвинений в совершении государственных преступлений, привлечены к уголовной ответственности внесудебным путем, выдворены из СССР, подверглись принудительному медицинскому воздействию, были высланы или выселены в качестве члена семьи репрессированного.³ Приведенное определение весьма обширно во временном смысле: оно не ограничивается периодами сталинизма и холодной войны, считающимися апогеями советского государственного насилия, но охватывает весь советский период. С другой стороны, репрессированными признаются также наследники подвергнувшегося репрессиям, даже если они преследовались непосредственно не за политические взгляды и действия, а также иностранные граждане. Фактически, закон признает репрессированными всех тех, кого советская судебная система по политическим мотивам лишила основных прав человека в течение всего советского периода.

Второе. Государство берет на себя определенную ответственность по отношению к субъектам, определяемым данным законом. Под этим подразумевается не только ответственность за восстановление всех поправных прав и обеспечение достойной жизни (квартирные условия, пенсии), но также и возвращение неправомерно отнятой нематериальной собственности (гражданство, звания и т. д.). Здесь заслуживает внимания два момента. Государство проявляет заботу о несправедливо репрессированном и в то же время признает его неотъемлемой собственностью такие нематериальные ценности как, например, гражданство. Тем самым, фактически, государственная принадлежность признается неотъемлемой собственностью личности.

Наряду с двумя вышеотмеченными аспектами, отдельного внимания достоин также третий, в котором выражается заинтересованность государства в публичной огласке судебных дел репрессированных. «По требованию репрессированного, его родственников или иных заинтересованных лиц и организаций государственные средства информации обязаны в течение десяти дней представить соответствующее сообщение, в котором должны быть указаны имя, фамилия, отчество, год рождения, место проживания репрессированного, род его занятий до репрессии, репрессивный орган, период репрессии, обвинение, наказание согласно приговору, решение об освобождении и оправдании со сроками».⁴ Это один из наиболее интерес-

ных пунктов закона, потому что тем самым государство не только признает судебное дело репрессированного его неотъемлемой собственностью, но и проявляет заинтересованность в превращении его в общественную собственность.

Таким образом, страна, находящаяся в процессе становления своей новой государственности, не на уровне *морального отношения*, а на уровне *закона* зафиксировала, что государство выступает *гарантом восстановления прав незаконно репрессированных*. Закон отсылает к первой статье Конституции РА, согласно которой Республика Армения является суверенным, демократическим, *социальным* и *правовым* государством (подчеркнуто С. Д.).⁵ Какими общественными нуждами было обусловлено принятие этого закона? Какие историко-политические обстоятельства привели к этому? Это – отдельные вопросы, требующие детального изучения. Сошлюсь только на то, что в указанные годы председателем постоянной комиссии Верховного совета по правам человека был Рафаэл Папаян, бывший политзаключенный, чья диссидентская деятельность была направлена на защиту прав человека. Он был одним из инициаторов и организаторов Армянской Хельсинкской группы, занимающейся регистрацией нарушений прав человека в СССР.⁶

ПОПЫТКИ НАУЧНОЙ ПЕРЕОЦЕНКИ

Закон законом, но из свидетельства историка следует, что советская государственная политика и ее влияние на общество не стали предметом специального критического рассмотрения. Это не совсем так. В постсоветский период состоялось несколько дискуссий, к которым важно обратиться для выяснения степени их охвата и влияния.

Во второй половине 1990-ых годов, параллельно публикации в России архивных документов, отражающих государственное насилие в СССР, в Армении появляются первые исторические исследования, представляющие примерные сведения о количестве и социальном происхождении репрессированных в Армении в сталинскую эпоху.⁷ А в 2000-ые годы исследования, осуществленные на основе местных архивных материалов, подтверждают выдвинутый российскими историками еще в 1990-ых годах основной тезис об организованном и централизованном характере сталинских репрессий,⁸ осуществляемых на местах на основе директив, получаемых из центра. К этому добавляются факты, свидетельствующие об особом рвении, с которым проводились мероприятия по чистке социальных слоев и отдельных личностей, считающихся антисоветскими, что вело к перевыполнению спущенного «плана».⁹ В исторических исследованиях особенно подчеркивается, как с ведома и неформальным указанием центральных властей снимались с должностей, а затем осуж-

дались или при невыясненных обстоятельствах кончали жизнь самоубийством или внезапно умирали руководящие и ответственные работники на местах. Одной из основных причин («чистки») последних считается то, что они пытались вести относительно самостоятельную политику на местном уровне. В сталинской терминологии это называлось «национал-уклонизмом». Выявление этих фактов на местном уровне подтверждало один из основных тезисов российской и международной исторической науки о том, что в центре сталинской политики чисток находилась прежде всего интеллигенция, если под таковой понимать тех, кто пытался вести относительно независимую политику. Один из историков по этому поводу замечает: «По сути, Сталин устранил самостоятельно мыслящую интеллигенцию, чтобы укрепить свою власть».¹⁰ В этих двух стержневых пунктах сталинской политики армянская историческая наука на основе новых фактов подтверждает международно принятые представления. Но армянские историки, выявляя внутреннюю логику сталинской борьбы против «национального уклона», приходят к принципиальному выводу о том, что политика репрессированных сталинским режимом представителей интеллигенции была *национальной*, но не *националистической*. При этом, однако, содержание так называемой национальной или самостоятельной политики, а также исторические условия ее возникновения не анализируются.

Более поздние культурологические исследования обратились к вопросу о том, какое воздействие оказали советская и постсоветская государственная и общественная политики на формирование повесток переформатирования (как запуска, так и отторжения) коллективной памяти, относящейся к государственному насилию. В фокусе работ подобного характера оказались как советская и постсоветская политики институционализации памяти о геноциде армян, осуществленном в начале 20-го века Османской империей, так и постсоветская политика, касающаяся сталинских репрессий. Эти исследования выявляют примечательную закономерность: в первые советские годы государственная политика относительно геноцида была направлена на подавление общественного дискурса о национальной трагедии,¹¹ тогда как в постсоветское время, напротив, публичный и политический интерес к проблеме геноцида отодвигает в тень общественный интерес по отношению к государственному насилию советского периода. «Профессиональный и общественный интерес к советскому прошлому часто затеняется признанием геноцида наиболее актуальным вопросом и кажется обреченным оставаться в тени и считаться второстепенным до тех пор, пока не будет преодолено сопротивление Турции и не будет достигнуто политическое решение этого вопроса», – пишут исследователи, добавляя, что в сложившихся условиях «тема геноцида в армянском общественном дискурсе превратилась в метанарратив и служит языком описания различных трагических событий».¹²

Из сказанного можно заключить, что две величайшие трагедии армянской истории двадцатого столетия так и не получили соответствующей политической оценки, что в свою очередь привело к ситуации, при которой язык, созданный для описания одной из них, превратился в универсальный язык описания любого типа насилия, независимо от исторических и политических условий возникновения последнего. При всем этом и несмотря на то обстоятельство, что большая часть репрессированных сталинским режимом, в силу своей деятельности или обстоятельств жизни, так или иначе соотносились с геноцидом, все же, согласно исследователям («в армянской исторической науке две эти трагедии кажутся непересекающимися сюжетами»).¹³ Сказанное позволяет предположить, что реальные точки пересечения двух этих трагедий остались неисследованными. Те же авторы, следуя парадигме, предложенной Александром Эткиндом, приходят к выводу, что сталинские репрессии в Армении так и не перешли с уровня «коллективной памяти» на уровень «культурной памяти», поскольку они не были монументализированы таким образом, чтобы самые различные слои народа – от политической элиты до национальных меньшинств – были бы охвачены единой национально-государственной идентичностью.¹⁴

ЗАБЫТАЯ ТРАДИЦИЯ

Принимая во внимание прежде всего последний из затронутых авторами вопросов, хочу обратиться к одной, преданной забвению традиции, в которой, как мне кажется, пересекаются все упомянутые выше линии.

В 1967 году в Советской Армении был воздвигнут монумент, увековечивающий память жертв армянского геноцида. Инициатива принадлежала первому секретарю ЦК КП Армении Якову Заробяну, который еще в 1964-ом, в последний год хрущевской оттепели, сумел добиться согласия ЦК КПСС по проведению в 1965 году ряда мероприятий, связанных с 50-летием геноцида армян, в том числе – построению памятника, посвященного памяти жертв геноцида.¹⁵ Сам Заробян происходил из Ардвина, из семьи, пострадавшей от турецких зверств в 1914 году. Он был прекрасно осведомлен об общественных настроениях постсталинской Армении, с ее глухим недовольством тем, как государство относится к национальному вопросу.¹⁶ Решение о сооружении памятника жертвам геноцида было принято в двойном контексте: учета этих настроений, а также отношений между Советским Союзом и Турцией.

Построение в Советской Армении памятника жертвам геноцида, осуществленного Османской империей, сформировало культурную память советских армян. Однако, эта ситуация не полностью

укладывается в парадигму Эткинда. Последний пишет: «Воздвигая монументы своим прежним лидерам, государство утверждает преемственность своей политической традиции. Воздвигая монументы своим прежним (реальным или воображаемым) врагам и (весьма реальным) жертвам, государство демонстрирует разрыв политической традиции».¹⁷ Здесь же, несоответствие проявляется в том, что памятник посвящен жертвам, не имеющим непосредственного отношения к советской политике насилия.

В данном контексте следует обратить внимание на два существенных момента. Первый связан с тем, что забота о сиротах и беженцах, спасшихся от геноцида, была одним из стержневых элементов государственной политики Советской Армении еще с 1920-ых годов. В 1921 году председатель Ревкома Армении Александр Мясникян писал: «Советская Армения получила деградирующее и обезчелоченное население, состоящее из беженцев и отверженных. Это не преувеличение, а факт. Она получила стотысячную армию сирот и детей, превратившихся в скелеты. Наша страна – место сирот и беженцев, это ад, заполненный горем, рыданиями, трауром и страданиями. <...> Но трудовая Армения, во что бы то ни стало, превратит этот ад в человеческое общежитие».¹⁸ За советские годы было организовано несколько потоков репатриации в Армению: в 1920 – 1930-ые годы, после Второй мировой войны, в 1946 – 1949 годы и, наконец, в 1960-ых годы. Следовательно, вопрос о последствиях геноцида не мог оказаться (и фактически не был) вне государственной повестки Советской Армении.

Второй пункт касается того, что в постсталинские шестидесятые годы общественный пересмотр отношения к сталинским репрессиям был актуальным вопросом общей советской государственной политики. В 1956 году Никита Хрущев не только объявил об этом, но и предпринял некоторые практические шаги в этом направлении:¹⁹ Хрущев, будучи озабочен вопросами социальной интеграции фронтовиков и возвращающихся из лагерей репрессированных, был заинтересован в разговоре о сталинских репрессиях. Не случайно его непосредственное участие в публикации солженицынского рассказа «Один день Ивана Денисовича».²⁰ В том же контексте и почти в тех же условиях вышел в свет рассказ советского армянского писателя Гургена Маари «Черный человек», первое произведение советской армянской литературы, описывающее реальность советских лагерей. Рассказ был издан при непосредственном содействии Якова Заробяна в 1962 году.²¹ Сам Маари, один из сирот переживших геноцид, был сослан вместе с рядом других представителей интеллигенции в 1937 году и вернулся в 1954-ом.

Из сказанного очевидно, что советская государственная политика шестидесятих годов представляла собой весьма многослойный феномен, чьи специфически советская и национальная составляющие

часто пересекались в одном и том же человеке и были переплетены таким образом, что обращение к одной составляющей было невозможно без обращения к другой.

Рассматривая в этом контексте построение монумента памяти жертв геноцида и оставаясь в соответствии с парадигмой Эткинда, можем заключить, что воздвигнув упомянутый мемориальный комплекс, Советская Армения фактически подтвердила преемственность своей политики по отношению к политике 20-ых годов, указав на место, где «осуществляется столь желанное единство государства, людей и их общей истории».²² В символическом плане, страна, где сформировалась армянская идентичность 20-го века, выступила как место возрождения всех тех, кто стал жертвой несправедливого насилия.

Перед этим наследием оказалась обретшая независимость Республика Армения.

ПОЛИТИКА НЕЗАВИСИМОЙ АРМЕНИИ

Движение за независимость Армении складывалось в контексте разнообразных вопросов – от движения зеленых до основной, Карабахской проблемы. Тема геноцида периодически актуализировалась в конце февраля 1988 года в результате Сумгаитского погрома, когда стало очевидным, что распадающаяся империя не в состоянии обеспечить физическую безопасность армянского населения. Как пишет один из исследователей, ее восприятие в контексте Карабахского движения способствовало преодолению «комплекса жертвы» и вовлечению этой темы в более широкий контекст «восстановления исторической справедливости».²³

В августе 1990 года пункт, связанный с геноцидом был включен в «Декларацию независимости» Армении со следующей, весьма осторожной формулировкой: «Республика Армения выступает за международное признание геноцида армян 1915 года в Османской Турции и Западной Армении».²⁴ Реальная и весьма интенсивная дискуссия о статусе вопроса возникла в середине девяностых, в связи с разработкой проекта Конституции независимой Армении. С одной стороны подчеркивалось, что национальный вопрос такой важности не может не быть включен в Конституцию страны, с другой указывалось, что его наличие может привести к серьезным проблемам в международных отношениях, учитывая неизбежность выстраивания новых связей с непосредственным соседом Турцией. Было найдено компромиссное решение: в Конституции было зафиксировано, что «Декларация независимости» является ее неотъемлемой частью; тем самым, цитированный выше пункт Декларации оказался включенным в корпус Конституции.²⁵ В результате Республика Армения в одном из основополагающих документов своей государственности

официально объявила себя гарантом «осуществления чаяний всего армянства и восстановления исторической справедливости».²⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете сказанного, проблема наследования Республикой Армения государственной политики Советской Армении в отношении жертв государственного насилия очерчивает весьма специфический круг задач. Мы видели, что рассмотренные проблемы пересекаются во множестве точек, вынуждая принять тот факт, что наследование советской государственной политики предполагает множество поворотных пунктов, нуждающихся в детальном и непредубежденном исследовании. Бесспорно, что многие элементы советской государственной политики и управления, а также общественных отношений почти неизменными перешли в наследство стране, вступившей в новый этап своего общественного и политического развития. Республика Армения, выступая в качестве гаранта «осуществления чаяний всего армянства и восстановления исторической справедливости», у истоков создания своей государственности фактически позиционировала себя также в качестве опекуна жертв всех типов насилия и гарантом восстановления их неотъемлемых прав, по сути дела продолжая традиционную государственную политику Советской Армении. В этом контексте принятие «Закона о репрессированных» конечно же не было случайностью.

- 1 См.: Էդգար Վարդանյան, «Արդարացումից դեպի դատապարտում. միջհեղափոխական և հետհեղափոխական իշխող քաղաքական վերնախավերի շրջանում առկա մոտեցումները Հայաստանի սովետական անցյալի նկատմամբ» [Эдгар Вартамян, «От оправдания к осуждению: подходы дореволюционной и постреволюционной политических властвующих элит к советскому прошлому Армении»], последнее посещение 28.05.2019, http://www.osf.am/wp-content/uploads/2018/08/Արդարացումից-դեպի-դատապարտում%E2%80%A4-միջհեղափոխական-և-հետհեղափոխական-քաղաքական....pdf?fbclid=IwAR1m0Vnh1h9uNiJPgiYhXUcjjGq-PEjorEB_5lwLIE66ZUbcuwnyKO4hA4A.
- 2 Ժիրայր Լիպարիտյան, *Պետականության մարտահրավերը. հայ քաղաքական միտքը անկախությունից ի վեր* (Երևան: Նաիրի, 1999) [Жирайр Липаритян, *Армянская политическая мысль периода независимости* (Ереван: Наири, 1999)], 33.
- 3 См.: Հայաստանի հանրապետության օրենքը բռնադատվածների մասին, Հոդված 1, Օրինագիծն ընդունված է ՀՀ Գերագույն խորհրդի կողմից «25» մայիսի 1994 թ. Յ.Ն-1062-Ի [Закон Республики Армения о репрессированных, статья 1, принят Верховным Советом РА 25 мая 1994 года: Յ.Ն-1062-Ի], последнее посещение 04.05.2019, <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=35463>.
- 4 Հայաստանի հանրապետության օրենքը բռնադատվածների մասին, Հոդված 2 [Закон Республики Армения о репрессированных, статья 2], последнее посещение 04.05.2019, <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=35463>.
- 5 См.: ՀՀ Սահմանադրություն [Конституция РА], последнее посещение 28.05.2019, <https://www.president.am/hy/constitution-2015/>:
- 6 О деятельности Папаяна см.: «Դիսիդենտական Հայաստան. Ռաֆայել Պապայան», *Մեդիամաքս*, դեկտեմբերի 3 2014 թ. [«Диссидентская Армения: Рафаэл Папаян», *Mediamax*, 3 декабря 2014 г.], последнее посещение 10.05.2019, <https://www.mediamax.am/am/news/dissident-armenia/12472/>.
- 7 См.: Արմենակ Մանուկյան, *Հայ Առաքելական եկեղեցու բռնադատված հոգևորականները 1930 – 1938 թթ.* (ըստ ՊԱԿ-ի փաստաթղթերի), խմբ. Ս. Բեհրության (Երևան: Ամրոց, 1997) [Арменак Манукян, *Репрессированные священнослужители Армянской Апостольской церкви в 1930 – 1938 гг.* (по документам КГБ), ред. С. Бейбутян (Ереван: Амроц, 1997)]; Արմենակ Մանուկյան, *Քաղաքական բռնաճշդումները Հայաստանում 1920 – 1953 թթ.*, խմբ. Գ. Գեղամյան (Երևան: Առերեսում – Անի, 1999) [Арменак Манукян, *Политические репрессии в Армении в 1920 – 1953 гг.*, ред. Г. Гегамян (Ереван: Арересум – Ани, 1999)].
- 8 См.: Олег Хлевнюк, «Большой террор», Ассоциация ИД *Постнаука*, 16 апреля 2015 г. Видеозапись 13:39, последнее посещение 23.05.2019, <https://postnauka.ru/video/45959>.
- 9 См.: Վլադիմիր Ղազախեցյան, *Հայաստանը 1920 – 1940-ական թթ.* (Երևան: ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստ., 2006) [Владимир Казахеян, *Армения в 1920–1940 гг.* (Ереван: НАН РА Институт истории, 2006)].

- 10 Վլադիմիր Ղազախեցյան, *1937-ը Հայաստանում* (Երևան: Չանգակ – 97, 2005) [Владимир Казахеян, *1937-ой в Армении* (Ереван: Зангак – 97, 2005)], 25:
- 11 Տմ.: Հրանուշ Խառատյան, «Նացիոնալիզմի» դիսկուրսը և ցեղասպանության հիշողության թիրախավորումը քաղաքական բռնություններում», *Ստալինյան բռնաճշումները Հայաստանում. պատմություն, հիշողություն, արդյա* (Երևան: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015) [Грануш Харатян, «Дискурс „национализма“ и фокусирование памяти о геноциде при политических репрессиях», в книге: *Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность* (Ереван: изд. НАН РА «Гитутюн», 2015)], 27 – 153.
- 12 Լևոն Աբրահամյան, Գայանե Շագոյան, «Պատմագրության և հիշողության միջև. Խորհրդային Հայաստանի բռնաճշումների հուշարձանայնացումը», *Ստալինյան բռնաճշումները Հայաստանում. պատմություն, հիշողություն, արդյա* (Երևան: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015) [Левон Абрамян, Гаяне Шагоян, «Между историографией и памятью: монументализация репрессий в Советской Армении», в книге: *Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность* (Ереван: изд. НАН РА «Гитутюн», 2015)], 239:
- 13 Աբրահամյան, Շագոյան, «Պատմագրության և հիշողության միջև. Խորհրդային Հայաստանի բռնաճշումների հուշարձանայնացումը» [Абрамян, Шагоян, «Между историографией и памятью: монументализация репрессий в Советской Армении»], 245:
- 14 «Подобные монументы становятся материальным воплощением нации, – пишет Эткинд. – Они репрезентируют идентичность национального государства в качестве желанного единства государства, народа и их общей истории. Они производят «истину», навязывая ее как гражданам, так и сторонним наблюдателям. Они функционируют как материализованные формы патриотического переживания – места исторической памяти, конечно же, но прежде всего видимые и осязаемые тела национализма, который всегда создавал будущее, искажая прошлое», Alexander Etkind, “Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany,” *Grey Room* 16 (Summer 2004): 40.
- 15 Տմ.: «В ЦК КПСС. О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян», в книге: Никита Заробян, *Яков Заробян и его эпоха* (Ереван: РАУ, 2008), 231 – 235.
- 16 Об этом см.: Սիրանուշ Դվիյան, «Վաչե Սարգսյանի վերադարձը, Վաչե Սարգսյան, Ավերդամա» (Երևան: Հովհաննիսյան ինստիտուտ, 2019) [Сирануш Двоян, «Возвращение Ваче Саркисяна», *Ваче Саркисян, Акегдама* (Ереван: Иоаннисян институт, 2019)], 421 – 427.
- 17 Etkind, “Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany,” 41.
- 18 Ըլտ. ոո: Նորա Ներսեսյան, *Որբաբաղաբը. Նպաստամատուց աշխատողներ, կոմիսարներ և «Նոր Հայաստանը կառուցողներ»*. *Ալեքսանդրապոլ / Լենինական 1919 – 1931* (Երևան: Հովհաննիսյան ինստիտուտ, 2018) [Нора Нерсесян, *Град сирот: служители милосердия, комиссары и «строители новой Армении»*. *Александрополь / Лениканан 1919 – 1931* (Ереван: Иоаннисян институт, 2018)], 121.

- 19 См.: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года, последнее посещение 24.03.2019, <http://www.coldwar.ru/hrushev/doklad-pervogo-sekretarya%20hruscheva.php>. Предысторию доклада и другие детали можно найти здесь, последнее посещение 24.03.2019, <http://www.coldwar.ru/hrushev/doklad-hrusheva-dokumenty.php>.
- 20 Дмитрий Азиатцев и др. (сост.), *Александр Исаевич Солженицын: материалы к библиографии* (С.-П.: Российская Национальная Библиотека, 2007), 6.
- 21 Из-за рассказа была прекращена публикация сборника автора «Голос молчания». Сборник был издан только после личного вмешательства Якова Заробяна. См.: Գոլրգէն Մտտարի, Սիբիրական (Երևան: ԵՊՀ հրատ., 2009), ծանոթագր. 46 [Гурген Маари, *Сибириада* (Ереван: изд. ЕГУ, 2009), прим. 46], 731.
- 22 Etkind, "Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany," 40.
- 23 Հարություն Մարության, «Յեղապանության գոհի բարդությի հաղթահարումը Ղարաբաղյան շարժման տարիներին», *ՎԷՄ*, թիվ 1, (հունվար – փետրվար 2013) [Арутюн Марутян, «Преодоление комплекса жертвы геноцида в годы Карабахского движения», *Вем*, №1 (январь – февраль 2013)]: 1 – 11.
- 24 ՀՀ անկախության հռչակագիրը [Декларация независимости РА], последнее посещение 28.05.2019, <http://www.gov.am/ru/independence/>.
- 25 Устное свидетельство члена Конституционной комиссии Ашота Восканяна.
- 26 ՀՀ անկախության հռչակագիրը [Декларация независимости РА], последнее посещение 28.05.2019, <http://www.gov.am/ru/independence/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азиатцев, Дмитрий, и др. (сост.). *Александр Исаевич Солженицын: материалы к библиографии*. С.-П.: Российская Национальная Библиотека, 2007.

Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭ, 2002. Последнее посещение 24.03.2019. <http://www.coldwar.ru/hrushhev/doklad-hrusheva-dokumenty.php>.

Заробян, Никита. *Яков Заробян и его эпоха*. Ереван: РАУ, 2008.

Хлевнюк, Олег. «Большой террор». Ассоциация ИД *Постнаука*, 16 апреля 2015 г. Видеозапись 13:39. Последнее посещение 23.05.2019. <https://postnauka.ru/video/45959>.

Хрущев, Никита. «Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года». Последнее посещение 24.03.2019. <http://www.coldwar.ru/hrushhev/doklad-pervogo-sekretarya%20hruscheva.php>.

Etkind, Alexander. "Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany." *Grey Room* 16 (Summer 2004): 36 – 59.

«Դիսսիդենտական Հայաստան. Ռաֆայել Պապայան»: *Մեդիամաքս*, դեկտեմբերի 3, 2014 թ. [«Диссидентская Армения: Рафаэл Папаян». *Mediamax*, 3 декабря 2014 г.]. Последнее посещение 10.05.2019. <https://www.mediamax.am/am/news/dissident-armenia/12472/>.

Լիպարիտյան, Ժիրայր, *Պետականության մարտահրավերը. հայ քաղաքական միտքը անկախությունից ի վեր*: Երևան: Նաիրի, 1999 [Липаритян, Жирайр. *Армянская политическая мысль периода независимости*. Ереван: Наири, 1999]:

Խառատյան, Զրանուշ, Շագոյան, Փայանե, և այլք, *Ստալինյան բռնաճնշումները Հայաստանում. պատմություն, հիշողություն, առօրյա*: Երևան: ԶԶ ՎԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015 [Харатян, Грануш, Шагоян, Гаяне и др., *Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность*. Ереван: изд. НАН РА «Гитутюн», 2015]:

ԶԶ անկախության հռչակագիրը [Декларация независимости РА]. Последнее посещение 28.05.2019. <http://www.gov.am/ru/independence/>.

ԶԶ Սահմանադրություն [Конституция РА]. Последнее посещение 28.05.2019. <https://www.president.am/hy/constitution-2015/>.

Հայաստանի հանրապետության օրենքը բռնադատվածների մասին [Закон Республики Армения о репрессированных]. Последнее посещение 04.05.2019. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=35463>.

Ղազախեցյան, Վաղիմիր, *1937-ը Հայաստանում*: Երևան: Չանգակ – 97, 2005 [Казахецян, Владимир. *1937-ой в Армении*. Ереван: Зангак – 97, 2005]:

Ղազախեցյան, Վաղիմիր, *Հայաստանը 1920 – 1940-ական թթ.*: Երևան: ԶԶ ՎԱԱ Պատմության ինստ., 2006 [Казахецян, Владимир. *Армения в 1920 – 1940 годах*. Ереван: НАН РА Институт истории, 2006]:

Մահարի, Գուրգեն, *Սիրհրական*: Երևան: ԵՊՀ հրատ., 2009 [Маари, Гурген. *Сибириада*. Ереван: изд. ЕГУ, 2009]:

Մանուկյան, Արմենակ, *Հայ Առաքելական եկեղեցու բռնադատված հոգևորականները 1930 – 1938* (ըստ ՊԱԿ-ի փաստաթղթերի), խմբ. Ս. Բեհրոյան: Երևան: ԱՄրոց, 1997 [Манукян, Арменак. *Репрессированные священнослужители Армянской Апостольской церкви в 1930 – 1938 гг.* (по документам КГБ), ред. С. Бейбутян. Ереван: Амроц, 1997]:

Մանուկյան, Արմենակ, *Քաղաքական բռնաճնշումները Հայաստանում 1920 – 1953 թթ.*, խմբ. Գ. Գեղամյան: Երևան: Առերեսում – Անի, 1999 [Манукян, Арменак. *Политические репрессии в Армении в 1920 – 1953 гг.*, ред. Г. Гегамян. Ереван: Арересум – Ани, 1999]:

Մարուքոյան, Հարություն, «Ցեղասպանության զոհի բարդույթի հաղթահարումը Ղարաբաղյան շարժման տարիներին»: *ՎԷՄ*, թիվ 1 (հունվար – փետրվար 2013) [Марутян, Арутюн. «Преодоление комплекса жертвы геноцида в годы Карабахского движения». *Вем*, № 1 (январь – февраль 2013)]: 1 – 11:

Ներսեսյան, Նորա, *Որբաբաղաբը. նպաստամատույց աշխատողներ, կոմիսարներ և «նոր Հայաստանը կառուցողներ»*. *Ալեքսանդրապոլ / Լենինական 1919 – 1931*: Երևան: Հովհաննիսյան ինստիտուտ, 2018 [Нерсисян, Нора Н. *Град сирот: служители милосердия, коммисары и «строители новой Армении»*. *Александрополь / Ленинанкан 1919 – 1931*. Ереван: Иоаннисян институт, 2018]:

Սարգսյան, Վաչե, *Ակեղղամա*: Երևան: Հովհաննիսյան ինստիտուտ, 2019 [Саркисян, Ваче. *Акегдама*. Ереван: Иоаннисян институт, 2019]:

Վարդանյան, Էդգար, «Արդարացումից դեպի դատապարտում. միևնույն ժամանակահատվածում և հետհեղափոխական իշխող քաղաքական վերնախավերի շրջանում առկա մոտեցումները Հայաստանի սովետական անցյալի նկատմամբ» [Вартанян, Эдгар, «От оправдания к осуждению: подходы дореволюционной и постреволюционной политических властвующих элит к советскому прошлому Армении»]. Последнее посещение 28.05.2019. http://www.osf.am/wp-content/uploads/2018/08/Արդարացումից-դեպի-դատապարտում%E2%80%A4-միևնույն-ժամանակահատվածում-և-հետհեղափոխական-քաղաքակա...pdf?fbclid=IwAR1m0Vnh1h9uNiJPgiYhXUcjzGq-PEjorEB_5IwLIE66ZUbcuwnyKO4hA4A.

ՍԻՐԱՆՈՒՇ ԴՎՈՅԱՆ / ՊԵՏԱԿԱՆ ԲՈՆՈՒԹՅԱՆ ՅԵՏԵՎԱՆՔՆԵՐԻ
ՀԱՂԱՔԱՀԱՐՄԱՆ ԶԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՇՈՒՐՋ
(ԽՈՐՀՐԴՂԱՅԻՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՆԿԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ)

Բանալի բառեր – խորհրդային ժառանգություն, մշակութային հիշողություն, պետական բռնություն, հայոց ցեղասպանություն, ստալինյան բռնաճշումներ, ազգայնականություն:

Չողվածը քննարկում է հետխորհրդային Հայաստանում խորհրդահայ պետական քաղաքականությունների ժառանգորդման հարցը: Հենվելով պատմագիտական և մշակութաբանական հետազոտություններում առաջ քաշված տեսակետների վրա, ինչպես նաև նկատի առնելով հետխորհրդային առաջին տարիներին վարվող պետական քաղաքականությունները՝ ուշադրության են առնվում 20-րդ դարում Օսմանյան կայսրությունում տեղի ունեցած հայոց ցեղասպանության և խորհրդային շրջանում տեղի ունեցած ստալինյան բռնաճշումների հատման մի քանի կետեր, որոնք շրջադարձային նշանակություն են ունեցել ինչպես խորհրդահայ, այնպես էլ հետխորհրդային պետական քաղաքականություններում: Վերջիններիս գործադրմամբ, մասնավորաբար, պետությունը հանդես է գալիս իբրև պետական բռնության զոհերի ինսամարկու: Խորհրդահայ քաղաքականությունները ձևավորել են մի ավանդույթ, որը նորանկախ Հայաստանը ժառանգել է պետականության ստեղծման առաջին տարիներին. նա զիրքավորել է իրեն իբրև «համայն հայության իղծերի իրականացման ու պատմական արդարության վերականգնման» երաշխավոր՝ այդ կերպ հանդես գալով իբրև ժառանգորդը խորհրդահայ վաղեմի ու մոռացության մատնված պետական մի քաղաքականության:

SUMMARY

SIRANUSH DVOYAN / ON THE POLITICS OF OVERCOMING THE
CONSEQUENCES OF STATE VIOLENCE: SOVIET LEGACY IN IN-
DEPENDENT ARMENIA

Key words: soviet heritage, cultural memory, state violence, Armenian Genocide, stalinist repressions, nationalism.

This article deals with the issues of the legacy of the Soviet Armenian state politics in post-Soviet Armenia. Based on the opinions proposed in the historical and cultural studies, as well as by taking into account the state politics carried out during the first years of the post-Soviet period, attention is paid to the points of intersection of the Armenian Genocide that took place in the Ottoman Empire in the 20th century and the Stalinist repression in the Soviet period. These points were of crucial importance both in the Soviet and post-Soviet Armenian state politics. While carrying out the latter, the state took a role of a guardian of the victims of state violence. In the first years of the state formation, the newly independent Republic of Armenia inherited traditions shaped by the Soviet Armenian politics. It proclaimed itself a guarantor of the “fulfillment of the wishes of all Armenians and the restoration of historical justice.” By this it appeared as the heir of an old and long-forgotten Soviet Armenian state politics.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Сирануш Двоян – кандидат филологических наук, доцент. Преподает в Американском университете Армении. В 2001 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «История французско-армянской поэзии (1920 – 1960)» в Ереванском государственном университете. Составитель и редактор изданий ряда современных западно-армянских авторов (Егия Демирчипашян, Григор Беледян, Марк Ншанян). Автор около двух десятков научных статей, опубликованных в армяноязычной и международной прессе и литературных журналах. Автор монографии «Прочтение текста» (Ереван: Актуал арвест, 2013). С 2011 года является соредактором интернет-портала по культурной и литературной критике www.arteria.am. Координатор научных программ Армянского центра гуманитарных исследований, а также член совета Института гуманитарных исследований имени Ашота Иоаннисяна. Научные интересы включают речевую практику в трансформациях общественной жизни и личного опыта, артикуляции процессов социальной модернизации, либерализацию речи и связанные с ней практики. В последние годы занимается вопросами государственного насилия, в частности, в советском ГУЛАГе, и его воспроизведения в художественной литературе.

Сирануш Двоян (Армения) / siranush.dvoyan@gmail.com

ТРУДНОСТИ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ТРАНЗИТА АРМЕНИИ:
РАЗРЫВ ОЖИДАНИЙ С
РЕАЛЬНОСТЬЮ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СПАД И ТЕНЕВАЯ
ЭКОНОМИКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постсоветский транзит, теневая экономика, экономика Армении, распад СССР, деиндустриализация, Советская Армения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2018 году, после решения Сержа Саркисяна пойти на воспроизводство своей власти в условиях новой конституции, уже на позиции премьер-министра, вспыхнули акции протеста. На волне народного протеста его лидер Никол Пашинян добился отставки Сержа Саркисяна и сформировал новое правительство. Это подвело некоторую черту под несколькими десятилетиями развития постсоветской Армении, начиная еще с формирования публичного политического движения в 1988 году, возглавившего уже суверенную и независимую Армению с 1990 – 91 гг.

Несмотря на неоднозначность дальнейших политических процессов, в нем было много преемственности, в первую очередь, в кадровом и институциональном отношении, что позволяет допустить при анализе упрощение и рассматривать прошедшие 27 лет как цельный период. С точки зрения экономики, имел место непрерывный процесс эволюции институтов и роста производства, хотя это все началось после коллапса предыдущей государственной модели. А последствия этого были настолько значительными, что многие из них не преодолены и по сей день.

В армянском обществе широко распространена ностальгия по советским временам. Подавляющее большинство населения считает, что в советский период им, а также всей стране, жилось лучше. Это означает, что консенсус общественного мнения стоит на той позиции, что постсоветский опыт государственного строительства не является успешным. «Бархатная революция» апреля – мая 2018 года дает хороший повод задуматься о том, почему это так. В целях данной статьи я остановлюсь практически исключительно на экономике, а также на некоторых социальных последствиях экономической динамики.

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

К периоду Перестройки Советский Союз подошел в состоянии морального и материального истощения и испытывая острую необходимость в модернизации. Эта необходимость осознавалась элитами, но пожилые лидеры были не в состоянии запустить его сами, оставляя это преемникам.

Экономический рост на протяжении длительного периода замедлялся и стал неудовлетворительным. Тому было довольно много причин – помимо общей неэффективности социализма в его советской реализации с практически полным формальным отказом от рынка, сказывалась критическая отсталость в сфере компьютеризации, а к 1980-м гг. возникла серьезная необходимость обновления

фондов, а на экономику крайне негативное влияние оказывал тяжелый внешнеполитический фон.

Таблица 1. Степень износа фондов по советской экономике (%).¹

	1970	1975	1980	1985	1989
Все фонды (без скота)	26	29	33	38	41
Фонды промышленности	26	31	37	43	47
Фонды сельского хозяйства (без скота)	19	21	21	22	22
Фонды строительства	30	37	44	49	57

Примечание: определяется как удельный вес суммы начисленной амортизации за предшествующие годы в общей стоимости фондов на конец года.

Комплекс внешнеполитических проблем включал в себя множественные американские санкции против СССР,² вызванные вступлением Советского Союза в Афганскую войну, сбитием корейского Боинга и другими причинами. С 1981 года СССР оказывал серьезную помощь разорившейся Польше, при том, что объемы помощи странам «Третьего мира» оставались огромными вплоть до конца 1980-ых гг. Только в 1988 году СССР поставил оружия на 19 миллиардов долларов (в основном в рассрочку, а долги были прощены уже современной Россией), оказал помощь развивающимся странам на 7.3 млрд. долл., а также помощь коммунистическим странам на 6.9 млрд. долл. (преимущественно, КНДР, Вьетнаму, Кубе и Монголии),³ суммарно на 33.2 млрд. долл. в текущих ценах или 70.6 млрд. долл. в ценах 2018 года,⁴ не считая прямых и косвенных субсидий странам Восточной Европы.

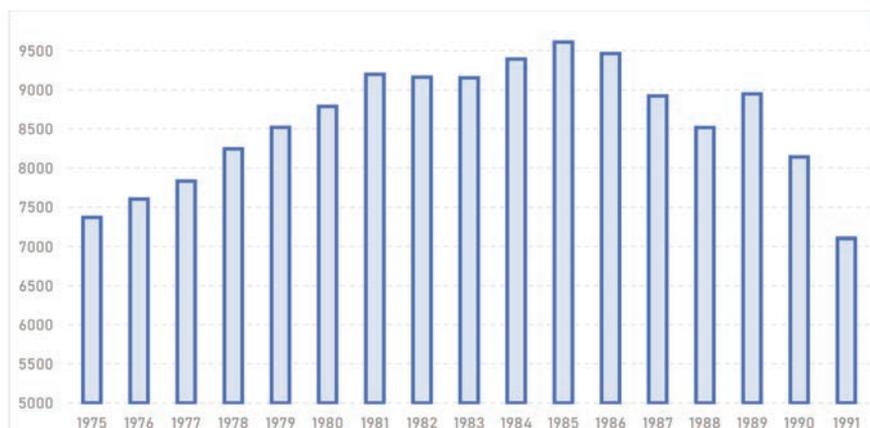
172

Наконец, существовал серьезный перекос в производстве: значительная часть промышленности отводилась так называемым «товарам группы А» (производство средств производства), то есть тяжелым отраслям промышленности и военно-промышленному комплексу, в то время как «товары группы Б» (производство потребительских товаров) не могло удовлетворить всех нужд стремительно индустриализирующегося общества. По мнению Егора Гайдара, этот перекос стал одной из главных причин падения СССР.⁵

Вошедший в череду кризисов Советский союз сохранял способность балансировать бюджет и продолжать свою политику благодаря нефти. Обвал нефтяных цен во второй половине 1980-ых гг. сделали задачу модернизации крайне сложной и, в конечном счете, они с ней не справились.

Все эти проблемы явным образом проявлялись и в Советской Армении, экономика испытывала серьезные проблемы с конца 1970-ых гг.,⁶ дополнительно усугубившиеся политической турбулентностью конца 1980-ых гг. С 1982 года подушевой ВВП практически перестал расти, а после 1985 года он почти постоянно падал за исключением 1989 года, когда в Армению были сделаны инвестиции для восстановления зоны бедствия.

График 1. Динамика ВВП на душу населения Советской Армении, 1975 – 1991.⁷

Примечание: в постоянных ценах, в долларах, в ценах 2014 года, по паритету покупательной способности, на основании ICP-2014.

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ ОТ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Карабахское движение, начавшееся в 1988 году, впоследствии переросло в движение за независимость Армении от СССР. Будучи возможно самым массовым по числу участников, оно имело много общего с движениями в других союзных республиках. В первую очередь, похожими были ожидания от независимости и перехода к капитализму. Описание позднесоветского кризиса уже задавало рамку для постановки проблем, которые общество надеялось решить в ходе транзита к капитализму.

Разумеется, восприятие рыночной экономики тогда было очень позитивным и многие ожидали решения своих проблем посредством перехода к капитализму, и каждый понимал под этим что-то свое. Но представление о капитализме было очень смутным, а отторжение социализма в действительности, было далеко не тотальным, хотя оно и доминировало в общественно-политическом и медийном пространстве.

Таким образом, правильнее говорить, что люди ожидали перехода к новой экономической системе, в которой расширялась бы роль рынка, снижалось бы государственное регулирование, сохранялись определенные элементы социальных гарантий, а социальная справедливость понималась бы не как простая «уравниловка», а как более справедливое вознаграждение каждого в зависимости от уровня образования и вложенных в труд усилий. Многие, в особенно-

сти, молодежь, стремились к повышению социальной мобильности и ускорению движения социальных лифтов, поскольку правящий класс воспринимался как закрытая каста, препятствующая развитию страны.⁸ Кроме того, в конце 1980-ых большое значение получила экологическая повестка⁹ (одним из результатов этого стало временное закрытие химического завода «Наирит» и АЭС в Мецаморе).

По сути, ожидания общества соответствовали социал-демократии европейского образца, внедрение которой предполагалось в качестве результата сближения капитализма и социализма или конвергенции политико-экономических систем Востока и Запада, обсуждавшейся еще с 1960-ых гг.¹⁰ В наиболее общем виде общественные ожидания выглядели следующим образом:

Повышение доходов,

Больше справедливости и более высокая социальная мобильность,

Перераспределение ресурсов в сторону потребления,

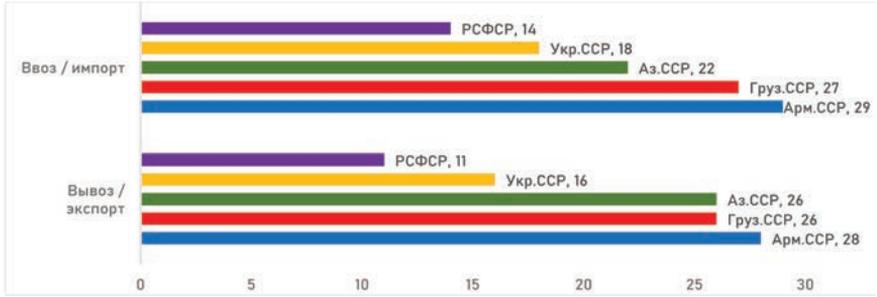
Свобода предпринимательства.

Следует отметить, что в значительной мере те же самые вопросы стояли на повестке дня и в ходе «Бархатной революции» 2018 года, что означает, что, по меньшей мере в общественном восприятии экономическая трансформация не достигла своих целей.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА ДЛЯ АРМЕНИИ

Советская экономика была построена на глубокой межреспубликанской кооперации. Эта кооперация чаще была обоснована политически, чем экономически – нередко союзные республики вовлекались в производственную цепочку без учета местных ресурсов и логистических возможностей. Неудивительно, что разрыв межреспубликанских связей в постсоветский период привел к экономическому обвалу. Наиболее резко среди всех 15 республик это проявилось именно в Армении. Уже в 1988 году руководством Советского Азербайджана были предприняты первые попытки блокады Армении, а с 4 сентября 1989 года эта блокада приняла законченный вид. Экономика Армении сильно пострадала от этих попыток, огромное число вагонов с товарами так и не удалось поставить в Армению из РСФСР и наоборот – отправить в РСФСР из Армении,¹¹ поскольку к 1989 году 85% всей торговли сырьем Армении проходило через Азербайджанскую ССР.¹² Кроме того, будучи территориально самой маленькой советской республикой, Армянская ССР больше всех была вовлечена в межреспубликанский товарооборот: 28% ее производства приходилось на вывоз (экспорт) и 29% потребления обеспечивалось ввозом (импортом).

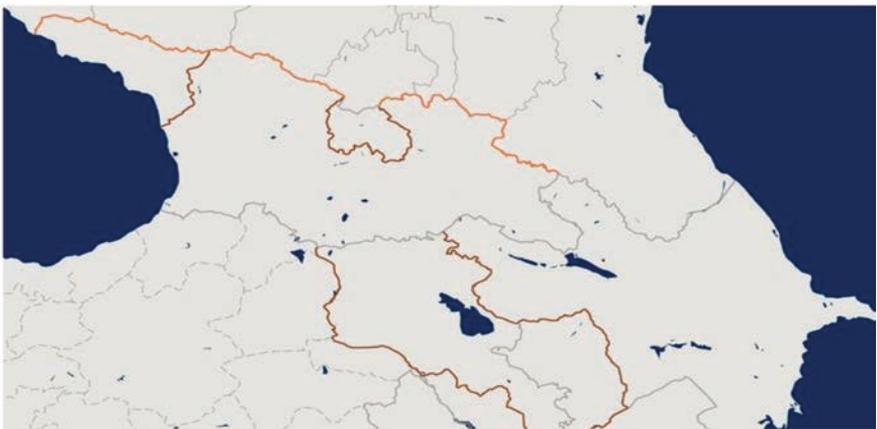
График 2. Зависимость союзных республик от межреспубликанской кооперации в 1988 году (%).¹³

Примечание: степень зависимости от вывоза отражает долю продукции, произведенной в республике, экспортированной в другие союзные республики или за пределы СССР, а степень зависимости от ввоза отражает долю потребляемой в республике продукции и сырья, импортированных из-за пределов республики, в том числе извне СССР.

Характерно, что некоторые предприятия, созданные еще в XIX веке, продолжили действовать и после распада СССР и разрыва хозяйственных связей, тогда как крупные промышленные предприятия, созданные во времена СССР, в основном не пережили распада СССР, поскольку не опирались на местные ресурсы, местный рынок и не учитывали логистику. По сей день, большая часть всего контура границ Армении закрыта (границы с Азербайджаном и Турцией, также присоединившейся к блокаде Армении). Открыты границы Армении с Грузией и Ираном, а также участок бывшей границы с Азербайджанской ССР, ныне контролируемый Нагорно-Карабахской республикой, которая в свою очередь имеет только одну открытую границу – с Арменией.

График 3. Границы, когда-либо закрывавшиеся на Южном Кавказе.

Примечание: коричневые линии показывают границы, которые закрыты по сей день, оранжевым цветом выделены границы, закрытые в какой-то период пост-советской истории, но открытые на данный момент.

Впрочем, в конце 1980-ых-начале 90-ых гг. действовали и другие объективные причины, повлиявшие на экономическую динамику:

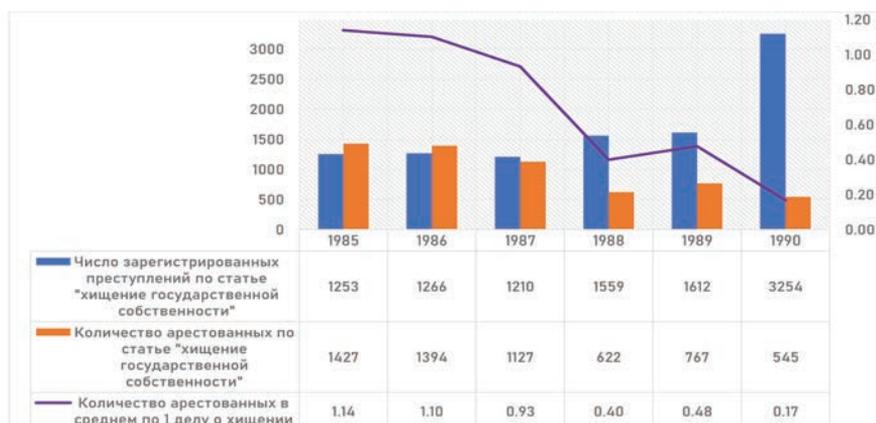
- землетрясение 1988 года, унесшее жизни 38 тысяч человек¹⁴ и оставившее без крова 514 тысяч человек,
- Карабахская война и приток беженцев,
- смена экономической формации,
- деинституционализация в результате распада СССР и утраты государством многих компетенций, а также ликвидации общесоюзных институтов,
- энергетический кризис в результате войны и закрытия АЭС в Мецаморе,
- убыточность значительной части советских предприятий, существовавших на территории Армянской ССР.

Вышеописанное представляет собой набор факторов, негативно повлиявших на армянскую экономику, причем власти республики оказались заложниками сложившейся ситуации и повлиять на это никак не могли. Фактически, в Армянской ССР существовала часть советской социалистической экономики, которая прекратила свое существование одновременно с СССР. Эта часть не была сколько-либо специфична для Армении и вместо химической промышленности с тем же успехом на территории Армении могло быть развитое машиностроение, которое точно также перестало бы существовать в 1990-е гг. По этой причине относить это собственно к экономике Армении не вполне верно, скорее речь должна идти об экономике, существовавшей на территории Армении.

Энергетический кризис, по меньшей мере отчасти, может выглядеть не объективным, а субъективным фактором, в особенности это касается закрытия атомной станции. Однако если учесть, что станция была закрыта еще советскими властями в качестве реакции на землетрясение 1988 года и взрыв на Чернобыльской АЭС 1986 года, становится понятно, что независимая Армения уже стояла перед фактом в виде закрытой АЭС.

Среди перечисленных выше факторов особо следует выделить процесс деинституционализации, повлиявший, в числе прочих, на качество исполнения регуляторных функций государством. Прекратили существование такие институты как ОБХСС, характерные для плановой экономики. Однако массовое обнищание населения и в том числе госслужащих, отсутствие замещающих институтов и отсутствие внешнего контроля из союзного центра, привели к росту преступлений коррупционного характера и отсутствию адекватной реакции на это еще в позднесоветский период. Уже в 1990 году был налицо взрыв коррупционной активности, который лишь усилился после обретения Арменией независимости. Рассмотрим данные, которые могут иллюстрировать вышесказанное.

График 4. Динамика числа преступлений, связанных с «хищением государственной собственности».¹⁵

СУБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА ДЛЯ АРМЕНИИ

Помимо объективных факторов, почти никак не зависевших от действия экономических властей Армении, ее экономика пострадала от влияния субъективных факторов, реализация которых не была прямым следствием позднесоветских трендов или процесса распада СССР или, по меньшей мере, руководство новосозданного государства имело больше возможностей повлиять на эти факторы. Среди них выделяются:

- нехватка квалификации экономических властей страны,
- принятие экономических политик, основанных на Вашингтонском консенсусе, в том числе серьезные ошибки при организации приватизации,
- распространение неформальных практик, включая патрон-клиентские отношения, коррупцию, уклонение от налогов и формирование экстрактивных институтов,¹⁶ благоприятствующих узкогрупповым интересам,
- культурные факторы – нехватка солидарности, коллективного действия гражданского общества, восприятие бизнеса как полуполюгальной активности с соответствующим набором практик, а также допустимость растраты общественного блага).¹⁷

Большая часть перечисленного относится почти ко всем республикам бывшего СССР, поэтому в некотором роде и это можно было бы отнести к группе объективных факторов. Тем не менее, здесь есть различия: управленческие практики постсоветского периода складывались на ежедневной основе и зависели от конкретных людей.

Интересно, что неолиберальная экономическая политика, предложенная МВФ, противопоставлялась государственному вмешательству в экономику. И если понимать это вмешательство расширительно, как например, государственное регулирование цен, субсидирование продуктов питания и коммунальных услуг, то учитывая острый дефицит ресурсов, эта политика альтернатив не имела. Однако скорость и характер приватизации, когда предприятия отдавались за бесценок с тем, что любой собственник лучше государства, показали крайнюю ошибочность этого подхода. Нередко, новый собственник приступал к распродаже активов приватизированного предприятия, в том числе на металлолом. Пример Чили, приводившийся в качестве успешного примера, в действительности таковым не являлся,¹⁸ и экономическим властям постсоветских стран также не хватило профессионализма это понять, а также оценить социальные и политические последствия реализации такой политики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА АРМЕНИИ

Рассмотрев все проблемы, сопутствовавшие постсоветскому транзиту Армении, возникает необходимость оценить его последствия. Спустя почти три десятилетия после обретения Арменией независимости, существует возможность оценить результаты этого транзита, а также сопоставить их с ожиданиями, которые общество ставило в его начале. Изучение любых показателей не только покажет, что цели, ставившиеся изначально не достигнуты, но во многом не достигнуты даже те показатели, которые имелись в самом начале процесса, а в вопросе критической массы страны даже достигнут регресс.

Таблица 2. Доля Армении в мировом населении и экономике, 1989/2018 (%)

Примечание: данные на конец 1988 года, непосредственно перед землетрясением.

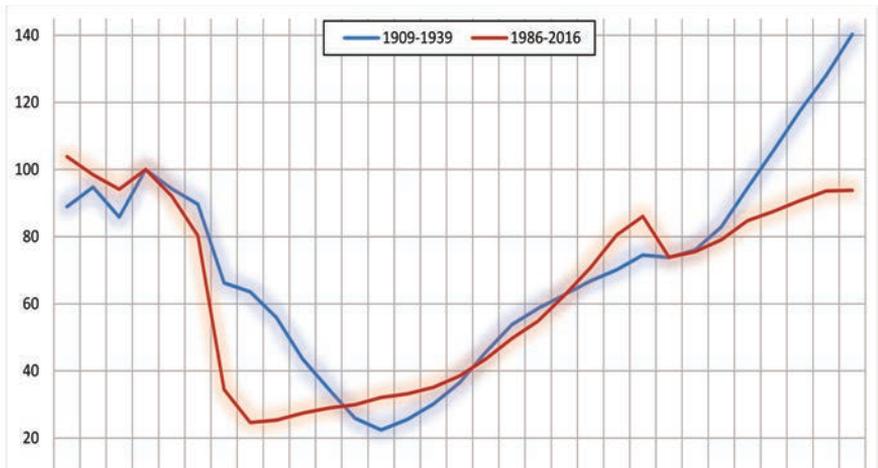
	1989	2018
Население	0.067*	0.036
ВВП	0.066	0.026

Источник: Расчеты автора на основании данных о глобальном ВВП базы данных проекта Мэддисона (2010 version)¹⁹ и базы данных Всемирного Банка.²⁰

Как мы видим, несмотря на то, что описываемый процесс является вполне обозримым для жизни одного поколения, он очень глубок и привел к почти двукратному сокращению доли Армении в мировом населении и более чем двукратному – в мировой экономике. Эти изменения очень глубоки, но для их понимания следует отметить еще одну вещь: с небольшими колебаниями паттерн повторяется во всех постсоветских странах – и в ряде стран Центральной и Восточной Европы.

Экономический спад, вызванный постсоветской трансформацией, являлся столь же глубоким, каковым он был на той же территории в результате всех процессов, сопутствовавших распаду Российской империи примерно сто лет назад. Рассмотрим наложение данных трендов.

График 5. Экономическая динамика Армении периода до и после распада Российской империи, а также до и после распада СССР.

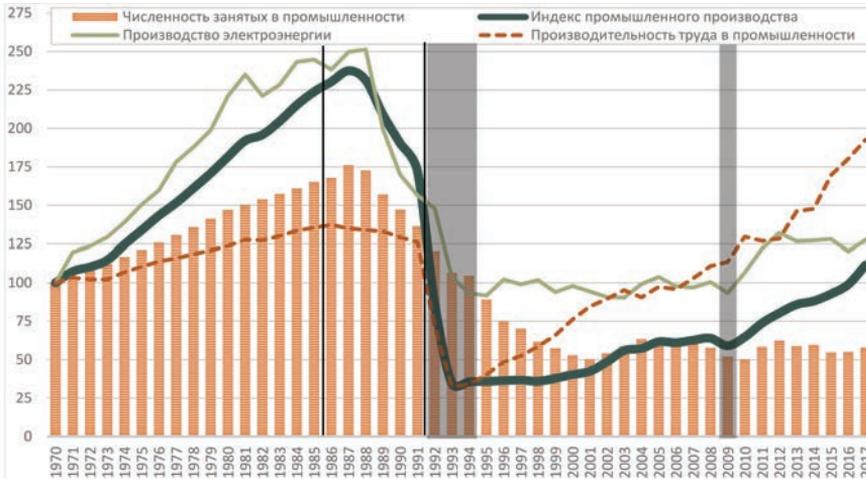
Примечание: В периоде 1909 – 1939 гг., 1912 год принят за 100; в периоде 1986 – 2016, 1989 год принят за 100.

Источник: Расчеты автора.

Итак, глубина экономического спада в начале и в конце XX века вполне сопоставима. Среди всех стран бывшего СССР сопоставимый с Арменией по глубине спада испытали, вероятно, только Грузия и Таджикистан. ВВП Армении сократился на 75%, а объем промышленного производства – на 85%, причем спад был очень резким, практически одномоментным. Это видно как при сопоставлении динамики спада с периодом начала XX века, так и при сопоставлении с другими постсоветскими республиками (см. график 7).

Прецедентов такого спада очень мало во всем мире; даже Центральная Европа периода Второй мировой войны и после нее характеризовалась более устойчивыми тенденциями.²¹ Рассмотрим динамику промышленности Армении.

График 6. Промышленность Армении, 1970 – 2017.

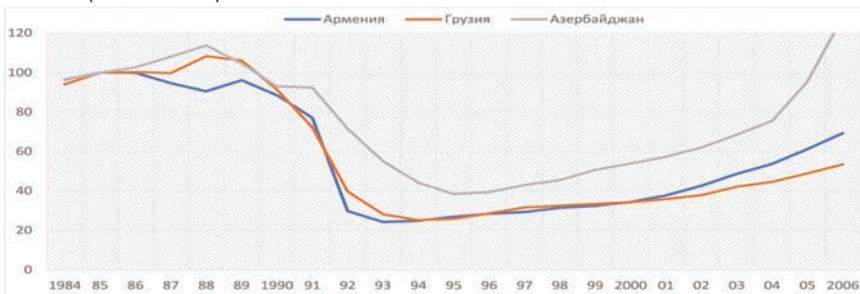

Примечание: для всех цепных индексов значение 1970 года принято за 100.
 Источник: Расчеты автора.

Как видно из графика выше, во второй половине 2010-ых гг., промышленность Армении лишь незначительно превысила уровень начала 1970-ых гг., а по сравнению с пиковым значением, зафиксированным в 1987 году, улучшение зафиксировано лишь с точки зрения роста производительности труда. В частности, объем промышленного производства в 2017 году сократился на 53% по сравнению с уровнем 1987 года, производство электроэнергии – сократилось на 49%, численность занятых сократилась на 67%, и лишь производительность труда выросла на 43%.²² Эти цифры характеризуют динамику деиндустриализации Армении, о чем также свидетельствуют многочисленные здания, в которых находились промышленные предприятия, ныне не действующие.

Рассмотрим экономическую динамику Армении в сопоставлении с другими странами Южного Кавказа.

График 7. Экономическая динамика стран Южного Кавказа в период транзита (1984 – 2006).

Примечание: для каждой страны значение ВВП за 1985 год принято за 100. Стоит учитывать, что для Грузии использованы официальные данные, для Армении – альтернативные. Данные Азербайджана, использованные в расчетах, также официальные, но они могут быть частично или полностью недостоверными.
 Источник: Расчеты автора, база данных Conference Board, Всемирный Банк.

Глубокий спад экономики в период транзита в Армении часто объясняется только субъективными факторами, плохим качеством элит или даже их злонамеренными действиями. Однако в предыдущих разделах статьи уже показано, что основную роль играли объективные факторы, а часть субъективных факторов также имела практически заданный характер.

Тот факт, что характер спада в Грузии и Азербайджане, а также в ряде постсоветских республик, был примерно таким же, как в Армении, уже говорит о том, что речь идет о более общих закономерностях. Вдобавок к этому, Армения испытала более резкий спад, вызванный Карабахской войной и блокадой Армении со стороны Турции и Азербайджана. Только благодаря фактору войны, экономика стран Южного Кавказа дополнительно сократилась примерно на 33%, причем в Армении спад был выражен сильнее, чем в Грузии и Азербайджане.²³

Одним из возможных объяснений вышеописанного процесса может быть то, что, проведя революцию и полностью отказавшись от рыночных механизмов, создав автаркичную экономику, Россия и окружающие ее республики, заплатили высокую экономическую цену, точно так же, они заплатили высокую цену за прекращение этого эксперимента.²⁴ Таким образом, перефразируя президента России В. Путина,²⁵ социально-экономической катастрофой являлся не только распад СССР, но и его создание. Именно это и стало причиной столь глубокого спада экономики уже в период трансформации экономики обратно к рынку начиная с конца 1980-х годов: советские институты адаптировать к новым условиям не удалось.

В обобщенном виде основные экономические результаты трансформации, выглядят следующим образом:

- изменение структуры экономики (по производству) – рост доли услуг и сокращение доли промышленности,
- изменение структуры экономики (по потреблению) – рост частного потребления в ущерб государственному и коллективному потреблению, а также валовому накоплению,
- сокращение производства при росте потребления – и, как следствие, значительный дефицит торгового баланса,
- рост конкурентоспособности и производительности труда,
- изменение структуры занятости в экономике (рост сельского хозяйства при сокращении остальных секторов),
- снижение государственного контроля над экономикой, налоговых поступлений и рост теневого сектора,
- развитие частной инициативы и, соответственно, большая адаптивность экономики к кризисам,
- социальные последствия трансформации преимущественно негативны:

- *рост безработицы* (практически с нулевого уровня, хотя в позднесоветский период уже имелся феномен «скрытой безработицы»), компенсировавшейся отходничеством),
- как следствие – *снижение степени социальной защищенности*, а также,
- *рост неравенства*,²⁶
- *рост уровня бедности*,
- *массовая эмиграция*, а также
- *резкое (5-кратное) снижение естественного прироста населения*.

Как следствие, растет уровень ностальгии по Советскому Союзу. По опросу 2013 года, 66% населения Армении считали, что страна больше потеряла от распада СССР и только 12% считали, что она больше приобрела.²⁷ Для сравнения, в Кыргызстане так считало 16% опрошенных, в России 19%, Украине 23%, в Грузии 37%, а в Азербайджане – 44%. Впрочем, учитывая, что в Грузии и Азербайджане открытая дискуссия по этому вопросу затруднена, следует предположить, что степень удовлетворения текущим положением дел там в действительности ниже, чем было зафиксировано опросом.

Одновременно, все большее число людей предпочитают плановую экономику; напротив, сокращается число людей, отдающих предпочтение рыночной экономике. В этом вопросе тенденции схожи во всем регионе от Восточной Европы до Центральной Азии.

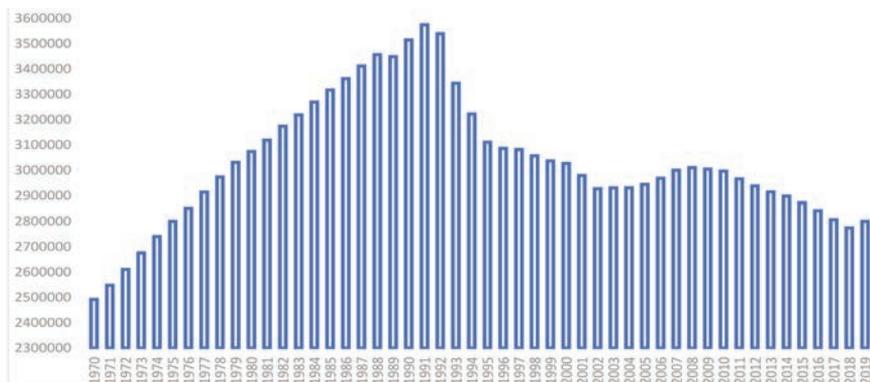
Таблица 3. Наиболее предпочтительная модель экономики, по данным опроса (%).

	Рыночная экономика	Плановая экономика	Разность
Армения (2010)	50	18	+32
Армения (2016)	36	22	+14
Грузия (2016)	34	20	+14
Азербайджан (2016)	16	18	-2
Все постсоциалистические страны (2016)	35	36	-1

Источник: ЕБРР²⁸

Демографическая ситуация имеет выраженную связь с экономическими тенденциями: уровень экономического развития страны и частного потребления влияет как на рождаемость,²⁹ так и на миграцию.³⁰ На графике ниже представлена динамика численности Армении за последние 27 лет, что можно использовать также как некий объективный индекс социального самочувствия населения.

График 8. Динамика численности наличного населения Армении, 1970 – 2019.

Примечание: данные приводятся на начало каждого года.

Источник: Демоскоп (1970 – 1990),³¹ расчеты автора (1991 – 2019).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Основными характеристиками первых пяти лет постсоветского периода с точки зрения институциональной динамики может быть процесс делегитимации контролирующих органов, поражение институтов патрон-клиентскими сетями и прочими неформальными практиками,³² снижение степени присутствия государства в экономике и общественной жизни, а также начальный процесс формирования новых институтов. В то же время, к 1991 году пика достигла эрозия советских государственных институтов, что было вызвано зависимостью их от партийно-государственного контроля, завязанного на КПСС и на центр в Москве.

Поскольку в то же время происходило стремительное ухудшение уровня жизни населения, создались все условия для экспансии теневой экономики и вытеснения формальной экономики экономикой неформальной. Уже в апреле 1992 года советский экономист Татьяна Корягина написала статью о том, что приватизация в ее существовавшем виде приведет к отмыванию капиталов из теневой экономики, а также усилению откровенно криминальных структур. По ее мнению, это должно было привести к расширению сверхприбыльных сфер теневого бизнеса, а доля теневого сектора достигнет 30 – 40% ВВП СНГ за несколько лет³³ (как оказалось, в действительности, эта доля оказалась еще выше).

Теневая экономика, также как коррупция и другие проявления неформальности, являются не столько самостоятельными процессами, сколько производными от институциональной несостоятельности государства. Коррупционные явления в условиях экономического кризиса актуализируются в общественном дискурсе, их влияние на

экономическую ситуацию сильно преувеличивается. Неформальные практики оказывают негативное влияние на экономический рост в долгосрочной перспективе, однако в общественном дискурсе распространено мнение о том, что это влияние проявляется также в краткосрочной перспективе, что неверно. Также преувеличивается значимость моральных факторов и большой акцент делается на коррупцию как моральную или в крайнем случае – правовую проблему в то время как в гораздо большей степени эта проблема имеет технические и институциональные решения, соответственно именно в таком качестве ее и следует рассматривать.

В связи с этим, для завершения оценки транзита к новой экономической системе в 1990-ых – 2000-ых гг., возникает необходимость оценить качество институтов в Армении и его динамику в постсоветский период. Наибольшее количество данных для этого предоставляет Всемирный Банк.

Таблица 4. Международные индикаторы управления (Worldwide Governance Indicators) – Армения и ее соседи.

		Азербайджан	Армения	Грузия	Иран	Россия	Турция
Эффективность правительства	1996	18.6	41.5	30.6	32.8	37.7	55.7
	2003	21.9	51.5	42.3	38.3	41.8	60.7
	2010	23.0	48.8	65.1	39.2	39.7	64.1
	2017	47.1	50.0	72.1	45.2	50.5	55.3
Качество регуляторной среды	1996	11.4	44.0	15.8	7.1	32.6	59.2
	2003	29.1	59.7	26.5	11.7	49.5	56.1
	2010	39.2	60.3	70.8	2.9	40.7	59.8
	2017	43.3	64.4	81.7	10.1	32.7	57.2
Верховенство права	1996	13.1	37.7	11.1	19.6	24.6	47.2
	2003	22.8	44.6	18.8	30.2	18.3	59.4
	2010	20.9	37.4	47.9	15.6	27.0	58.8
	2017	32.2	49.5	63.0	26.0	22.1	45.2
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма	1996	21.3	34.0	7.4	36.2	12.2	10.6
	2003	21.1	51.8	12.6	24.1	14.6	25.1
	2010	36.5	49.8	24.2	6.2	18.5	19.0
	2017	18.6	20.5	32.4	15.7	21.4	7.1

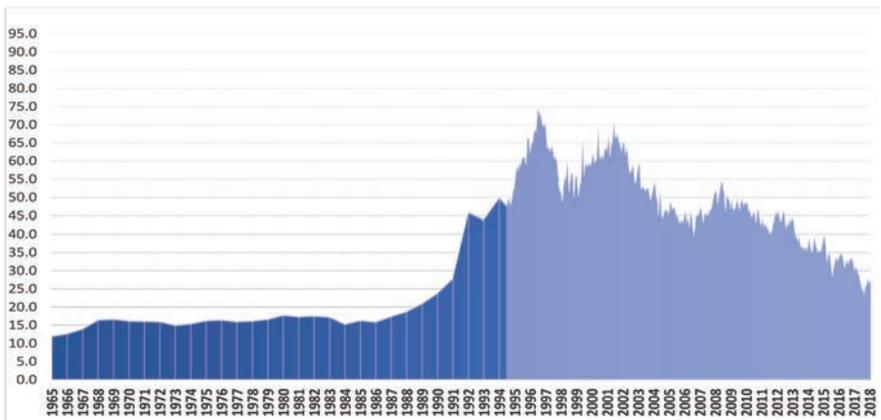
Примечание: в данной таблице представлен процентный рейтинг, в котором 0 баллов соответствует показателю страны с самым низким в мире рейтингом и, соответственно, худшее качество управления или его отсутствие. 100 баллов соответствует показателю страны с лучшим по сравнению с другими странами качеством управления в выбранной сфере. Источник: Всемирный Банк.³⁴

Армения лидировала по всем выбранным параметрам среди стран Южного Кавказа в 1996 и 2003 гг. То же самое относится и к большинству экономических рейтингов. Однако в более поздний период реформы в Армении замедлились и где-то с 2005 – 2008 гг. Грузия вышла вперед. Грузия же в этот период провела самые значительные реформы в регионе Южного Кавказа и добилась значительных результатов по международным меркам. В то же время, необходимо отметить прогресс Азербайджана, который был медленным,

но постоянным и к 2017 году отставание Азербайджана несколько сократилось.

Уже упомянутая выше теневая экономика может быть хорошим индикатором как распространения неформальности, так и общего уровня институционального развития и состоятельности страны. Если в 60е – 80е теневая экономика составляла от 15% до 20% валового национального дохода, то в позднесоветский, а в особенности – в постсоветский период она резко выросла, что отчасти объясняется резким снижением раскрываемости коррупционных преступлений (см. График 4), но в то же время вызвано также снижением уровня жизни, дополнительно подталкивавшим население, а в особенности – предпринимателей – к вовлечению в теневую экономику.

График 9. Динамика теневой экономики в Армении (% от ВВП).

Примечание: данные до 1995 года – ежегодные, с 1995 года – ежемесячные.
 Источник: Kim and Shida (1965 – 1989),³⁵ оценка автора (1990 – 1994), расчеты автора (1995 – 2018).

Уровень доходов радикально сократился в первые годы независимости Армении. За 1992 – 1994 гг. реальная заработная плата сократилась в 8 раз;³⁶ еще в ноябре 1992 года были введены хлебные карточки, норма продажи хлеба по которым постепенно сокращалась. Государство оказалось не в состоянии обеспечивать все услуги, предоставляемые ранее – занятость, социальное обеспечение, коммунальные и общественные услуги и даже физическая безопасность на протяжении нескольких лет была понятием относительным (см. график 5). Эти обстоятельства поставили большую часть населения на грань физического выживания. Неформальные механизмы стали механизмами выживания.

Гарантией выживания стала неформальность на всех социальных уровнях, включая самый низкий. Это проявлялось в развитии сетей взаимопомощи друзей, соседей и родственников. Неформальность проникала в общественную жизнь в виде проведения «левого» электрического кабеля от того или иного учреждения, чтобы подключить

электричество. Неформальность использовалась для получения базовых услуг, таких как здравоохранение или образование. Значительная часть экономической жизни погрузилась в «тень», поскольку люди стремились минимизировать расходы, в первую очередь, налоги.³⁷

Как мы видим, рост доли теневой экономики продолжался вплоть до 1997 года, после чего он на некоторое время фактически стабилизировался на уровне в 2/3 от всей экономики. Ощутимое снижение распространенности теневой экономики началось лишь с 2002 года, однако учитывая его продолжительный характер, можно отметить значительный результат: 25.4% в среднем за 2018 год при сохраняющемся некотором потенциале снижения этой доли и в дальнейшем.

Последствия постсоветского коллапса в этой отрасли практически преодолены, что фиксирует не восстановление советских институтов, а тот факт, что к 2019 году строительство новых институтов достигло некоторого качественного уровня, когда институциональная состоятельность на новом этапе практически соответствует той степени, которая была достигнута в результате десятилетий строительства коммунистических институтов.

ВЫВОДЫ

Постсоветский транзит дался тяжело многим республикам бывшего СССР. Исключением не стала и Армения, где экономический спад оказался одним из глубоких и наиболее резким. Это было вызвано рядом объективных обстоятельств, внешних по отношению к экономике, такими как землетрясение 1988 года, война, а также связанные с ней блокада и массовые перемещения людей.

Объем производства в большинстве секторов восстановлен, а кое-где и превзошел советские показатели. Этого нельзя сказать о промышленности, поскольку в 2017 году объем промышленного производства был все еще менее половины от уровня 1987 года. Это дает основания говорить о деиндустриализации, хотя стоит отметить, что на протяжении последних десяти лет промышленный сектор рос достаточно быстро, особенно в сфере обрабатывающей промышленности.

Социальная цена трансформаций оказалась особенно высокой. Уровень безработицы, выросший в начале 1990х гг., остается высоким и, учитывая тот факт, что рост производительности труда опережает рост ВВП, число рабочих мест продолжает сокращаться. Это усиливает и без того заметные процессы эмиграции, а внутри Армении – подстегивает неравенство и бедность.

Уровень как институционального, так и экономического развития, едва восстановившись до уровня второй половины 1980-ых гг., замед-

лил свой рост, что характерно для всего постсоветского пространства. Это ставит ряд вопросов, в том числе – имеет ли Армения способность пойти дальше и преодолеть некий «потолок» развития, достигнутый уже тридцать лет назад и какими средствами страна это может сделать. Собственно, в случае нахождения ответа на этот вопрос, можно будет переворачивать страницу транзита и открывать новую эпоху экономического развития – с собственной логикой, которую уже невозможно будет назвать «постсоветской».

ССЫЛКИ

- 1 См.: *Государственный комитет СССР по статистике. Сборник статистических материалов 1990* (М: Финансы и статистика, 1991), 230 – 232.
- 2 См.: Санкции Запада против СССР, Досье, ТАСС, 10 марта 2016 г., <https://tass.ru/info/2728444>.
- 3 См.: Handbook of International Economic Statistics. *National Foreign Assessment Center, CIA*. (Washington, D.C.: The Center, 1990), 180 – 185.
- 4 Рассчитано при помощи калькулятора инфляции бюро трудовой статистики США, <https://data.bls.gov/cgi-bin/cpicalc.pl>.
- 5 См.: Егор Гайдар, *Гибель империи: уроки для современной России* (М: РОССПЭН, 2006).
- 6 См.: Armen Eghiazaryan, Vahram Avanesyan and Nelson Shahnazaryan, “How to Reverse Emigration?” America group, 2003, (in the framework of Armenia 2020 project), последнее посещение 07.04.2019, <http://www.amerialegal.am/pdf/d5c0447534321fa8e3db55f97def1070.pdf>
- 7 На основании расчетов автора.
- 8 Это описано в книге Михаила Восленского «Номенклатура», см.: Михаил Восленский, *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза* (М: Советская Россия, 1991).
- 9 См.: Араик Манукян, «Сегодня и именно так началось Карабахское движение в Армении...», *Аравот*, 22 февраля 2016 г., последнее посещение 30.05.2019, <https://www.aravot.ru.am/2016/02/22/201203/>.
- 10 См.: Pitirim Sorokin, “Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural type,” *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 1(2), (January 1960): 143 – 176.
- 11 См.: «Об экономических потерях, вызванных блокадой республики». *Национальный Архив Армении*. Фонд 163, опись 145, дело 155.
- 12 См.: статья “Armenia,” in The 1992 World Factbook, *Central Intelligence Agency*, <https://ia800502.us.archive.org/5/items/theciaworld-factb00048gut/48.txt>.
- 13 См.: *Государственный комитет СССР по статистике. Сборник статистических материалов 1990*.
- 14 См.: Грант Микаелян, «Сколько на самом деле погибло людей в результате Спитакского землетрясения?» Политическая география Южного Кавказа, блог на «Кавказском Узле», 9 декабря 2017 г., <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/30990>.
- 15 См.: *Статистический ежегодник Армении 1990* (Ереван: Государственное управление по статистике, государственному регистру и анализу Республики Армения, 1991).
- 16 См.: Daron Acemoglu and James Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Publishers, 2012), 124 – 151.
- 17 То, что нередко называют «советским менталитетом».

- 18 К примеру, характерным фактом является то, что реальный размер заработной платы в Чили уровня 1970 года, снизившийся во время правления Альенде и Пиночета, был восстановлен только в первой половине 1990-ых гг. Средний уровень безработицы при Пиночете составлял 18.1%, а экономический рост в период правления Пиночета – всего лишь 2.9% в год, см.: Ricardo Ffrench-Davis, *Economic Reforms in Chile: From Dictatorship to Democracy* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002).
- 19 См.: Angus Maddison, *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*, 2010, <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>.
- 20 См.: “Population, total,” World Development Indicators database, *World Bank*, <https://data.worldbank.org/indicator/sp.pop.totl>
- 21 См.: Angus Maddison. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*, 2010.
- 22 На основании собственных расчетов.
- 23 См.: Hrant Mikaelian, “The Karabakh War: Economic Cost and Consequences,” in *Prospects for Peace in Nagorno-Karabakh. International and Domestic Perspectives*, ed. Alexander Iskandaryan (Yerevan: Caucasus Institute, 2018), 103–123.
- 24 См.: Андрей Илларионов. «Как Россия потеряла XX-е столетие», *Вопросы экономики*, № 1 (2000), <http://www.libertarium.ru/71547>.
- 25 См.: Владимир Путин, «Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века», *Регнум*, 25 апреля 2005 г. <https://regnum.ru/news/444083.html>.
- 26 Для приблизительной оценки динамики неравенства можно опираться на исследование, проведенное на материале России: см.: Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman, “From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905 – 2016,” in *NBER Working Paper No. 23712*, August 2017, <https://www.nber.org/papers/w23712>.
- 27 См.: Neli Esipova and Julie Ray, “Former Soviet Countries See More Harm from Breakup,” *Gallup*, 19 December, 2013, <https://news.gallup.com/poll/166538/former-soviet-countries-harm-breakup.aspx>.
- 28 См.: “Life in Transition Survey III: A decade of measuring transition,” *European Bank for Reconstruction and Development*, <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>, 76 – 77.
- 29 См.: Diane Macunovich, “Re-Visiting the Easterlin Hypothesis: U.S. Fertility 1968-2010,” 2011. *IZA*, DP #5885, <http://anon-ftp.iza.org/dp5885.pdf>.
- 30 См.: Грант Микаелян, «Экономические факторы миграции населения Армении», Институт Кавказа, март 2015 г., http://ci.am/wp-content/uploads/policy-brief-03_2015_ru1.pdf.
- 31 См.: Журнал «Демоскоп», приложения. 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950 – 2016, тысяч человек, http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php.

- 32 См.: Владимир Гельман, «„Подрывные“ институты и неформальное управление в современной России», в *Пути модернизации: траектории, развилки и тупики. Международные сравнительные измерения*, ред. Владимир Гельман и Отар Маргания (С.-П.: изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010), 64 – 88.
- 33 См.: Татьяна Корягина, «Выходят из тени», *Антимафия*, апрель 1992 г., http://koriagina.com/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=31.
- 34 См.: “The Worldwide Governance Indicators (WGI) project,” *World Bank*, <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>.
- 35 См.: Byung Yeon Kim and Yoshisada Shida, “Shortages and the Informal Economy in the Soviet Republics: 1965 – 1989,” *RRC Working Paper series #43*, March, 2014, www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/Japanese/pdf/RRC_WP_No43.pdf.
- 36 См.: Labour Market in the Republic of Armenia 2013, *National Statistical Service of Armenia*, 160 – 161.
- 37 См.: Marina Kurkchikyan, “Society in transition,” in *The Armenians. Past and present in the making of national identity*, ed. Edmund Herzig and Marina Kurkchikyan (London and New York: Routledge Curzon, 2005), 211 – 228.

БИБЛИОГРАФИЯ

Восленский, Михаил. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М: Советская Россия, 1991.

Гайдар, Егор. *Гибель империи: уроки для современной России*. М: РОССПЭН, 2006.

Гельман, Владимир. «„Подрывные“ институты и неформальное управление в современной России». В сборнике: *Пути модернизации: траектории, развилки и тупики. Международные сравнительные измерения*, редакторы Владимир Гельман и Отар Марганя, 64 – 88. С.-П.: изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

Государственный комитет СССР по статистике. Сборник статистических материалов 1990. М: Финансы и статистика, 1991.

Журнал «Демоскоп», приложения. 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950 – 2016, тысяч человек. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php.

Илларионов, Андрей. «Как Россия потеряла XX-е столетие». *Вопросы экономики*, № 1 (2000). <http://www.libertarium.ru/71547>.

Корягина, Татьяна. «Выходят из тени». *Антимафия*, апрель 1992 г. http://koriagina.com/index.php?option=com_content&task=view&id=21&temid=31.

Манукян, Араик. «Сегодня и именно так началось Карабахское движение в Армении...». *Аравот*, 22 февраля 2016 г. Последнее посещение 30.06.2019. <https://www.aravot-ru.am/2016/02/22/201203/>.

Микаелян, Грант. «Сколько на самом деле погибло людей в результате Спитакского землетрясения?» Политическая география Южного Кавказа, блог на «Кавказском Узле», 9 декабря 2017 г. <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/30990>.

Микаелян, Грант. «Экономические факторы миграции населения Армении». *Институт Кавказа*, март 2015 г. http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-03_2015_ru1.pdf.

«Об экономических потерях, вызванных блокадой республики». *Национальный Архив Армении*, Фонд 163, опись 145, дело 155.

Путин, Владимир. «Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века». *Регнум*, 25 апреля 2005 г. <https://regnum.ru/news/444083.html>.

Санкции Запада против СССР. Досье. *ТАСС*, 10 марта 2016 г. <https://tass.ru/info/2728444>.

Статистический Ежегодник Армении 1990 г. Ереван: Государственное управление по статистике, государственному регистру и анализу Республики Армения, 1991.

Acemoglu, Daron, and Robinson, James. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers, 2012.

“Armenia.” In: The 1992 World Factbook. *Central Intelligence Agency*. <https://ia800502.us.archive.org/5/items/theciaworldfactb00048gut/48.txt>.

Eghiazaryan, Armen, Avanesyan, Vahram, and Shahnazaryan, Nelson.

"How to Reverse Emigration?" America group, 2003. (in framework of Armenia 2020 project). Последнее посещение 07.04.2019.
<http://www.amerilegal.am/pdf/d5c0447534321fa8e3db55f97def1070.pdf>.

Esipova, Neli, and Ray, Julie. "Former Soviet Countries See More Harm from Breakup." *Gallup*, 19 December, 2013.
<https://news.gallup.com/poll/166538/former-soviet-countries-harm-breakup.aspx>.

Ffrench-Davis, Ricardo. *Economic Reforms in Chile: From Dictatorship to Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

Handbook of International Economic Statistics. *National Foreign Assessment Center*, CIA. Washington, D.C.: The Center, 1990.

Kim, Byung Yeon, and Shida, Yoshisada. "Shortages and the Informal Economy in the Soviet Republics: 1965 – 1989." *RRC Working Paper series #43*, (March 2014): 29. www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/Japanese/pdf/RRC_WP_No43.pdf.

Kurkchian, Marina. "Society in transition." In *The Armenians. Past and present in the making of national identity*, edited by Edmund Herzig and Marina Kurkchian, 211 – 228. London and New York: Routledge Curzon, 2005.

"Life in Transition Survey III: A decade of measuring transition." *European Bank for Reconstruction and Development*.
<https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>.

Macunovich, Diane. "Re-Visiting the Easterlin Hypothesis: U.S. Fertility 1968–2010," 2011. IZA DP #5885. <http://anon-ftp.iza.org/dp5885.pdf>.

Maddison, Angus. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*, 2010. <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>.

Mikaelian, Hrant. "The Karabakh War: Economic Cost and Consequences." In *Prospects for Peace in Nagorno-Karabakh. International and Domestic Perspectives*, edited by Alexander Iskandaryan, 103 – 123. Yerevan: Caucasus Institute, 2018.

National Statistical Service of Armenia. Labour Market in the Republic of Armenia, 2013. <https://www.armstat.am/en/?nid=81&id=1516>.

Novokmet, Filip, Piketty, Thomas, and Zucman, Gabriel. "From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905 – 2016." *NBER*, Working Paper No. 23712, August 2017.
<https://www.nber.org/papers/w23712>.

Guriey, Sergei, and de Haas, Ralph. "Life in Transition Survey III: A decade of measuring transition." London: *European Bank for Reconstruction and Development*, 2016. <http://litsonline-ebrd.com/>.

Sorokin, Pitirim. "Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural type." *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 1 (2) (January 1960): 143 – 176.

"The Worldwide Governance Indicators (WGI) project." *World Bank*.
<http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՀՐԱՆՏ ՄԻՔԱՅԵԼՅԱՆ / ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԵՏԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ԱՆՑՄԱՆ
ԴԺՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ. ՍՊԱՍՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՄԻՋԵՎ ԽՉՈՒՄ, ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԱՆԿՈՒՄ ԵՎ ՍՏՎԵՐԱՅԻՆ
ՏՆՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆ

Բանալի բառեր – հետխորհրդային անցում, ստվերային տնտեսություն, Հայաստանի տնտեսություն, ԽՍՀՄ փլուզում, ապարդյունաբերականացում, Խորհրդային Հայաստան:

Նախկին խորհրդային հանրապետությունների մեծ մասի համար հետխորհրդային անցումը դյուրին չէր: Այդ առումով Հայաստանը Նույնպես բացառություն չէր, ուր արձանագրվել է ամենախորը և ամենածանր տնտեսական անկումը՝ 1990 – 93 թվականներին ՀՆԱ-ն նվազել է 75%-ով: Այն պայմանավորված էր մի շարք օբյեկտիվ, արտատնտեսական հանգամանքներով, ինչպիսին, օրինակ՝ 1988 թվականի Սպիտակի երկրաշարժն էր, Ղարաբաղյան պատերազմը, ինչպես նաև վերջինիս հետ կապված շրջափակումը և մարդկանց գանգվածային տեղաշարժերը:

Անցման հետևանքով հատկապես բարձր է եղել փոխակերպման սոցիալական արժեքը: 1990-ականների սկզբին աճող գործազրկության մակարդակը դեռ շարունակում է բարձր մնալ, և հաշվի առնելով, որ աշխատուժի արտադրողականության աճը գերազանցում է ՀՆԱ-ի աճին, ապա աշխատատեղերի քանակը շարունակում է նվազել: Սա ամրապնդում է արտագաղթի արդեն նկատելի գործընթացները, իսկ Հայաստանի ներսում նպաստում անհավասարության և աղքատության տարածմանը:

Թե՛ ինստիտուցիոնալ, և թե՛ տնտեսական զարգացումների մակարդակը վերջին տարիներին կայուն է և վերջերս նույնիսկ հասել է 1980-ականների կեսերի մակարդակին: Այդ պատճառով մի շարք հարցեր են առաջանում, այդ թվում նաև՝ արդյո՞ք Հայաստանը կարող է առաջընթաց արձանագրել և անցնել երեսուն տարի առաջ գրանցած զարգացման «առաստաղը», և ի՞նչ միջոցներով կարելի է դրան հասնել: Իրականում եթե գտնել այս հարցերի պատասխանը, ապա հնարավոր կլինի շրջել անցման էջը և բացել տնտեսական զարգացման նոր շրջան՝ իր սեփական տրամաբանությամբ, որն այլևս չեն կարող անվանել «հետխորհրդային»:

SUMMARY

HRANT MIKAELIAN / THE DIFFICULTIES OF POST-SOVIET TRANSITION: A GAP OF EXPECTATIONS WITH REALITY, ECO- NOMIC RECESSION AND SHADOW ECONOMY

Key words: the post-Soviet transition, shadow Economy, economy of Armenia, collapse of the USSR, deindustrialization, Soviet Armenia.

The post-Soviet transition was not easy for the most part of the former Soviet republics. In that sense, Armenia was not an exception as well, where the economic recession was one of the deepest and most severe – during 1990 – 93 GDP was fallen by 75%. This was caused by a number of objective circumstances that were external to the economy, such as the 1988 earthquake, the war in Karabakh, as well as the blockade and mass displacements of people, associated with it. Because of the transition, the social cost of transformation was particularly high . The unemployment rate, which grew in the early 1990s, still remains high and, given the fact that labor productivity growth outstrips GDP growth, the number of jobs continues to decline. This reinforces the already noticeable processes of emigration and within Armenia – spurs inequality and poverty.

The level of both institutional and economic developments has been stable during the recent years and has just recovered up to the level of the mid-late 1980s. Therefore, a number of questions are raised, including whether Armenia has the ability to go further and overcome a certain development "ceiling," achieved thirty years ago and by what means the country can do it. Actually, if an answer is found to these questions, then it would be possible to turn the page of transition and open a new era of economic development – with its own logic, which can no longer be called "post-Soviet."

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Грант Микаелян – политолог, экономист, научный сотрудник Института Кавказа (Ереван). Исследовательские интересы: государственные институты и неформальность, клиометрика, демография и отражение социальной динамики на политических процессах. Автор книги «Теневая экономика в Армении», а также ряда статей на темы внутренней и внешней политики стран Южного Кавказа, национализма и конфликтов на Южном Кавказе, а также миграции. Аспирант экономического факультета ЕГУ.

Грант Микаелян (Армения) / hgrant@c-i.am

СОВЕТСКИЕ И
ПОСТСОВЕТСКИЕ
ПРАКТИКИ
УКРАИНСКОГО
ОБЩЕСТВА:
ЛОГИКА ОРГАНИЗАЦИИ,
СПЕЦИФИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И ТРАНСФОРМАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Украина, культурные практики, советское, постсоветское, организация, дедифференциация.

Советский Союз был вариантом авторитарного государства в исторической фазе индустриализации и модернизации (более точно – догоняющей модернизации). Такое определение стало достаточно известным после работ Збигнева Бжезинского.¹ Отставание Русской империи от этапов модернизации центра мир-экономики Запада было гораздо больше. Если «издержки защиты»² были интернализированы по примеру голландского цикла накопления еще в петровской России, модернизация образования по прусскому образцу была воспроизведена (также достаточно внешне) в девятнадцатом веке, то индустриализация набрала оборотов именно в советское время, совершив скачок широко известный по формулировке Уинстона Черчилля. Средства для совершения индустриализации требуют такой концентрации ресурсов, которая предполагает крайнюю степень монополии власти, гораздо больше превосходящую традиционалистские формы авторитаризма. Если догоняющая модернизация совершалась бы в условиях империи, то эта трансформация была бы не столь очевидна. В Советском Союзе, претендующем на принципы демократического централизма, перекося в сторону последнего был вопросом проведения индустриализации, а, следовательно, проблемой создания адекватных дисциплинарных практик (в смысле термина Мишеля Фуко),³ а также аппарата принуждения (когнитивные установки страха) и даже прямого насилия (физическое принуждение).

Наиболее традиционным и знакомыми для наследия империи были формы прямого принуждения, а потому гораздо легче воспринимались в тех условиях. В секуляризированном государстве была невозможна апелляция к страху Божьему (Отто Рудольф). В фритредерском обществе самоорганизация рынка берет на себя многие функции принуждения и даже насилия. В Советском Союзе в отсутствие этих инструментов управления установки принуждения делегировались идеологии. Но тем самым сама идеология во многом трансформировалась, а также требовала специфических форм дисциплинарных практик для своего осуществления. Ситуация усугублялась отсутствием у большевиков государственного опыта организации дисциплинарных практик (начальное образование, паноптикум, клиника, современные образцы пенитенциарной системы), а тем более их массового применения в широких масштабах на данной территории. Все это в эгалитарных формах создавалось впервые, поэтому со значительными перекосами. Но исходные формы осуществления становятся во многом каноническими, а потому во многом не изжитыми в постсоветских культурных практиках.

Спецификой индустриализации как прежде всего «интернализации издержек производства»⁴ было целеполагание бюрократического аппарата, саморепрезентированного как политическая партия. Прежде всего, интересен оксюморон гиперболизации функции

коммунистической партии в советском государстве. С одной стороны, партия является составной частью политического сообщества Модерна, как это фиксируется в самой этимологии термина. С другой стороны, коммунистическая партия стала скрепой, пронизывающей все советское общество и дублирующей все его базовые структуры, как производственные, так и бюрократические. Кроме того, единство партийного руководства создавало условие для дедифференциации законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а, следовательно, аппроксимировало правовое измерение Модерна. Следовательно, такое разрастание части до тотальности очень симптоматично. Оно позволяло нивелировать смысл рациональной калькуляции за счет перекосов ручных, а, следовательно, манипулятивных способов управления. Направленность на рационализацию и калькуляцию издержек производства в Советском Союзе, а также абсолютизация роли партийной номенклатуры как структуры управления не позволяло сосредоточиться на «интернализации операционных издержек»,⁵ которая была одним из главных достижений американского цикла накопления и гегемонии. Таким образом, способ советской индустриализации обуславливал еще большее отставание от наличного гегемона в этапе модернизации по параметрам интернализации.

Сочетание всех вышеперечисленных элементов специфики организации культурных практик Советского Союза было чревато порождением культа его лидера (единство целеполагания и абсолютизация стратегий идентификации всеобщего с особенным через очевидность и единоначалие единичного).

Спецификой Советского Союза также была государственная форма собственности, которая еще больше усилила роль перераспределения (доступ к продукту/добавочному продукту за счет места в социальной иерархии) как инструмента выстраивания социальной иерархии, а не рынка (стратегии интенсификации прибавочной стоимости). Данный вектор породил принципиально незападный тип общества потребления.

К советским парадоксам также можно отнести задачу формирования многонационального государства. Государство-нация является сложным продуктом Модерна со множественными разноуровневыми показателями (экономическими, правовыми, военными, политическими, образовательными и духовными). Можно сказать, что оно строилось на ассимиляции отдельных этносов (Арджун Аппадурай) в пространстве унифицированных, дисциплинарных и культурных практик государственной политики. Империи классически существовали как иерархии этносов. Попытка противостоять данным агрессивным стратегиям построения государственности, а также проблема управления огромной территорией (в ситуации, где из мгновенной связи был только телефон и радио) привела к формулированию со-

ветской концепции «многонационального государства», где сложность состояла в удержании баланса между делегированием управленческих функций нетитульным нациям и попыткой удержания их в рамках единой государственной системы управления.

Еще одним фактором, но не менее важным для понимания организации советских практик, был масштаб территориальной громадности этого государства. Производным от этой характеристики является отсутствие необходимости во внешних ресурсах и возможность внутренней экспансии. Если необходимость модернизации и отсутствие внешних колоний сближали положение Советского Союза с Германией, то последняя характеристика, возможность внутренней экспансии, является общей с Соединенными Штатами. Континентальный масштаб пространства США также породил тенденцию ко внутренней экспансии и поэтому возможность борьбы с колониальным мироустройством, даже несмотря на все талассократическое могущество этого государства. Морская ориентация была началом модернизации еще в Российской империи, но не была особенно успешной по сравнению с другими мировыми игроками (может за исключением Арктики). Требуется отдельная перспектива исследования.

В целом географический потенциал Советского Союза, хоть и уменьшенный по сравнению с Российской империей, позволил ему быть замкнутой системой в центре западной мир-экономики. Поэтому, была возможность выстраивать дисциплинарные практики с большей степенью автономности, организационными перекосами и даже местами с неадекватными субъективными моделями, несмотря на модернизационный стиль экономики в целом. Но, с другой стороны, отсутствие внешних экономических ресурсов и замкнутость социальной системы привели к парадоксальным последствиям попытки формирования многонационального государства. Организационные структуры последнего были призваны компенсировать непосредственность и откровенность практик принуждения в условиях огромных территорий. Такая модель служила переходной формой в ситуации централизации власти по-советски. До сих пор в России идеологически актуальна тема неэксплуататорского и патерналистского отношения к своим внутренним сателлитам. Такой способ «изобретения традиции»⁶ по-советски был необходим для поддержки регионального баланса сил.

Данные характеристики не могли не повлиять на способы организации советских дисциплинарных практик. Тенденция запоздалой модернизации и особенно индустриализации привели к необходимости воспроизведения немецкой модели образования, где классическое разделение специальностей воспроизводило не только логику обеспечения системы разделения труда и потребности материального производства, но и системы социального управления. В определенной степени была актуальна немецкая модель образования с

ориентацией на «царство разума» и автономию сознания. Это предполагало повышенное значение гуманитарных наук и прежде всего философского факультета как основы формирования новой антропологической модели. Данная ориентация была для Советского Союза наследием Российской империи (хотя и со значительной аппроксимацией). Перенимаемый тип университета, в отличие от других моделей (британской – формирование члена элитарного общества, французской (после наполеоновских реформ) – формирование представителя бюрократической структуры для обслуживания функций государства (отсюда такой педантизм дисциплинарных практик на уровне повседневности), американской – ориентирование в большинстве случаев на потребности частного бизнеса в логике общественного разделения труда), не стремился дать «хлебное обучение» (Фридрих Шеллинг), то есть не быть прямо ориентированным на профессиональную подготовку кадров и на получение компетенций, обеспечивающих место в наличной системе разделения труда, но сформировать субъекта как члена гражданского общества национального государства, твердое ядро Модерна. Успех данной стратегии проявился, по нашему мнению, в разнообразных заимствованиях из немецкой модели университета, а также в общественном резонансе немецкой философской мысли в целом и марксистской концепции в частности. Их значение для первых поколений русских революционеров несомненно. Русское переосмысление и аппликация социализма не могли быть совершены без философской пропедевтики немецкой школы.

В ситуации Модерна классические факультеты (высшие и низший) немецкой модели университета, в формулировке еще И. Канта, являли собой механизм управления институтами Модерна как процесс создания специфической модели субъективности: «По заведенному обычаю факультеты делятся на два класса; на три высших факультета и один низший. Ясно, что этим делением и наименованием мы обязаны не сословию ученых, а правительству, ибо к высшим факультетам отнесены только те, учения которых интересуют само правительство, независимо от того, сформулированы ли они так или иначе и следует ли их налагать публично; факультет же, который должен заботиться только об интересах науки, назван низшим, ибо он может обращаться со своими принципами, как он считает нужным. Правительство же интересуется прежде всего тем, при помощи чего оно может оказать наиболее сильное и длительное влияние на народ, а именно таковы предметы высших факультетов. Вот почему правительство сохраняет за собой право самому санкционировать учения высших факультетов; учения же низшего оно предоставляет собственному разумению ученых. Но хотя правительство санкционирует учения, однако само не учит, а желает лишь, чтобы некоторые учения были приняты соответствующими факультетами для публичного изложения, а учения, противоречащие им, были ис-

ключены. В самом деле, правительство не учит, а лишь отдает распоряжения тем, кто учит». ⁷ Данная форма социального регулирования предусматривала управление государством разума через формирование класса образованных людей и через их «исключительное право на определенную свободную деятельность». ⁸ Особая роль уделялась регулятивной идее автономии сознания, призванной управлять не через техники тела (на что больше была ориентирована педантичная система французского обучения), а способом воспроизводства граждан, через контроль их стиля мышления.

Такое тиражирование дисциплинарных и дискурсивных практик является более-менее общим для всех социальных структур Модерна. Их советские вариации не могли не иметь свои особенности.

После Октябрьской революции, совершенной партией большевиков, в стране большой процент населения был безграмотным. Хотя они и сумели прийти к власти в Октябрьском перевороте, но ее члены частично были сожраны самой революцией, частично пали уже в процессе самореорганизации партийной номенклатуры. Была совершена широкая эмиссия представителей нового управляющего слоя партийной номенклатуры, которые «учились диалектике не по Гегелю» (Владимир Маяковский). Большевики, присоединившиеся к партии после революции, были не теоретиками, изучающими социализм по работам классиков, но бойцами, изучавшими перипетии классовой борьбы в процессе воин и построения самого советского государства. Так, что число людей, прошедших путь «развития социализма от утопии к науке», ⁹ стремительно уменьшалось. Новая номенклатура стала социальной основой формирования дисциплинарных практик по-советски. Ее членов, не прошедших в большинстве тренингов дискурсивных практик, также не смущало наличие еще нескольких важных организационных парадоксов (кроме прочего уже упомянутые парадоксы многонационального государства и тотальность партии). Они также повлияли на становление дисциплинарных практик Советского Союза.

За счет роли скрепы всего советского общества в системе единства управления материального и социального производства партийная бюрократия не смогла стать той «рациональной» иноформой, которую описывал М. Вебер. В западном мире материальное производство контролировалось в то время частным бизнесом. Дифференциация между социальным и материальным производствами являлась более четкой в западных обществах и имела автономные организационные формы через дифракцию гражданского общества и борьбу политических сил. Советская бюрократия, сросшаяся с партийной номенклатурой и дублируемая последней, не имела таких организационных фильтров. Поэтому инструментом управления самой бюрократии (через самоуправление партноменклатуры) в ситуации возможности манипулирования показателями социального развития стала система

производства страха не как контроля сознания над телом, а как непосредственного физического насилия и идеологической формы принуждения, а также распределения материальных и социальных благ как инструмента поощрения. Пока угроза уничтожения со стороны внешних врагов советской системы была преобладающей, страх уничтожения внутри системы отдельных ее членов был вторичен. Тем самым для представителей бюрократической структуры формы власти не имели показателей дисциплинарных практик классического Модерна. Следовательно, идеология для воспроизводства структуры самой бюрократии имела внешний характер, то есть была инструментом управления, но не самоорганизации, поскольку страх прямого физического насилия и тем более уничтожения принципиально является немодерной составляющей управления, имеющей характер личной зависимости. Такой тип зависимости, увеличенный системой распределения госкапиталистического типа, а также новыми средствами непосредственного общения между лидером и управляемыми массами, собственно и производит культ личности.

Все эти средства личных отношений уменьшали значение институционального типа управления, характерного для Модерна. Тем более тот сложный характер дискурсивных практик, что был необходимой характеристикой самовоспроизводства западной элиты и институционального типа управления, оказался невостребованным в советской системе, дублированной партийными структурами с их склонностью к ручному управлению и личной зависимости. Интеллектуальная элита последовательно вытеснялась и самовытеснялась из бюрократических структур, а потому изначально системой была обречена на диссидентский характер самовыражения.

Также была сложная ситуация в художественной сфере производства. В условиях госкапитализма рынок символической продукции мог функционировать только в очень сжатом виде и то подпольно. В борьбе тенденций XX века – политизации эстетики и эстетизации политики – формально выигрывала первая. Прямой контроль той же системы управления страхом и распределением превратили идеологическую составляющую искусства в прямую пропаганду в большинстве случаев. Хотя многие образцы советского искусства заслуженно нашли мировое признание. Но общая масса художественной продукции была компромиссом между пропагандой и потреблением масс. Тенденция индустриализации культуры была доминирующей, но это не отрицает наличия высоких образцов культурофикации индустрии в советских практиках, которые служили как гуманизации советского общества, так и формированию эстетической диспозиции в этой среде, а, следовательно, формированию культурного капитала новой элиты. Отсутствие значительной исторической дистанции и уменьшение социальной мобильности во властных структурах (особенно после Второй мировой войны) обусловили слабый уровень и внешний характер интеграции носителей и производителей

культурного капитала в партийные структуры. Тем самым практики высокой культуры (дискурсивные составляющие университетского образования и искусство) были противопоставлены массовой индустрии развлечений или художественному оформлению псевдонациональной культуры. Образцы массовой культуры или брались с запада, или тиражировались по западному образцу даже при внешнем идеологическом флере. Все эти опции стали интегративными составляющими «изобретения традиции» советского патриотизма как псевдоидеологии многонационального государства. Принуждение делать стереотипную художественную продукцию так же негативно настраивало производителей художественного поля. Соответственно, они еще больше нуждались в партийном контроле. Такое сопротивление стало основой той инициативной роли, которая сыграла интеллигенция в распаде Советского Союза и организации национальных государств в формате Содружество Независимых Государств. Этот момент безусловно важен для «изобретения традиции» уже постсоветского украинского независимого государства.

В многочисленном рабочем классе, порожденном практикой советской индустриализации, господствовали стандартные практики трудовой дисциплины. Они были характерны для всего индустриального мира: материальные факторы – ускорение ритма конвейерного производства, фреймы паноптикума, а также культурные индустрии массовой культуры. Самыми добровольными участниками этого процесса оказались представители многочисленного крестьянства, которые видели в мире индустрии большие перспективы социального лифта. Тем самым наличие большого количества представителей класса крестьянства, вливающегося в ряды рабочих и довольного своим положением, а также реальная угроза войны, служили помощниками классических дисциплинарных практик организации рабочего класса. Кроме того, массовая безграмотность как наследие аграрной российской империи и необходимость ее ликвидации в условиях индустриализации стали важным условием социального воспроизводства СССР, который срабатывал не на уровне практик дискурса, но на уровне дисциплинарных практик.

Коммунистическая идеология, которая служила аналогом национального патриотизма в классическом Модерне, плюс обещание светлого будущего в советской перспективе, являлся комплексом специфицирующим такой вариант духовной культуры. Коммунистическая идеология как технология культурной индустрии внешне контрастировала с развлекательными стратегиями массовой культуры. Парадоксальным образом форму моральной мотивации элиты пытались тиражировать на более широкий слой населения. Хотя, безусловно, мобилизационный потенциал такого типа мотивации дал довольно успешный результат, без которого невозможно объяснить многие благоприятные моменты советской истории.

Технологии сетевого вещания, формирование установок общества массового потребления (через дедифференциацию потребления материального и демонстративного) и глобальный тип культурной индустрии окончательно вывели из-под контроля сферы идеологии одномерного человека в Советском Союзе. Кроме того, отречение управленческой бюрократии от пропагандируемой идеологии после Второй мировой войны становилось все более очевидным и еще больше повышало пассивность представителей массовой культуры.

Отдельно следует упомянуть, что на телекоммуникационном этапе развития культурной индустрии, характерной для второй половины двадцатого века, вербальные практики начинают вытесняться визуальными. Если радио и коммуникационные формы псевдоидеологии общественных собраний имели более-менее адекватным способом воплощения в вербальных практиках (тут содержание коррелировало с формой), то при телетрансляции тех же советских идеологем форма воплощения начала отрываться от содержания и даже противопоставляться последнему. Доминанта визуального в телепространстве диктует собственную логику организации содержания, упрощая и передергивая его по собственному образцу. Поэтому достаточно сложное знаково-организованное содержание советской идеологии начало проигрывать еще и по этому параметру.

«Колеблющийся курс партии» потерял связь с ритуально организованными практиками разнообразных субкультур советского общества. Парадоксально, но по логике организации культурных практик последние оказались ближе западным технологиям потребления и развлечения и даже разнообразные культурные продукты китайского социализма, также ритуально организованные. Западная культура на пути от общества спектакля сумела интернализировать не только операционные издержки, но и производство человека в целом в логике глобальной культурной индустрии. В целом развал Советского Союза был неизбежен после его отставания в логике модернизации по этим двум базовым параметрам интернализации издержек производства, калькуляризованных и интернализированных при американском цикле накопления и гегемонии.

Украинский вариант постсоветской практики строения государства имеет следующие тенденции. Рыночная модель воспроизводства рабочей силы (отсутствие персонализированного насилия) и возможность миграции уравнивают социальную стабильность для представителей массовой культуры украинского общества. Кроме того, аграрная ориентация Украины и сельский тип жизни в основном еще сохраняется в большинстве регионов. Даже если сельские жители не задействованы в аграрной сфере, то все равно урбанистические перспективы даже в украинском варианте, а тем более западном, являются для них возможностью улучшить свой социальный статус и объем потребительской корзины. А также натуральное хозяй-

ство полуселян с его внутренними механизмами самопринуждения сокращает размер требуемой минимальной заработной платы. Наоборот, деиндустриализация Украины ударила по жителям восточных районов, чем собственно и вызван региональный перекося, а тем самым – необходимость усиления социального контроля в восточных регионах.

Управленческая элита, которая подпитывается перепродажей ресурсов и активов государства, имитирует свою причастность к бизнесу. Но вне распределения средств бюджета не имеет основания для сохранения своего даже экономического статуса, не говоря уже о правовой стороне дела. Рынок играет роль контроля только на уровне бизнеса ниже среднего. Накопление значительного капитала связано только с распределением и перераспределением.

Население в ситуации тотальной деиндустриализации остается одним из главных ресурсов власти. Массовая миграция приобрела такие масштабы, которые пугают уже Польшу. Последняя боится остаться без территориального буфера между ней и Россией.

Таким образом, актуальное основание единства советских и постсоветских культурных практик состоит в том, что они являются двумя вариантами преодоления модернизации как главного вектора цивилизационного развития европейского Запада. В данном случае модернизация понимается как интенсивная «форма культурной дифференциации»,¹⁰ по определению британского ученого Скотта Леша. Отличие советской и украинской форм демодернизации производно от различия их форм дедифференциации культурных практик как общего знаменателя и кратко может быть сформулировано так: они отличаются способом распределения общественных благ. Если Советский Союз ориентировался на вектор индустриализации через логику госкапитализма, то постсоветская Украина является производной от деиндустриализации в разнообразных проекциях.

Роль украинской политической элиты состоит в том, что:

Она остается наследницей советской системы в плане властного перераспределения ресурсов (дедифференциация экономики и политики). Последний является главным способом воспроизводства элиты.

Но, тем не менее, украинская политическая элита выступает субъектом новой национальной идентичности в логике противостояния российской аннексии. Тем самым, идеология, в данном случае как национальному варианту гражданского самосознания, остаётся базовым инструментом управления гражданского общества (прежде всего широкого слоя патриотически настроенной интеллигенции). В ситуации глобализации украинское общество сориентировано не на догоняющую индустриализацию с ее идеологией мультинационального государства, а на формирование национальной

идентичности, что парадоксальным образом формируется через технологии «глобальных культурных индустрий»¹¹ (термин Скотта Леша) в условиях растворения национальных государств, в ситуации глокализации и даже разрушения западной гегемонии. И последние являются определяющими факторами «изобретения традиции» украинским обществом.

Различными являются также способы вписания советского и украинского государств в международные отношения, не только по параметрам политических и экономических отношений, но и по принципам организации базовых практик. Политические субъекты требуют дифференциацию политики от других социальных сфер, а в условиях дедифференциации они претендуют выглядеть политическими, но все меньше таковыми являются по способу функционирования. Если Советский Союз вписывался в логику социальных структур на основании принципа институциональных иерархий, то Украина существует в условиях доминирования сетей и потоков, что не могло не повлиять на логику организации политических субъектов.

Тем самым, приверженность идеалам модернизации и даже определенным чертам ее советского воплощения (через распределение как базовый механизм внутри элитного самовоспроизводства и мобилизационный успех гражданской активности населения, что имеет свой эффект в условиях более непосредственных форм медиакратии) остается базовой формой организации дисциплинарных практик современного украинского политикума. Тогда, как экономическая форма зависимости преобладает в контроле за основной массой населения в украинском постсоветском обществе. Поскольку в логике деиндустриализации внутренний рынок труда не функционирует, такая форма контроля вписывает украинцев в европейский рынок труда, а также обуславливает соответствующую модель образования.

Данное исследование является попыткой краткого описания факторов формирования базовых советских культурных практик, логики их функционирования и трансформации в постсоветский вариант украинского общества. По нашему мнению, объемы работы позволяют лишь тезисно перечислить основные факторы, . Данные выводы неокончательны, требуют объяснения и верификации, а также выявления связей в более широком контексте. Перспективным в данном контексте было бы исследование корреляции режимов культурного производства со способом сигнификации.

ССЫЛКИ

- 1 См.: Carl Friedrich and Zbigniew Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965).
- 2 Джованни Арриги, *Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени* (М.: Территория будущего, 2006), 202.
- 3 См.: Мишель Фуко, *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* (М.: «Ad Marginem», 1999).
- 4 Джованни Арриги, *Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени* (М.: Территория будущего, 2006), 239.
- 5 Там же, 311.
- 6 Eric Hobsbawm, *The Invention of Tradition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983), 1.
- 7 Иммануил Кант, *Спор факультетов* (Калининград: КГУ, 2002), 50.
- 8 Иоганн Г. Фихте, «Замкнутое торговое государство», Иоганн Г. Фихте, *Сочинения в двух томах*, т. 2, (С.-П: Мифрил, 1993), 282.
- 9 Фридрих Энгельс, *Развитие социализма от утопии к науке*, последнее посещение 08.05.2019, <https://www.politpros.com/library/28/284/>.
- 10 Скот Леш, *Соціологія постмодернізму* (Львів: Кальварія, 2003), 12.
- 11 Scott Lash and Celia Lury, *Global Culture Industry: The Mediation of Things* (Cambridge: Polity Press, 2007), 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арриги, Джованни. *Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего, 2006.

Кант, Иммануил. *Спор факультетов*. Калининград: КГУ, 2002.

Фихте, Иоганн Г. «Замкнутое торговое государство». Фихте, Иоганн Г. *Сочинения в двух томах*, т. 2, 225 – 358. С.-П: Мифрил, 1993.

Фуко, Мишель. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: «Ad Marginem», 1999.

Энгельс, Фридрих. *Развитие социализма от утопии к науке*.
Последнее посещение 08.05.2019.
<https://www.politpros.com/library/28/284/>.

Friedrich, Carl, and Brzezinski, Zbigniew. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965.

Hobsbawm, Eric. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Lash, Scott, and Lury, Celia. *Global Culture Industry: The Mediation of Things*. Cambridge: Polity Press, 2007.

Леш, Скот. *Соціологія постмодернізму*. Львів: Кальварія, 2003.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՕԼԵՆԱ ՊԱՎԼՈՎԱ / ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ԵՎ ՀԵՏԻՍՈՐՀՐԴԱՅԻՆ
ՊՐԱԿՏԻԿԱՆԵՐՆ ՈՒԿՐԱԻՆԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ.
ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ՏՐԱՄԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ, ԳՈՐԾԱՌՄԱՆ ԵՎ
ՓՈԽԱԿԵՐՊՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱԶԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆԸ

Բանալի բառեր – Ուկրաինա, մշակութային պրակտիկաներ, խորհրդրդայինը, հետխորհրդայինը, կազմակերպում, ապատարբերակում:

Հոդվածը կենտրոնանում է ուկրաինական հասարակությունում մշակութային պրակտիկաների գործադրման տրամաբանության վրա՝ ըմբռնելով խորհրդային և հետխորհրդային հեռանկարներից: Առաջադրված հեռանկարները քննարկվում են ոչ միայն որպես ժամանակագրական, այլ նաև կազմակերպչական պարամետրեր: Այս համատեքստում երկու հեռանկարների միասնությունը դիտարկվում է որպես արդիականացման վեկտորի խորհրդային և հետխորհրդային տարբերակների վերակազմավորում: Տարբերությունն առաջանում է ապատարբերակման հիման վրա արդի կարգի վերակազմակերպման ուղու մեջ: Հաշվի են առնվում Ռուսական կայսրության անցյալը, դրա ազդեցությունը խորհրդային մշակութային պրակտիկաների վրա և վերջիններիս փոխակերպումը: Այս համատեքստում հիմնական պարամետրը կրթական կանոնի ստեղծումն է (համալսարանի գերիշխող գերմանական մոդելի միջոցով)՝ որպես ռուսական և խորհրդային արդիականացման առաջատար ձև: Խորհրդային և հետխորհրդային պրակտիկաները բնութագրվում են՝ հաշվի առնելով «կյուրական – սոցիալական – հոգևոր», ընտրախավայինի և զանգվածայինի, արտադրության և սպառման փոխազդեցությունները: Այս բոլոր գործոնները դիտարկվում են զանազան խմբավորումների, տարբերակման և ապատարբերակման տրամաբանության մեջ՝ համաձայն արդիի և ոչ արդիի հարաբերակցության ամենանշանակալի ձևերի:

SUMMARY

OLENA PAVLOVA / SOVIET AND POST-SOVIET PRACTICES IN
UKRAINIAN SOCIETY. THE LOGIC OF ORGANIZATION, THE
SPECIFICITY OF FUNCTIONING AND TRANSFORMATION

Keywords: Ukraine, cultural practices, the Soviet, the post-Soviet, organization, dedifferentiation.

The article focuses on the logic of the implementation of cultural practices in Ukrainian community from the Soviet and post-Soviet perspectives. The proposed perspectives are considered not only as chronological parameters, but also as organizational ones. In this context, the unity of both perspectives is regarded as a reorganization of the vector of modernization in the Soviet and post-Soviet versions. The difference emerges in the way of reorganization of modern order on the basis of dedifferentiation. The past of the Russian Empire, its influence on Soviet cultural practices and their transformation are taken into account. The basic parameter in this context is the creation of the educational canon (through the dominant German model of university) as the leading form of Russian and Soviet modernization. The Soviet and post-Soviet practices are described, taking into account the interaction of “the material – the social – the spiritual,” the elite and the mass, production and consumption. All these factors are considered in various constellations, in the logic of differentiation and dedifferentiation, according to the most significant forms of the ratio of the modern to the non-modern.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Елена Павлова – доктор философских наук, профессор кафедры этики, эстетики и культурологии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Получила степень доктора философских наук по специальности эстетика в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в 2009 году, степень кандидата философских наук по специальности философская антропология, философия культуры в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в 2003 году. Защитила диплом в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в 2000 году по специальности философия. Она преподавала в Национальном университете биоресурсов и природопользования Украины (Киев), прежде чем присоединиться к факультету Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Сфера научных интересов: эстетика, культурные исследования, визуальная культура пост-модерна. Публикации посвящены темам неклассической эстетики, визуальным практикам войны и сферы образования, а также исследованию способов их сигнификации.

Елена Павлова (Украина) / invinover19@gmail.com

ОТ ИМПЕРИИ К
НАЦИОНАЛЬНОМУ
ГОСУДАРСТВУ:
МОЛДОВА ОТ
ПЕРЕСТРОЙКИ К
НЕЗАВИСИМОСТИ
(1985 – 1991)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молдова, СССР, Перестройка, независимость, неформальные организации, кризис коммунизма.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1980-х годов для многих иностранцев Молдавская ССР казалась более спокойной республикой по сравнению с другими союзными субъектами. Последовавшие годы перестройки полностью опровергли это восприятие. Как это могло случиться, какие факторы и личности сыграли ведущую роль в этих изменениях? Реформы, предпринимаемые Михаилом Горбачёвым начиная с апреля 1985 года, в кратчайшие сроки взбудоражили все советское общество и Молдавию, в частности. До 1989 года не могло быть и речи об обретении независимости: все дискуссии об этом или о воссоединении с Румынией были запрещены и подавлены КГБ.¹ Путь к независимости был проложен официально Декларация о суверенитете, принятой 23 июня 1990 года Верховным Советом республики. Независимость была торжественно провозглашена 27 августа 1991 года, после провала антигорбачевского путча в Москве и провозглашения несколькими днями ранее независимости Украиной. В этом плане, прослеживается параллель с отделением от Российской империи в 1917 – 1918 гг. – вначале Украина объявила себя независимой республикой, а затем тот же путь проделала Бессарабия.

Когда перестройка началась, обязанности первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической Партии Молдавии исполнял Семён Гроссу, заступивший на этот пост в 1980 году. Вторым секретарём ЦК КПМ с 1984 года был Виктор Смирнов, русский по национальности, который в 1987 году был заменён Вячеславом Пшеничниковым, представителем той же национальности. С. Гроссу был преемником Ивана Бодюла, который руководил республикой с 1961 года и проводил политику маргинализации молдавской элиты, воспитанной в традициях общности румынской культуры и языка.² Гроссу продержался у власти до ноября 1989 г., будучи заменённым Петру Лучинским, бывшим до этого вторым секретарём ЦК Компартии Таджикистана. Новый лидер молдавских коммунистов сумел деблокировать политический кризис и инициировать диалог с Народным фронтом Молдовы (НФМ). Несколько недель раньше, в октябре 1989 года НФМ был легализован постановлением Совета Министров МССР, став важным актором политической жизни республики и основным конкурентом Компартии Молдовы. К провозглашению независимости 27 августа 1991 года у Молдовы уже был новый государственный флаг (27 апреля 1990 г.) и герб (3 ноября 1990 г.). На протяжении короткого периода времени республика вступила в целый ряд важных международных организаций. Независимость Молдовы сразу же была признана Румынией и Австралией. Россия, государства СНГ, ЕС и США признали независимость Молдовы в последующие месяцы. Вопреки ожиданиям, независимость не принесла автоматического улучшения уровня жизни рядовых граждан. Напротив, обострился экономический и социальный кризис, а также кризис идентичности молдавского общества.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Для лучшего понимания того, что происходило в последние годы существования СССР и специфики развития МССР в период, предшествовавший независимости, необходимо вспомнить об этнической составляющей населения, соотношении город – село, о межэтнических отношениях, языковой ассимиляции и о роли титульной нации в различных областях, особенно в политической и экономической.

Между тем не ухудшение межэтнических отношений явилось причиной распада советской империи,³ хотя, несомненно, этно-национальный фактор был катализатором дезинтеграции советского государства. Согласно последней советской переписи населения 1989 года, население МССР составляло 4 млн. 337 тыс. человек, из которых 2 млн. 36 тыс. (47%) было сосредоточено в городской местности, а 2 млн. 301 тыс. (53%) – в сельской. К этому времени МССР была наименее урбанизированной европейской республикой Советского Союза, меньше, чем Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина и Россия. Показательным в советском дискурсе эмансипации национальностей является то, что в общем составе городского населения МССР в 1989 году молдаване/румыны были урбанизированы лишь на 25%, в то время как русские – на 80%, евреи – на 98%, украинцы – на 45%, цыгане – на 56% и т. д.⁴ По этническому показателю – 2 млн. 795 тыс. (64,5%) составляли молдаване/румыны, по сравнению с 65,4% в 1959 году. Это вопреки тому, что уровень рождаемости молдавского населения был самым высоким среди советских европейских республик – примерно 20%⁵ – следовательно, должен был возрастать, а никоим образом не снижаться.

Можно было бы сослаться на тот факт, что многие из молдаван, особенно начиная с 1970 года, уезжали в поисках лучше оплачиваемой работы в Сибирь, и это оказывало влияние на отмеченный выше феномен. Однако, большинство из уезжавших всё же возвращались обратно через несколько лет своей «сибириады», и на заработанные деньги строили себе современные дома, обзаводились хозяйством, как правило – в сельской местности. Благодаря советской демографической политике и высокой рождаемости молдавского населения в 1989 году плотность населения в Молдове составляла 128,3 чел. на один квадратный километр, в сравнении со 105,6 чел. в 1970 году, занимая по этому показателю 1-е место в Советском Союзе и имея самую большую плотность населения в Европе.⁶

Этнические меньшинства составляли 35,4% от общей численности всего населения. Наибольшей была численность украинцев (13,8%) и русских (13%), затем следовали гагаузы (3,5%), болгары (2%), евреи (1,5%), цыгане (0,3%) и другие. В 1989 году 95,4% «молдаван» сохраняли родной язык. 1,7% из 4,6%, сменивших первоначальную лингвистическую принадлежность, сохраняли в дальнейшем родной язык как

второй язык общения. Численность знающих русский язык поднялась в 1989 г. до 53,3%. Другие 0,5% заявляли, что знают и другой язык, помимо русского, наряду с родным языком.⁷

Это означает что массовая политика русификации, в смысле полной ассимиляции молдаван с так называемым «советским народом», с русским языком и культурой, потерпела крах. Однако, стоит заметить, что во время советской власти произошло глубокое изменение ментальности и психологии молдаван, они стали более уязвимы перед властью, потеряли личную инициативу, потому что очень часто за это наказывали и т. д.

ПОСЛЕДСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И РОЛЬ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ

Влияние советской национальной политики очень сильно было ощутимо в МССР в последние годы существования республики, но и длительное время после 1991 года. Точнее, речь идет о том, что ввиду внесения изменений в румынский язык, чрезмерного обогащения его славянизмами в ущерб латинским, французским и т. д. словам, произошли и существенные изменения менталитета и психологии молдаван/румын, процессе, подобный тому, что испытали румыны Баната⁸ и Трансильвании.⁹ Для бессарабцев же нахождение под иностранным господством было на много драматичней с точки зрения последствия идентификации в этно-национальном плане. Это произошло потому, что процесс русификации, начавшийся ещё в 1812 году, был подкреплён после 1940 – 1944 г. идеологической доктриной, пытавшейся доказать некую логичность и обоснованность этнической ассимиляции. В этом смысле, одной из составляющей в коммунистической идеологии, в русском варианте, была советизация,¹⁰ процессе более всеобъемлющий, нежели русификация, так как предполагал не только изменение этнической идентификации, культурных ценностей, но и формирование человека нового типа во всех отношениях. Подобное могло явиться разрушительным для сознания и солидарности общности, которая не совсем чётко к 1944 г., осознавала свою этно-национальную идентичность.

Другой аспект межэтнических отношений, ускоривший углубление кризиса молдавского общества в период Перестройки, обусловлен удельным весом титульной нации и национальных меньшинств в составе Компартии Молдавии, в партийной номенклатуре и на руководящих постах в главных отраслях экономики. Так, в 1985 г. молдаване/румыны составляли 45,8% из общего числа членов партии, достигнув 48,2% в 1990г. Для сравнения, в предшествовавшие десятилетия доля молдаван в Компартии Молдовы была много ниже, нежели их доля в общем составе населения республики. К примеру, в 1944 г. они составляли лишь несколько процентов, в 1965 г. – уже 35%, и лишь

только в 1978 – 1979 г. превысили 40%. В то же время доля русских в КПМ снижалась с 30% в 1965 г. до 25,9% в 1979 г. и затем до 23,4% в 1985 г. и до 22% в 1990 г. Такая же нисходящая динамика отмечалась и среди украинского населения МССР; их доля в рядах членов КПМ снизилась с 23,2% в 1965 г. до 21,1% в 1985 г. и до 20,6% в 1990 г.¹¹ В общем, партийная организация МССР насчитывала в 1986 г. 184,4 тыс. коммунистов, из которых 24,5% являлись чиновниками партийных и государственных органов, а также национальной экономики и образования.¹²

Такая продолжавшаяся местная кадровая политика просматривается из данных, отражающих динамику этнической составляющей в номенклатуре Центрального Комитета КПМ. В 1987 г. доля молдаван/румын в руководящих структурах Компартии Молдовы по Кишинёву и по республике составляла 54%, что было на 10% больше, чем в 1967 г. В то же время, с гендерной точки зрения, доля женщин на руководящих партийных постах на уровне районных и городских коммунистов составляла в 1986 г. 23% от общего числа коммунистов МССР.¹³ Что касается представительства в правительстве на уровне министров, заместителей министров, председателей комитетов и руководителей департаментов, молдаване/румыны составляли в 1984 г. 48%, увеличившись более чем на 10% в сравнении с двумя предшествовавшими десятилетиями. При всём этом главные должности, такие как председатель Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров МССР, или министр внутренних дел и другие высокие посты, связанные с кадровой политикой, занимали русские или украинцы, преданные политике Москвы, в ущерб интересам местного населения. С другой стороны, молдаване/румыны явно подвергались дискриминации в качестве руководителей промышленных предприятий МССР. В 1984 г. они составляли лишь 8,6% в сравнении с 2,3% в 1964 г. В то же время молдаване/румыны были более всего представлены в качестве председателей колхозов и директоров совхозов, где доля их в 1984 г. составляла, соответственно, 70,3% и 68,8%.¹⁴

В 1985 когда началась Перестройка, казалось, что молдаване потеряли навсегда свое национальное достоинство и не могли организовываться в деле защиты своих национальных прав. Однако, как показали последующие события, ситуация стала быстро меняться с горбачевской гласностью и уменьшением давления партии и КГБ на инакомыслящих.

ПЕРЕСТРОЙКА И СУДЬБА ДИССИДЕНТОВ

Статистические данные частично объясняют напряженность, возникшую в молдавском обществе во времена перестройки, которая увенчалась провозглашением независимости Республики Молдова 27

августа 1991 года. Как уже было сказано выше, демократизация молдавского общества стала возможной благодаря Перестройке, принятой М. Горбачевым в апреле 1985 г. Новый советский лидер, родившийся после Октябрьской социалистической революции 1917 г. и получивший образование в период развенчания сталинизма, принял ряд реформ, призванных упрочить советское государство, с одновременным сохранением партийного диктата в обществе, но в дальнейшем отказался от этой идеи. Это, однако, не означало ещё отказа от политического надзора за неблагонадёжными личностями, которые, как правило, находились в изгнании (как известный русский диссидент, академик Андрей Сахаров, сосланный из Москвы в город Горький и подвергнутый домашнему аресту до декабря 1986 г.) или были насильно госпитализированы в психиатрические больницы.

В МССР такой особый случай был в отношении инженера Георге Давида, которого подвергли психиатрическому лечению из-за того, что он осмелился критиковать внешнюю политику Советского Союза и национальную политику Горбачева. Давид был арестован в 1986 г. и освобожден лишь в 1988 г., вследствие акций протеста ряда международных организаций по защите прав человека, а также предпринятой информационной кампании, среди которой особо выделялась поддержка радиостанции Свободная Европа.¹⁵

Судьба Сахарова на всесоюзном уровне, а также в большей мере Давида в Молдавии представляет Перестройку Горбачева в другом ракурсе. С одной стороны, Перестройка дала возможность интеллектуалам и обычным гражданам свободу слова, однако процесс, начатый Горбачевым, был противоречив постольку, поскольку партия старалась дальше контролировать общество. Поэтому, до 1989 – 1990 гг. отношение власти и особенно КГБ к диссидентам претерпело мало изменений.

КОМПАРТИЯ МОЛДАВИИ И ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА

В МССР в этот период с 1985 по 1989 г. у руководства был первый секретарь ЦК КПМ Семён Гроссу, назначенный на эту должность пятью годами ранее вместо его предшественника Ивана Бодюла. Гроссу был представителем прежних элит, приближенных к поколению Брежнева и Бодюла, считавший, что обществу не нужны радикальные реформы как на политическом и экономическом уровнях, так и на культурном и этно-национальном. 1988 год явился поворотным, когда и в МССР начинает ощущаться Перестройка. На VII Пленуме ЦК КПМ в январе 1988 г. довольно чётко обозначилась идея, согласно которой политическая реформа не могла быть осуществлена без экономического реформирования, в смысле без введения отдельных элементов рыночной экономики. Эта новая платформа КПМ была

объявлена в ноябре 1988 г. так называемыми тезисами «Перестройку – через конкретные дела», которые разработали Семён Гроссу – первый секретарь ЦК КПМ, В. Смирнов – второй секретарь ЦК КПМ, Иван Калинин – Председатель Совета Министров МССР, Александру Мокану – Председатель Верховного Совета МССР, а также ряд других высокопоставленных государственных и партийных чиновников, которые управляли в то время судьбой республики. Многие из них одобряли Перестройку больше формально, нежели являлись ее энтузиастами. К примеру, в этих тезисах приводились коммунистические догмы периода застоя, такие как «укрепление единства советского народа», соблюдение контроля ЦК КПМ в интеллектуальной области, сохранение кириллического алфавита «молдавского языка», сохранение русского языка в качестве языка межнационального общения, необходимость консолидации, «дружбы народов» и т. д. Тезисы КПМ были подвергнуты жесткой критике даже коммунистами на различных партийных собраниях, в печати, на митингах.¹⁶

Помимо этого, даже дополнительно не говорилось о том, о чём иногда с опасением шла речь в молдавском обществе, а именно – о необходимости восстановления в правах румынского языка, возвращении к латинскому алфавиту, запрещенному в 1941 г., о критике сталинизма, о голоде 1946 – 1947 гг., о массовых депортациях, как и о множестве «ошибок» и нарушений прав человека в период застоя.

Хотя Компартия Молдавии выдвинулась по сравнению с Компартиями других республик своей консервативной позицией по отношению к экономическим реформам, языковой проблеме и протестной волне молдавского общества, она не смогла продержаться, долго игнорируя новые вызовы времени.

ВОССОЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: «НЕФОРМАЛЬНЫЕ» ОРГАНИЗАЦИИ

На этом фоне началось массовое снижение доверия к Центральному Комитету Коммунистической Партии Молдовы. Этот процесс продолжался и в дальнейшем, в контексте отказа руководства КПМ сотрудничать с «неформальными» организациями, и особенно в пренебрежении всё более решительным общественным мнением об утверждении румынского языка (называемого тогда еще «молдавским» языком) в качестве государственного. Первой организацией, названной «неформальной» (то есть официально не зарегистрированной, но терпимой властями), было литературно-музыкальное объединение им. Алексея Матеевича, созданное 15 января 1988 г., в день рождения Эминеску, величайшего румынского поэта (и молдавского, как говорилось тогда). Дата избрана совершенно не случайно. Главным лидером объединения был Анатолий Шалару,

медик по профессии, при участии молодёжи и студентов различных кишиневских вузов. Первоначально собрания проходили на Алее Классиков в парке им. Пушкина в Кишинёве, в настоящее время он называется парком им. Штефана Великого. В дальнейшем любимым местом стал Зелёный театр на Комсомольском озере, более вместительный и не такой заметный и раздражительный для властей.¹⁷ Первоначально эти манифестации посещали и высокопоставленные государственные и партийные лица, которые казались воодушевлёнными происходящими событиями. Однако в последствии некоторые из них осуждали это объединение на страницах газет «Moldova socialistă» и «Советская Молдавия» считая, что его деятельность носит националистический характер (это случилось, например, с заместителем министра народного образования Симеоном Мустяцэ).

Было множество публикаций в газетах того времени об атмосфере, доминировавшей на собраниях, проходивших под эгидой литературно-музыкального объединения им. Алексея Матеевича. К примеру, писатель Влад Збырчог спрашивал: «Какова платформа, продвигаемая этой молодёжью, объединённой общими идеалами?». «О чём говорится, что дискутируется, о чём поётся на этих молодёжных спектаклях? – вопрошал писатель, и отвечал. – О проблемах духовной жизни республики, о боли земли предков, перенасыщенной и зараженной кто знает, сколько лет тому подряд пестицидами, о человеческих условиях в подобной обстановке, о проблеме родного языка, о книгах и словарях, отсутствие которых остро ощутимо. И все эти печали, сетования, – продолжал Влад Збырчог, – передаются полемическими поющими строфами, плачем гитарных струн, и это бережит душу, пробуждает самосознание. Никогда прежде человеческая душа не испытывала такого раскрепощения».¹⁸ Эти комментарии очень живо передают атмосферу времени и то, что волновало рядовых людей, в том числе и проблема окружающей среды, экологические бедствия в Молдове, последствия экспериментов с различными химическими препаратами. Проблемы, связанные с экологией и русификацией языка, кстати, были обсуждены раньше, например, на встречах организованных Союзом Писателей с Ионом Друцэ в июле 1987 г.¹⁹

Другой «неформальной» организацией, заслугой которой было инициирование нового этапа Перестройки, завершившейся независимостью Молдовы от Советского Союза, было Демократическое движение в поддержку перестройки (ДДПР). Один из первых документов ДДПР был утвержден 24 августа 1988 г., из которого следовало, что программа этого движения не ставит чётко проблему независимости, а движение выступает в поддержку решений советского руководства Москвы во главе с Михаилом Горбачевым. Таким образом, ДДПР поддерживало лозунг «Вся власть – Советам» на ос-

нове демократизации избирательной системы, «существенного улучшения самоуправления в трудовых коллективах», «переход МССР к полному самоуправлению», выступало за введение молдавского гражданства, затрагивая и проблему «политического суверенитета МССР», но «в составе СССР». Из выдвигаемых культурно-национальных требований явно отмечалась необходимость «улучшения условий для развития национальной молдавской культуры, возвращения социальных функций молдавскому языку, обеспечения реальной культурной автономии всем народам и этническим меньшинствам, совместно проживающим в Молдавской Советской Социалистической Республике».²⁰

В дальнейшем, посредством слияния объединения им. Матеевича, Движения в поддержку Перестройки, а также и других организаций, в том числе и Ассоциации историков, 20 мая 1989 г. будет создан Народный Фронт Молдавии.²¹ Программа НФМ больше походила на программу политической партии, так как многие из его членов, в том числе и в руководстве, включая председателя Иона Хадыркэ, в то же время были и членами КПМ, но только формально.²² Кстати, Хадыркэ объявил уже в конце июля 1989 года, что НФМ ставит перед собой задачу контролировать КПМ и советские органы.²³

Это говорит о том, что если в начале партия контролировало и даже инициировало создание неформальных организаций, со временем последние становились автономными и в конце концов независимыми от партии и даже стали выступать против монополии КПСС на власть, что являлось самым радикальным вызовом для существования коммунистического режима.

ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА

Вследствие прессинга общественного мнения и двух «неформальных» организаций – объединения им. Матеевича и Движения в поддержку Перестройки – в июне 1988 г. Верховный Совет МССР создал Межведомственную Комиссию с целью разработки предложений по вопросу издания закона о государственном языке. Особое влияние над общественным мнением в контексте декларирования румынского языка государственным сыграло опубликование нескольких манифестов, например В. Мындыкана,²⁴ письмо 66 интеллектуалов и т. д.²⁵ В состав этой Комиссии были включены многие писатели, деятели культуры Ион Чокану, Андрей Лупан, Григоре Виеру, Николае Дабижа, Михай Чимпой, лингвисты Силвиу Бережан, Николае Маткаш, Александру Дырул, историк Антон Морару, а также лица из государственного и партийного аппарата Думитру Зиду, Федор Ангели (гагауз), Александру Мокану (председатель Верховного Совета МССР) и другие. На основе разработанных предложе-

ний, 28 декабря 1988 г. были утверждены ряд рекомендаций в отношении государственного языка МССР, была установлена идентичность языков, на которых говорят в МССР и в Румынии, а также отмечалась необходимость перехода к латинской графике. В начале 1989 г. Верховный Совет МССР утвердил несколько решений, которые предвосхищали продвижение новых лингвистических законов августа – сентября 1989 г.: «О подготовке проектов законов МССР о функционировании языков на территории МССР» (25 января 1989 г.), «О статусе государственного языка МССР» (30 марта 1989 г.) и «О переходе письменности молдавского языка к латинской графике» (19 мая 1989 г.).²⁶ Несмотря на то, что большинство членов Комиссии пришли к заключению об идентичности «молдавского» и румынского языков, Семён Гроссу, первый секретарь ЦК КПМ, настаивал на их различиях и ещё более усложнял свой статус лидера республики. Более того, в контексте публичных дискуссий о необходимости принятия закона о языке, который восстанавливает в правах титульную нацию, имело место компрометирование не только лично Гроссу и тех, кто его поддерживал, но и того института власти, который он представлял – ЦК КПМ. Таким образом, центр принятия важных политических решений переместился из ЦК КПМ в Верховный Совет, авторитет которого резко возрос.²⁷ Место Семена Гроссу занял Мирча Снегур, секретарь ЦК КПМ по сельскому хозяйству, ставший председателем Верховного Совета, лидером МССР. Первоначально кандидатура Мирчи Снегура была апробирована Москвой, а в последствии поддержана местным руководством во главе с Гроссу и Калином (председателем Совета Министров). Таким образом, партия могла назначить своего представителя в качестве лидера национального движения. Кандидатура М. Снегура была одобрена и поддержана и Народным Фронтом Молдовы.²⁸

Это показывает, что даже если кандидатура нового молдавского лидера Снегура была результатом решения Москвы, советские центральные власти были обязаны считаться с мнением молдавской общественности. В конце концов, Снегур представлял компромиссный вариант, так как к нему относились сдержано, как Компартия Молдавии, так и неформальные, радикальные силы.

ВЫБОРЫ В СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Между тем в марте-апреле 1989 г. проходят выборы в первый Съезд народных депутатов СССР – первые полусвободные выборы в МССР. Значение выборов весной 1989 г. было в том, что представители «неформальных» групп смогли одержать верх в неравных условиях над высокопоставленными государственными и партийными лицами, в том числе и секретарями районных комитетов партии и представителями КГБ. В 10 из 16 избирательных участков, к которым они были

приписаны, члены НФМ и Движения в поддержку перестройки одержали полную победу, развеявшую миф о непобедимости Компартии Молдовы, разрушившую гегемонию партии в локальном плане.²⁹

Выборы в качестве депутатов представителей национального движения предоставили им дополнительные возможности для доведения своих идей до сведения широких масс, и не только на местном уровне, но и на союзном, тем более что все заседания первого Съезда народных депутатов СССР напрямую транслировались советским центральным телевидением. Среди депутатов «национальной партии», избранных на самый значительный советский форум эпохи, были Григоре Виеру, Николае Дабижа, Ион Друцэ, Антон Грэждиеру, Ион Хадыркэ, Петру Бубуруз, Думитру Матковски, Леонида Лари, Еуджен Дога и Михай Чимпой.

Результаты выборов в Съезд народных депутатов СССР показал наглядным образом, что КПСС уже не имеет монополию на власть и, таким образом, молдаванам удалось отправить в Москву людей, которым они доверили свою судьбу.

УТВЕРЖДЕНИЕ ЗАКОНА О ЯЗЫКЕ И РЕАКЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Знаменательным событием, которое своеобразно предваряло провозглашение независимости Республики Молдова двумя годами позднее, стало Великое Национальное Собрание в конце лета 1989 г. Великое Национальное Собрание было созвано 27 августа на центральной площади Кишинёва.³⁰ В нём приняли участие свыше 500 тысяч представителей со всех районов республики.

На нём был провозглашен национальный суверенитет МССР, официальный статус «молдавского» языка, переход к латинской графике, возвращение к триколору и национальной символике. 31 августа сессия Верховного Совета МССР принимает закон о статусе «молдавского» языка в качестве государственного.³¹ Это означало частичную победу движения за духовное и национальное возрождение МССР. Возврат к латинскому алфавиту и официальное признание румынского языка положили конец процессу, который длился почти полвека – создание молдавской нации, отличающейся от румынской, не только в политическом, но и в этнокультурном и этнолингвистическом смысле.

Принятие закона о языке в конце августа – начале сентября 1989 года спровоцировало серию болезненных реакций, которые потрясли молдавское общество. Незамедлительно после публикации проектов законов 20 августа 1989 г., около 120 промышленных и транспортных предприятий республики союзного подчинения, насчиты-

вавших свыше 80 тыс. работников, заявили свой протест посредством забастовок. Большинство из них относились к нерумынскому этносу и приехали в Молдову вместе со специалистами из других регионов СССР после Второй мировой войны. Они проживали в основном в городской местности, в Тирасполе, Бендерах, Бельцах, Комрате, а также в Кишинёве, где численность румынского населения не превышала 50 %.

Мобилизация этих работников не составляла трудностей благодаря тому, что абсолютное большинство директоров предприятий были не молдаванами, а представителями других национальностей. Каковы были требования, выдвигавшиеся на этих забастовках конца лета – начала осени 1989 г.? Манифестанты выступали против того, что они называли насильственным языковым «диктатом». Они высказывались за предоставление государственного статуса не только румынскому языку, называемому в то время молдавским, но и русскому, а также против возвращения к латинскому алфавиту. В действительности лидеры русскоязычных общностей МССР, особенно с Левобережья Днестра, эксплуатировали проблему языка для обеспечения себе поддержки в сохранении Советского Союза и своего привилегированного статуса, которым обладало русскоязычное население. Одним из протестовавших лидеров Тирасполя был не кто иной, как будущий самопровозглашенный президент Приднестровской Молдавской Республики Игорь Смирнов, бывший в то время директором Тираспольского завода «Электромаш». Когда ему напомнили, что в Молдове он появился в ноябре 1987 г., с полуострова Камчатка, и уже представляется лидером местных протестующих, он бросил реплику: «я живу в Советском Союзе». Некоторые из лидеров организации «Единство» из Тирасполя, например А.И. Большаков, директор завода «Точлитмаш», уже тогда ратовали о создании местной автономии.³²

В начале сентября забастовки русскоязычного населения против закона о языке приобрели размах, в них приняли участие свыше 200 тыс. человек, особенно с Левобережья Днестра. Поездка в Тирасполь 2 сентября некоторых лидеров из Кишинёва – Мирчи Снегура, Андрея Сангели и Григоре Еремея – имела целью разъяснить истинные цели закона о языке и предоставить гарантии русскоязычному населению, что они не будут подвергнуты дискриминации.³³ Главным аргументом, приводимым представителями Кишинёва, было предоставление русскому языку статуса языка межнационального общения, установленного Законом о функционировании языков на территории МССР. По настоянию бастующих Москва направила специальную комиссию Верховного Совета СССР для выяснения ситуации на местах. Данная комиссия находилась в Молдове с 4 по 9 сентября 1989 г. и вынесла свои замечания и предложения. Важнейшим из них было то, что комиссия посчитала законным требование

к возвращению к латинской графике, остальные предложения касались сохранения привилегий для русскоговорящего населения.³⁴

Впоследствии специалисты сравнили законы о языке 1989 – 1990 г. других советских республик и пришли к мнению, что русскоязычное население с непониманием реагировало на требования титульных наций. Один из самых авторитетных специалистов по этому вопросу, гагауз Николай Губогло, родом с юга Молдавии, научный сотрудник московского Института этнографии, высказал своё мнение по поводу закона о функционировании языков в Молдове. Он считал, что это самый либеральный закон по сравнению с законами других постсоветских республик (в частности Эстонии, Литвы, Украины). Николай Губогло также отметил такой парадокс: в республиках, где законы о языке были чрезмерно гибкими в отношении тех, кто не знал языка большинства, языковая политика потерпела поражение.³⁵

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ МССР, НОВЫЙ ФЛАГ И ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ

Ещё одним примечательным и важным моментом на пути МССР к независимости были первые выборы в Верховной Совет, состоявшиеся в Кишиневе в феврале – марте 1990 г. В новой законодательной власти республики почти четверть депутатов были членами Народного Фронта, которых по важнейшим проблемам поддерживали и представители обновлённой Коммунистической Партии Молдовы. Новый парламент утвердил серию важных законов в перспективе достижения полной независимости МССР.

Так, 27 апреля 1990 года был утвержден триколор – национальный трёхцветный флаг страны с поперечно расположенными полосами голубого – желтого – красного цвета. Важным шагом к политической независимости от Москвы стало утверждение 23 июня 1990 г. декларации о суверенитете. Несколькоми неделями раньше – 23 мая 1990 г., было изменено наименование «Молдавская Советская Социалистическая Республика» в «Советская Социалистическая Республика Молдова». Декларация Верховного Совета ССР Молдова о суверенитете четко устанавливает главенство законов ССР Молдова над союзными, учреждает республиканское гражданство и предусматривает суверенное право устанавливать дипломатические отношения со всеми странами мира. Отмечается, что ССР Молдова с почтением воспринимает статус ООН и выражает своё согласие с основными принципами этой организации, заблаговременно участвуя в создании новой системы безопасности в Европе. Отмечается также, что «земля, недра, воды, леса и другие природные богатства, расположенные на территории ССР Молдова, а также весь экономический, финансовый, научно-технический потенциал – это нацио-

нальное достояние»³⁶ и оно объявляется «безоговорочно собственностью ССР Молдова».³⁷ Раньше Молдовы подобные декларации были утверждены странами Балтии и Россией.

Документ от 23 июня 1990 года означал также, что «данная Декларация предоставляет законные основания для разработки новой Конституции ССР Молдова, для совершенствования национального законодательства и определения позиций ССР Молдова в составе Содружества независимых государств».³⁸ В результате подписанной декларации, не исключалась возможность договора между союзными республиками. Однако последующие события исключили возможность реализации этой идеи и открыли путь к независимости, впоследствии признанной международным сообществом.³⁹ Все эти исторические решения были бы невозможны без демократически избранного парламента. Выборы состоялись в два тура весной 1990 г. В первом туре 25 февраля 1990 г. были избраны 140 депутатов, а во втором туре, 10 марта – 231. В выборах участвовали представители различных политических формирований – от Коммунистической партии до Народного Фронта Молдовы, зарегистрированного как юридическое лицо 26 октября 1989 г.

Из общего количества депутатов – 371, абсолютное большинство (338) были избраны впервые и имели высшее образование (358), 62 из которых обладали научными степенями. Вследствие этого нарушался прежний принцип, согласно которому кандидаты партии, избирались в первую очередь по критерию повиновения, и претендовали что являются «представителями трудящихся». С этнической точки зрения в состав нового парламента вошли 259 представителей коренного населения, 57 русских, 35 украинцев, 13 гагаузов и 8 болгар. В свою очередь, у женщин было 13 мандатов (они составили около 3,5%).⁴⁰

Осенью 1990 г. происходят другие важные события. Одним из них является учреждение должности президента ССР Молдова. 3 сентября 1990 года парламента избрал на эту высшую государственную должность Мирчу Снегура. Такое избрание предвиделось, так как на заседании Политбюро ЦК КПМ 25 июля 1989 г., когда кандидатура Снегура была предложена на должность председателя Верховного Совета, некоторые открыто говорили о том, что это будет и будущий президент Молдавии, поэтому партия должна хорошо взвесить все «за» и «против» по поводу кандидатуры, которую предлагает.⁴¹ В то же время, избрание Снегура вписывалось и в своеобразную модель Центра, так как и Горбачёв несколькими месяцами раньше был избран президентом СССР после того, как в мае 1989 г. был избран председателем Верховного Совета СССР. Новым председателем Верховного Совета стал историк Александру Мошану, декан исторического факультета Кишиневского государственного университета, основатель и председатель Ассоциации историков Республики Молдова.

Таким образом, Верховный Совет, избранный весной 1990 г., был последним советским парламентом, который по своему составу предопределил и создание нового, первого национального правительства с 1944 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО МИРЧИ ДРУКА, ГАГАУЗЫ И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

До этого, три месяца раньше, 25 мая 1990 г. парламент назначил председателем Совета Министров Мирчу Друка, который будет возглавлять правительство до 5 июня 1991 г., когда законодательный орган, по инициативе Мирчи Снегура, отстранит его от этой должности. Правительство Друка было первым исполнительным органом Кишинёва, избранным в советский период демократически. Личность Мирчи Друка остаётся противоречивым, но он был очень популярен в ту эпоху, особенно благодаря своему ораторскому искусству. Президент Снегур обвинил его в некомпетентности,⁴² однако, скорее всего причиной его отставки была разрушительная кампания на юге республики в октябре 1990 г. Друк был тогда главным инициатором формирования автоколонны волонтеров, направившейся на Комрат для оказания давления на гагаузов, с тем, чтобы они отменили своё решение от 19 сентября 1990 г. о создании Гагаузской Советской Социалистической Республики. С другой стороны, Друк пишет в своих воспоминаниях, что осуществил важнейшие экономические реформы несмотря на то, что 1990 год был почти таким же засушливым, как 1946. Несмотря на это, результаты хозяйственной деятельности намного превысили ожидания и были лучше, чем в прошедшие годы.⁴³

226

В 1990 – 1991 годах одна из острейших проблем, обсуждаемых советскими средствами массовой информации, была связана с подписанием нового Союзного договора. Референдум был назначен на 17 марта 1991 г. Молдавия с самого начала отказалась от участия в нём, дав этим понять, что не заинтересована оставаться в составе Советского Союза.⁴⁴ В середине лета 1991 года, официальный Кишинев заявил о новой исторической политике.⁴⁵ Это произошло 28 – 29 июня 1991 г., когда в Кишиневе парламентом республики была организована международная конференция, посвященная Пакту Риббентропа-Молотова и его последствиям для Бессарабии и Северной Буковины.⁴⁶ Первый секретарь ЦК КПМ Григоре Еремей высказал особую точку зрения, не совпадавшую с участниками конференции, которую обозначил в письме ЦК КПСС.⁴⁷

Правительство Друка, несмотря на все изъяны, символизировало начало новой эпохи в истории Советской Молдавии на пути к независимой Молдове. А начало новой исторической политики на официальном уровне совпало с созывом международной конферен-

ции под эгидой Парламента и которое осудило оккупацию Бессарабии СССР летом 1940 г. Это будет укреплено двумя месяцами позже и в декларации независимости Молдовы.

МОСКОВСКИЙ ПУТЧ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Событием, ускорившим полнейший распад СССР, явился московский путч 19 – 20 августа 1991 г. В Кишинёве официальная позиция властей по поводу путча была заявлена к середине дня 19 августа Ионом Хадыркэ, занимавшего в то время должность вице-председателя Парламента. Обращение одновременно транслировалось по национальному радио и телевидению. Вслед за этим к вечеру 19 августа 1991 гражданское общество мобилизовалось и взяло под охрану важнейшие стратегические центры столицы – почту, телевидение, радио, здание правительства, парламента, а также другие важные здания общественного назначения. Поскольку Коммунистическая Партия Молдавии явилась соучастником в организации свержения законной государственной власти, её деятельность была запрещена 23 августа 1991 г. решением Президиума Парламента, возглавляемого Александру Мошану.⁴⁸ Декларация о независимости была провозглашена в парламенте 278-и голосами депутатов (74% из 371 голоса) 27 августа 1991 г., в день, в котором в центре Кишинёва было созвано третье Великое Национальное Собрание. В этот же день независимость Республики Молдова (новое название республики было утверждено раньше, 23 мая 1991 г.) была признана Румынией. Россия признала независимость Молдовы только лишь 8 декабря 1991 г., после получения согласия Мирчи Снегура о подписании договора о создании Содружества независимых государств (СНГ) – межгосударственной структуры, призванной упрочить в завуалированном виде доминирование России на постсоветском пространстве.

ВЫВОДЫ

Молдавская ССР отделилась от СССР в 1991 году и стала независимой страной благодаря нескольким факторам. Во-первых, значительную роль сыграла Перестройка Горбачева. Это была амбициозная и противоречивая попытка реформировать СССР в общем и в отдельности экономику, политическую и социальную жизнь, а также межнациональные отношения. Отдельная часть номенклатуры противостояла этим начинаниям и старалась саботировать целый ряд реформ. Поэтому Горбачев решил обратиться за помощью у интеллигенции в деле мобилизации обычных граждан в поддержку Перестройки. Так появились так называемые неформальные организации, которые становились со временем сильным фактором в

политической жизни СССР и зародышем гражданского общества отдельных республик, в том числе МССР. Со временем эти организации стали независимыми от партии и КГБ. В то же время, нужно подчеркнуть, что местная элита тоже сыграла важную роль в ликвидации СССР и коммунизма в целом. В Молдавии 1985 – 1991 гг. особо отличилась интеллектуальная элита и особенно писатели, поэты, а также историки. На собраниях неформальных организациях впервые были поставлены на дискуссию злободневные проблемы по части экологии, национального языка, истории советских репрессий в сталинский период а также послевоенного массового голода в МССР и последствий германо-советского Пакта о ненападении 1939 г. и секретного протокола на судьбу Бессарабии. Эти вопросы легитимизировали существование СССР как тоталитарного государства и предопределило развал Советского Союза как псевдофедерации и исчезновение коммунистического режима как политической системы. Еще до провозглашения независимости Молдова была уже формально отдельным государством с национальным флагом, своим Парламентом и Правительством. Декларация о суверенитете 23 июня 1990 г. провозглашала верховенство республиканских законов над общесоюзными. В то же время, для Молдавии/Молдовы было характерно появление в эти годы сепаратистских настроений русскоязычного населения, которое не хотела выучить государственный язык – румынский. Эти нерешенные вопросы стали серьезным препятствием для создания истинно демократического и процветающего общества в независимой Молдове. Только в 2018 – 2019 наметилась тенденция для создания гражданского общества, которое не было бы разделено по этническим и языковым проблемам. Насколько это станет реальностью, покажет время.

ССЫЛКИ

- 1 См.: Igor Cașu, "Political Repressions in Moldavian SSR after 1956: Towards a Typology Based on KGB files," *Dystopia. Journal of Totalitarian Ideologies and Regimes*, Vol. I, no. 1 – 2 (April 2012): 89 – 127.
- 2 См.: Иван Бодюл, *Дорогой жизни: время, события, раздумья: воспоминания* (Кишинев: Кушнер & Co., 2002).
- 3 См.: Игорь Кашу, «Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинева», *Неприкосновенный Запас*, № 4 (2011), последнее посещение 20.09.2019, <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/byl-li-sovetskij-soyuz-imperiej-vzglyad-iz-kishineva.html>.
- 4 См.: Igor Cașu, "Politica națională", în *Moldova Sovietică, 1944 – 1989* (Chișinău: Cartdidact, 2000).
- 5 См.: *Народное хозяйство СССР в 1985 г.* (М.: Финансы и Статистика, 1986).
- 6 См.: *Anuarul Statistic al Republicii Moldova*, Chișinău, Departamentul Analizei Statistice și Sociologice (Chișinău: Tipografia Centrală 1997).
- 7 См.: *Totalul recensământului unional al populației din RSS Moldovenească din anul 1989* (Chișinău: Departamentul de Statistică, 1990).
- 8 См.: Gheorghe Jurma, *Descoperirea Banatului* (Reșița: Editura Tim-pul, 1994).
- 9 См.: Sorin Mitu, *Geneza identității naționale la românii ardeleni* (București: Humanitas, 1997).
- 10 См.: Михаил Геллер, *Машина и винтики. История формирования советского человека* (М.: МИК, 1994), 260 – 295; Françoise Thom, *Sfârșiturile comunismului* (Iași: Polirom, 1996).
- 11 См.: Veaceslav Stăvilă, „Evoluția componentei naționale a elitei politico-economice a RSSM, 1940 – 1991”, *Revista de Istorie a Moldovei*, no. 4 (1996): 38, 39, 41.
- 12 См.: *XVI Съезд Коммунистической партии Молдавии (23 – 25 января 1986 г.)* (Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1986).
- 13 См.: Stăvilă, „Evoluția”, 35 – 48.
- 14 Там же.
- 15 См.: „Cum am devenit nebun”, *Basarabia*, no. 9 (1990): 140 – 152. Дело опубликованное Николаем Нергу.
- 16 См.: Архив Социально-политических организаций Республики Молдова, бывший Архив ЦК КП Молдавии, F. 51, inv. 73, d. 100, ff. 1 – 207 (далее AOSPRM, аббревиатура от Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova).
- 17 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 122, ff. 1 – 16.
- 18 Игорь Кашу и Игорь Шаров (сост.), *Республика Молдова от Перестройки к независимости. Секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии (1989 – 1991)* (Кишинев: Картдидакт, 2011), vii.
- 19 См.: Кашу и Шаров, *Республика Молдова от Перестройки к независимости*.

- 20 Mihai Cernencu, Andrei Galben, Gheorghe Rusnac și Constatin Solomon, *Republica Moldova: Istoria politică (1989 – 2000). Documente și materiale*, Vol. II (Chișinău: CE USM, 2000), 6.
- 21 См.: Mihai Aduge, Iurie Roșca, editori, *Partidul Popular Creștin-democrat. Documente și materiale, 1988-2008, Vol. I* (Chișinău: Prag 2, 2008).
- 22 См.: Gheorghe Cojocar, *Anul 1989 la Est de Prut* (Chișinău: Prut Internațional, 1998).
- 23 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 122, f. 73.
- 24 См.: Valentin Mândăcanu, „Veșmântul ființei noastre”, *Nistru*, no. 4 (1988).
- 25 См.: Кашу и Шаров (сост.), *Республика Молдова от Перестройки к независимости*.
- 26 См.: Anton Moraru, *Istoria românilor. Basarabia și Transnistria, 1812 – 1993* (Chișinău: Tipografia Centrală, 1995).
- 27 См.: Charles King, *Moldovenii. România, Rusia și politica culturală* (Chișinău: ARC, 2002), 130.
- 28 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 445, ff. 42 – 88.
- 29 См.: Vladimir Socor, „Grupurile neoficiale obțin un succes neașteptat în alegerile din Moldova”, *Radio Libertatea*, 12 mai 1989. Цит. по: Charles King, *Moldovenii*, 131.
- 30 См.: “Documentul Final al Marii Adunări Naționale”, *Literatura și Arta*, 31 august, 1989.
- 31 См.: Jeff Chinn and Steven Roger, “Ethnic mobilization and reactive nationalism: the case of Moldova,” *Nationalities Papers*, Vol. 23, no. 2 (1995): 296 – 300; William Crowther, “The Politics of Ethno-National Mobilization: Nationalism and Reform in Soviet Moldavia,” *The Russian Review*, Vol. 50, no. 2 (1991): 183 – 202.
- 32 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 207, f. 40.
- 33 См.: Mircea Snegur, *Labirintul Destinului. Memorii*, Vol. I (Chișinău: Fundația Draghiștea, 2007), 601 – 610.
- 34 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 125, ff. 85 – 94.
- 35 См.: Николай Губогло, *Языки этнической мобилизации* (М.: Школа «Языки русской культуры», 1998), а также рецензию автора статьи на книгу Губогло в *Revista de Istorie a Moldovei*, no. 4 (2004): 107 – 110.
- 36 Declarația Suveranității Republicii Sovietice Socialiste Moldova din 23 iunie 1990, последнее посещение 06.11.2019, <http://www.const-court.md/pageview.php?l=ro&idc=11&id=275&t=/Prezentare-general/Premise-istorice/Declaratia-suveranitatii/>
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 См.: *Veștile Sovietului Suprem și ale Guvernului Republicii Sovietice Socialiste Moldova*, no. 6 – 7 (Chișinău: Editura Universul, 1990): 498 – 499.

- 40 См.: Snegur, *Labirintul Destinului. Memorii*.
- 41 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 73, d. 445, ff. 42 – 88.
- 42 См.: Snegur, *Labirintul Destinului. Memorii*.
- 43 См.: Viorel Patrichi, *Mircea Druc sau Lupta cu ultimul imperiu* (București: Zalmolxe, 1998).
- 44 См.: AOSPRM, f. 51, inv. 73, d. 207, ff. 41 – 51.
- 45 См.: Igor Șarov, „Pactul Ribbentrop-Molotov în dezbaterile publice din Republica Moldova (decembrie 1989 – iulie 1991)”, în *Partide politice și minorități naționale din România în secolul XX*, eds. Vasile Ciobanu, Flavius Solomon, Sorin Radu, (Cluj- Napoca: Editura Institutului pentru studierea problemelor minorităților naționale & Kriterion, 2011), 373 – 92.
- 46 См.: Igor Șarov și Andrei Cușco, „Moștenirile regimului comunist în perioada postsovietică: memorie, continuități, consecințe”, în *Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa*, eds. Sergiu Musteață, Igor Cașu (Chișinău: Editura Cartier, 2011), 725 – 67.
- 47 См.: AOSPRM, F. 51, inv. 74, d. 109, ff. 38 – 44.
- 48 См.: Petru Lucinschi, *Ostaticii* (Chișinău: EUS, 1993); Grigore Eremei, *Fața nevăzută a puterii* (Chișinău: Litera, 2003).

БИБЛИОГРАФИЯ

Бодюл, Иван. *Дорогой жизни: время, события, раздумья: воспоминания*. Кишинев: Кушнир & Со., 2002.

Геллер, Михаил. *Машина и винтики. История формирования советского человека*. М.: МИК, 1994.

Губогло, Михаил. *Языки этнической мобилизации*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Кашу, Игорь. «Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинева». *Неприкосновенный Запас*, № 4 (2011). Последнее посещение 20.09.2019. <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/byl-li-sovetskij-soyuz-imperiej-vzglyad-iz-kishineva.html>.

Кашу, Игорь, и Шаров, Игорь (сост.). *Республика Молдова от Перестройки к независимости. Секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии (1989 – 1991)*. Кишинев: Картдидакт, 2011.

Народное хозяйство СССР в 1985 г. (Статистический ежегодник) М.: Финансы и Статистика, 1986.

XVI Съезд Коммунистической партии Молдавии, 23 – 25 января 1986 г. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1986.

Cașu, Igor. "Political Repressions in Moldavian SSR after 1956: Towards a Typology Based on KGB files." *Dystopia. Journal of Totalitarian Ideologies and Regimes*, Vol. I, no. 1 – 2, 2012 (April 2012): 89 – 127.

Chinn, Jeff, and Roger, Steven. "Ethnic mobilization and reactive nationalism: the case of Moldova." *Nationalities Papers*, Vol. 23, no. 2 (1995): 296 – 300.

Crowther, William. "The Politics of Ethno-National Mobilization: Nationalism and Reform in Soviet Moldavia." *The Russian Review*, Vol. 50, no. 2 (1991): 183 – 202.

Anuarul Statistic al Republicii Moldova, Chișinău, Departamentul Analizei Statistice și Sociologice. Chișinău: Tipografia Centrală, 1997.

Cernencu, Mihai, Galben, Andrei, Rusnac, Gheorghe, și Solomon, Constantin. *Republica Moldova: Istoria politică (1989 – 2000)*. Documente și materiale, Vol. II. Chișinău: CE USM, 2000.

Cojocaru, Gheorghe. *Anul 1989 la Est de Prut*. Chișinău: Prut Internațional, 1998.

„Cum am devenit nebun”. *Basarabia*, no. 9, 1990.

Declarația Suveranității Republicii Sovietice Socialiste Moldova din 23 iunie 1990. Последнее посещение 06.11.2019. <http://www.constcourt.md/pageview.php?l=ro&idc=11&id=275&t=/Prezentare-generală/Premise-istorice/Declarația-suveranității/>.

“Documentul Final al Marii Adunări Naționale”. *Literatura și Arta*, 31 august, 1989.

Eremei, Grigore. *Fața nevăzută a puterii*. Chișinău: Litera, 2003.

Jurma, Gheorghe. *Descoperirea Banatului*. Reșița: Editura Timpul, 1994.

King, Charles. *Moldovenii. România, Rusia și politica culturală*. Chișinău: ARC, 2002.

Lucinschi, Petru. *Ostaticii*. Chișinău: EUS, 1993.

Mândăcanu, Valentin. „Veșmântul ființei noastre”. *Nistru*, no. 4, 1988.

Mitu, Sorin. *Geneza identității naționale la românii ardeleni*. București: Humanitas, 1997.

Moraru, Anton. *Istoria românilor. Basarabia și Transnistria, 1812 – 1993*. Chișinău: Tipografia Centrală, 1995.

Partidul Popular Creștin-democrat. Documente și materiale, 1988 – 2008, Vol. I. Chișinău: 2008.

Patrichi, Viorel. *Mircea Druc sau Lupta cu ultimul imperiu*. București: Zal-molxe, 1998.

Snegur, Mircea. *Labirintul Destinului. Memorii*, Vol. I – II. Chișinău: Fundația Draghiștea, 2007.

Stăvilă, Veaceslav. „Evoluția componenței naționale a elitei politico-economică a RSSM, 1940 – 1991”. *Revista de Istorie a Moldovei*, no. 4 (1996): 35 – 48.

Șarov, Igor, și Cușco, Andrei. „Moștenirile regimului comunist în perioada postsovietică: memorie, continuități, consecințe”. În *Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa*, eds Sergiu Musteață și Igor Cașu, 725 – 67. Chișinău: Editura Cartier, 2011.

Șarov, Igor. „Pactul Ribbentrop – Molotov în dezbaterile publice din Republica Moldova (decembrie 1989 – iulie 1991)”. În *Partide politice și minorități naționale din România în secolul XX.*, eds Vasile Ciobanu, Flavius Solomon și Sorin Radu, 373 – 92. Cluj- Napoca: Editura Institutului pentru studierea problemelor minorităților naționale & Kriterion, 2011.

Thom, Françoise. *Sfârșiturile comunismului*. Iași: Polirom, 1996.

Totalul recensământului unional al populației din RSS Moldovenească din anul 1989. Chișinău: Departamentul de Statistică, 1990.

Veștile Sovietului Suprem și ale Guvernului Republicii Sovietice Socialiste Moldova, no. 6 – 7 (Chișinău: Editura Universul, 1990).

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԻԳՈՐ ԿԱՇՈՒ / ԿԱՅՍՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՑ ՄԻՆՉԵՎ ԱԶԳԱՅԻՆ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆ.
ՄՈՒՂՈՎԱԿ ԿԵՐԱԿԱՆՈՒՑՈՒՄԻՑ ՄԻՆՉԵՎ ԱՆԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ (1985 –
1991)

Բանալի բառեր – Մոլդովա, ԽՍՀՄ, Վերակառուցում, անկախություն, ոչ
ֆորմալ կազմակերպություններ, կոմունիզմի ճգնաժամ:

Չողվածում հեղինակը քննարկում է Խորհրդային Միության փլուզման
ամռանը հիմնական խնդիրները, և թե ինչպես 1991 թվականին Մոլդով-
վան դարձավ անկախ պետություն: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում
բացատրելու այն, թե ինչպես հնարավոր դարձավ այդ խորքային կեր-
պափոխումը, որոնք էին այն գործոնները և անձինք, որ հանգեցրեցին և
շունչ հաղորդեցին կայսրությունից ազգային պետության անցնելու
գործընթացին: Հեղինակը շեշտում է նախկին Մոլդովական Խորհրդային
Սոցիալիստական Հանրապետությունում և նաև ողջ ԽՍՀՄ-ում արմա-
տական փոփոխությունների սկզբնական շրջանում Վերակառուցման
ունեցած դերը: Չողվածի հիմնական գաղափարներից մեկն այն է, որ
թեև Գորբաչովը 1980-ականների կեսերին բարեփոխումներ սկսելու
համար բավականին համարձակ էր, բայց նա չկարողացավ վերահսկել
գործընթացը, և ազգային հանրապետություններում գործող ազգային
ընտրախավերը՝ ներառյալ ռուսականը՝ ներկայացված Բորիս Ելցինով
օգտվեցին նրա անվճռականությունից և մղեցին «կենտրոն – ծայ-
րամաս» հարաբերությունների խորքային վերանայման: Գործընթացի
մեկնարկից հետո այն այլևս հնարավոր չէր դադարեցնել, ինչը
ավարտվեց կոմունիստական ռեժիմի և Խորհրդային կեղծ դաշնության
փլուզմամբ: Այս հողվածը հիմնված է Մոլդովայի Կոմունիստական
կուսակցության Կենտրոնական կոմիտեի նախկին արխիվի, այժմ
Մոլդովայի Հանրապետության հասարակական-քաղաքական
կազմակերպության արխիվի արխիվային փաստաթղթերի, ինչպես նաև
այլ երկրորդական աղբյուրների վրա:

SUMMARY

IGOR CAȘU / FROM EMPIRE TO NATION STATE: MOLDOVA FROM
PERESTROIKA TO INDEPENDENCE (1985 – 1991)

Key words: Moldova, USSR, Perestroika, independence, informal organi-
zations, crisis of communism.

In the article, the author is dealing with the main issues concerning the collapse of
the Soviet Union and how Moldova became an independent state in 1991. A special
attention is paid to explaining the way in which such a deep metamorphose was
possible, factors and personalities that caused and animated the process of transi-
tion from Empire to nation state. The author stresses the role of Perestroika in the
beginning of the radical changes in the former MSSR as well as throughout the
USSR. One of the main ideas of the article is that that even though Gorbachev was
pretty courageous in starting the reforms in mid 1980s, he could not control the
process, and the national elites in the national republics, including the Russian one,
represented by Boris Yeltsin, capitalized on his indetermination and pushed for a
deep revision of center-periphery relations. Once the process unleashed, it could not
be stopped and ended in the collapse of the Communist regime and Soviet pseudo-
federation. This article is based on archival documents from the former Archive of the
Central Committee of the Communist Party of Moldavia, now the Archive of Social-
Political Organization of the Republic of Moldova, as well as on the other secondary
sources.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Игор Кашу защитил в 2000 г. докторскую диссертацию (Ph.D.) в Ясском Университете (Румыния) и с 1998 года работает преподавателем в Государственном Университете Молдовы. С 2010 года является создателем и директором Центра Исследований Тоталитарных Режимов и Холодной Войны. Заместитель председателя Комиссии по Изучению и Оценке Тоталитарного Коммунистического Режима при Президенте Молдовы (2010). Исследовательские интересы: национальная политика в Советской Молдавии, сталинские репрессии, борьба с диссидентством после 1953 года, повседневная жизнь в СССР. Главные работы: «Национальная политика в Советской Молдавии (1944 – 1989)», Кишинев, 2000 и «Классовый враг. Политические репрессии, насилие и сопротивление в МАССР и МССР, 1924 – 1956», Кишинев, 2014 (на румынском, в 2020 г. выйдет русская версия). Работает над книгой о послевоенном голоде в МССР. Стипендиат Имре Кертеша Коллегиум Йенского Университета (2015), Фулбрайт в Стэнфордском Университете (2016) и Немецкого Института Истории в Москве (2019). В настоящее время стипендиат Колледжа Новая Европа в Бухаресте (октябрь 2019 – июль 2020).

Игорь Кашу (Молдова) / igorcasu@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

- КАК МОЖНО ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВА
НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ?
- ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В
ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ
- «ПЯТАЯ КОЛОННА» ИЛИ ПАРТНЕРЫ? ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ В ДИСКУРСАХ ВЛАСТИ И
ОППОЗИЦИИ
- СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

КАК МОЖНО ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ОБЩЕСТВА НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гражданское общество, правовое государство, политическая система, демократические выборы, криминально-олигархический порядок, узурпация власти.

В западной социологии изначально установилась традиция характеристики гражданского общества как сферы самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, ограждённых от прямого воздействия со стороны государственной власти.

Но если, общество это социальная организация, обеспечивающая совместную жизнедеятельность людей, то почему гражданским обществом считают сферу, выходящую за рамки системы управления обществом. По этой шкале и традиционное, и даже, религиозное общество можно назвать гражданским. Последние тоже проявляют разнородную активность вне сферы управления. Поэтому полезнее применить иную шкалу: гражданским является общество, основанное на правосознании (гражданской морали), свободе личности и договоре. Такой подход позволяет делать более продуктивный анализ трансформаций нынешних обществ, вставших на путь формирования правовых государств. Фактически, мы имеем дело с процессом перехода традиционных и религиозных обществ к гражданскому.

С момента развала Советского Союза и образования на его территории новых независимых государств основной темой дискуссий стала тема сформировавшихся национальных властей. Превалирующей оценкой политических систем до сих пор является тезис об авторитарных и олигархических режимах, препятствующих становлению полноценных демократических государств. Принято считать, что именно эта проблема является самой трудноразрешимой для всех новых наций постсоветского пространства. Меньше внимания обращается на социально-политические свойства обществ этих государств. А именно – способны ли общества формировать национальную власть посредством демократических выборов? На деле, именно этот аспект политической жизни обществ является определяющим в укоренении бесконечных национальных неурядиц почти всех стран постсоветского пространства.

Принявшие в 1991 году декларации о формировании правовых государств, народы, по преимуществу, не задавались вопросом: есть ли у них идейная база для осуществления этих деклараций? И только время показало, что у большинства обществ соответствующих ценностей нет. Соответственно, нет способностей для построения ключевых институтов, заявленных государств – института свободных выборов и института правосудия. А если таких способностей нет, то в государственной жизни укореняется один важный феномен – феномен узурпации власти. Именно этот феномен является определяющим механизмом формирования национально-государственных реалий и причиной всех указанных национальных неурядиц. В течение четверти века система государственного управления в этих странах оказалась под диктатом крупного капитала в силу того, что она была узурпирована крупными собственниками, установившими в стране неконституцион-

ные механизмы контроля и регуляции. Под такими механизмами контроля и регуляции, в первую очередь, подразумеваются целенаправленные усилия по парализации выборного механизма формирования власти; недопущению свободного предпринимательства; контролю за судебными органами; сдерживанию свободы средств массовой информации; сдерживанию законных инициатив общества. Возможность устойчивого функционирования указанных механизмов обеспечивалась внедрением в государственную жизнь системы договорного разделения зон и сфер политического и экономического влияния, а также централизованной системы финансово-экономических квот и теневого налогообложения предпринимателей. Конституция использовалась при этом, для легализации данного порядка и для одностороннего притеснения общества. В чем же ключевые причины подобного развития новых государств?

Несомненно, эти причины надо искать в идейных свойствах обществ. Здесь надо попробовать охарактеризовать пути, по которым шли бывшие советские общества. Оказавшиеся под диктатом коммунистической идеологии, народы Советского Союза на протяжении семидесяти лет частично отказались от своей этно-религиозной идентичности. Их жизненные приоритеты менялись поневоле, сформировав искусственное сообщество – советский народ. Этническая идентичность частично размылась – традиции начали уступать местно советским стандартам. Именно в таком состоянии народы пришли к моменту развала их общего государства. Надо было ожидать, что идейный вакуум, появившийся вследствие ликвидации коммунистической идеологии, заполнится национализмом. Так оно и произошло.

Но наметился и другой важный процесс: апелляция к прежним этно-религиозным традициям. Именно последнее обстоятельство сформировало нынешний характер постсоветских обществ. Легкого возврата к традициям не произошло – очень быстро наметилась тенденция криминализации обществ. Приватизация бывшей социалистической собственности максимально стимулировала этот процесс. В результате мы получили полутрадиционные, полукриминальные общества. И, именно обществам с такими характеристиками необходимо было строить заявленные правовые конституционные государства. Понятно, что главного условия для такого строительства – правосознания граждан – у обществ не было. Результат был предопределен: в государствах укоренилась авторитарная или олигархическая система власти. О правопорядке долгое время пришлось забыть.

Если говорить об Армении, то именно эта система (называемая здесь криминально-олигархическим порядком) была демонтирована в результате Бархатной революции 2018 года. Правда, единственным ощутимым следствием до сих пор является то, что владельцы крупного капитала потеряли рычаги государственной власти, и в стране возникла возможность проведения свободных выборов. Все остальные

обстоятельства новой ситуации общественности еще предстоит осознать и рационально оценить. Ничего иного, кроме смены власти, в стране пока не произошло. Пока всего лишь обсуждаются предложения по установлению новых правил, регулирующих политическое и экономическое пространства. Правил – способных институционально разделить бизнес и политику, и соответственно, сформировать механизмы правовой защиты собственности и предпринимательства. Смысл таких предложений сводится к формированию механизмов защиты политики и системы государственного управления от диктата крупного капитала. Предложения исходят из убеждения в том, что узурпация власти является результатом незащищенности собственности и отсутствия правосознания в обществе. Надо сказать, что путь к преодолению антиконституционного узурпаторского режима в Армении был очень долгим. Прошли десятилетия для того, чтобы общество смогло прийти к осознанию того, что отвержение политических партий и апелляция к гражданским инициативам могут быть путем к осуществлению радикальных политических перемен в Армении. Это было следствием отказа от авторитарных традиций и укоренению правосознания в обществе. Скорее всего, мы имеем дело с примером перехода традиционных и религиозных обществ к гражданскому.

Возможно, и в других постсоветских странах произойдут такие перемены.

ՄԱՆՎԵԼ ՍԱՐԳՍՅԱՆ / ԻՆՉՊԵՍ ԿԱՐԵԼԻ Ե ԲՆՈՒԹԱԳՐԵԼ
ՆՈՐԱԳՈՒՅՆ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Բանալի բառեր – քաղաքացիական հասարակություն, իրավական պետություն, քաղաքական համակարգ, ժողովրդավարական ընտրություններ, քրեա-օլիգարխիկ կարգ, իշխանության զավթում:

Հոդվածը դիտարկում է Խորհրդային Միության փլուզումից հետո ձևավորված պետություններն ու հասարակությունները: Այդ առումով հատկապես ուշադրության է արժանի այն հարցը, թե ինչպե՞ս կարելի է դրանք բնութագրել՝ հաշվի առնելով այն փոխակերպումները, որոնք դրանք կրել են: Այդ նպատակով որպես ելակետ է ընտրված քաղաքացիական հասարակության մի սահմանում, որի համաձայն՝ քաղաքացիական հասարակությունը իրավագիտակցության, անձի ազատության և պայմանագրի վրա հիմնված հասարակությունն է: Հետխորհրդային պետությունները գլխավորապես բնութագրվել են որպես իշխանավարական և օլիգարխիկ վարչակարգեր ունեցող պետություններ, ինչը խոչընդոտել է նրանց՝ որպես լիարժեք ժողովրդավարական պետությունների կայացմանը: Անկախացումից հետո պարզ դարձավ, որ հետխորհրդային ազգերը չեն կրում այն արժեքները, որոնք բնորոշ են իրավական պետությանը: Հետևաբար նրանց չի հաջողվել կայացնել ազատ ընտրությունների և արդարադատության հաստատությունները: 2018 թվականին Հայաստանում Թավշյա հեղափոխության հետևանքով ապամոնտաժվել է քրեա-օլիգարխիկ կարգը, և այժմ քննարկումների օրակարգում քաղաքական ու տնտեսական տարածության համար նոր կանոնների հաստատումն է:

SUMMARY

MANVEL SARGSYAN / HOW CAN WE CHARACTERIZE SOCIETIES OF CONTEMPORARY STATES?

Key words: civil society, state of law, political system, democratic elections, criminal-oligarchic order, usurpation of power.

The article considers the states and societies which have been formed after the collapse of the Soviet Union. In that sense, it is particularly worth to scrutinize the question of how they can be described, given the transformations that they have undergone. For that aim, a definition of civil society is chosen as a starting point according to which civil society is a society which is based on legal awareness, freedom of person and contract. The post-Soviet states are mainly characterized by authoritarian and oligarchic regimes which prevent them from becoming fully democratic states. After independence, it has been clear that the post-Soviet nations do not hold those values, which are inherent to the state of law. Hence, they have been failed to establish the institutions of free elections and justice. In 2018, the criminal-oligarchic order was dismantled as a result of the Velvet Revolution in Armenia. And currently, the establishment of new rules for political and economic space is on the agenda of discussions.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Манвел Саркисян — 1978 году закончил архитектурный факультет Бакинского строительного института. В 1978 — 79 гг. работал в столице Нагорного Карабаха Степанакерте в качестве архитектора. В 1982 — 88 гг. работал в Госкомитете Армении по защите архитектурных памятников. С 1988 года был лидером Карабахского движения. Один из основателей и первых членов Комитета Карабах. В 1992 году был назначен постоянным представителем Республики Нагорного Карабаха в Армении, в 1993 году был советником министра иностранных дел НКР; в период с 1995 по 1999 год работал аналитиком Армянского центра стратегических и национальных исследований (АЦСНИ). С 2000 по 2005 год был советником президента НКР по международным делам, а с 2006 по 2007 год аналитиком Кавказского центра. С 2008 года Саркисян работал старшим аналитиком АЦСНИ. С 1 апреля 2011 года является директором АЦСНИ по исследованиям.

Манвел Саркисян (Армения) / sarkisman@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Армения, гражданское общество, НПО, права человека, постреволюционное, армянская революция.

По классическому определению гражданское общество – сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, ограждённых от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, а также других внешних факторов.¹

По другому определению, гражданское общество – один из гарантов соблюдения прав человека, совокупность общественных отношений вне рамок властно-государственных и коммерческих структур, но не вне рамок государства как такового.² Понятие гражданского общества в Армении было импортировано с Запада и воспринималось лишь как организованная форма общества, имеющая своего противника – власть, которая нарушает эти права. Фактически мы имеем дело со вторым вариантом определения гражданского общества.

Гражданское общество в Армении финансируется в основном из Запада, следовательно, там и формируется повестка дня. В результате в Армении оно воспринимается как объединение социальных единиц, основанный на либеральной системе ценностей и которое борется против попустительства властей. И такое понимание характерно не только для Армении.

Если сначала рассмотреть опыт Советского Союза, то следует сказать, что Советский Союз был идеологизированной империей, где нарушались основные права человека. Однако существовало своеобразное «гражданское общество» – это были профессиональные ассоциации художников, писателей, кинематографистов ... Эти организации инициировались государством, в которых функционировали исключительно законные ячейки коммунистической партии. Естественно, что эти организации были идеологизированы и действовали под пристальным вниманием партийных функционеров.

В Советском Союзе права человека массово нарушались, или, более конкретно, права человека ограничивались социальными правами. За свободу мысли, совести, слова и подобные «идеологизированные» права боролись советские диссиденты. Естественно, эта борьба была также идеологизированной. Защита прав человека рассматривалась как форма антигосударственной политической деятельности, которая строго наказуема.

После распада Советского Союза многие правозащитники продолжали пытаться представить права человека как идеологическое движение. Однако, в новых деидеологизированных странах проблема стоит уже иная – у властей нет идеологий, и основной целью гражданского общества должна быть защита прав человека. Борьба за права человека, естественно, является борьбой с произволом го-

сударства, но эти нарушения не имеют идеологических оснований, что создает неоднозначную ситуацию. Однако правозащитники «старой школы» с трудом приспосабливаются к новой ситуации и хотели бы оставаться на идеологических позициях, которые уже трансформируются в геополитическую борьбу.

В Армении и других постсоветских странах, как уже было отмечено, понятие гражданского общества было импортировано с Запада и воспринималось как организованная форма общества, имеющая своего противника – власть, которая нарушает права человека и с которой необходимо бороться. Другие формы гражданского общества, профсоюзы, религиозные общины, независимые профессиональные и творческие союзы не в состоянии формироваться и преобразовываться в важные части общества.

Основные игроки гражданского общества, помимо геополитических предпочтений, также имеют предпочтения в политической идеологии – либерализм. Сторонники левых взглядов, как правило, не объединяются в формальные организации, а действуют на общественных началах в качестве гражданских активистов. Но в последние годы, почувствовав влияние таких организаций, НПО начали создавать и финансировать правящие круги, главная цель которых способствовать продвижению интересов властей. Организации этой второй группы не имеют идеологических или геополитических платформ, но с точки зрения риторики они также разделяют одни и те же идеи, часто объединяя их с национализмом и просекулярными платформами. С другой стороны, сохраняя дискурс о правах человека, они также пытаются получить финансирование из западных грантов. Западные фонды, в свою очередь, стремясь поддерживать баланс, дают финансирование этим организациям.

Смена власти в Армении в 2018 году смешала порядок вещей и поставила новые задачи перед существующим гражданским обществом. Гражданское общество оказалось в неоднозначном состоянии, так как несколько десятков гражданских активистов перешли в парламент, а основные НПО поддержали новое правительство. И поскольку риторика нынешнего правительства основана на идее защиты прав человека, непонятно, с кем бороться и какие изменения произойдут с системой ценностей гражданского общества из-за нового статуса. В результате, хочется надеяться, что восприятие гражданского общества естественным образом изменится. Но, изменится ли восприятие гражданского общества и начнет ли оно соответствовать классическим определениям, покажет дальнейшее развитие событий.

Одна из важных характеристик неправительственных организаций (NGO – Non-governmental organizations)³ является их независимость. Последняя – необходимая предпосылка общественного влияния, в

противном случае мы имеем дело с организованной правительством неправительственной организацией (Government-organized non-governmental organization), буквально с правительственной неправительственной организацией, что является серьезным обвинением и оскорблением. Однако, ситуация меняется, когда происходит смена власти, и «независимые» появляются рядом с властями и начинают сотрудничать со своими бывшими коллегами в правительстве и в парламенте для выполнения своих задач. НПО становятся ключевыми действующими лицами в пропаганде власти. Эта ситуация создает серьезные проблемы, которые со временем приводят к серьезному кризису, а гражданское общество дискредитируется в общественном сознании. Грузия и Украина прошли этим путем, и кажется, что и Армения тоже пошла по этому пути.

Много лет проработавшие в Грузии грузинские и иностранные эксперты представляют очень типичные факты из правления Саакашвили. Когда Саакашвили пришел к власти, его общественный рейтинг превышал 90%. «Мишико» был национальным героем, убившим «Дракона». Грузинские активисты НПО и лидеры независимых СМИ стали правительственными чиновниками и опорами государственной пропаганды. Власть Саакашвили была выше критики. В дальнейшем, когда Иванишвили, один из главных спонсоров грузинской революции, распространил в обществе видео о пытках в тюрьмах, грузинское общество подверглось шоку. Это было результатом того, что Саакашвили, для гражданского общества был выше критики.

Другим важным фактором была политика по финансированию НПО, которое в основном производилось через различные фонды. Политика фондов была ясной: необходимо поддерживать правительство, которое имеет западные ценности: это естественное и понятное желание. Естественно, что финансирование часто осуществлялось в консультации с правительством, чтобы поддержать наиболее важные реформы – становление прав человека и гражданского общества, а также, чтобы показать свою лояльность новому правительству. Когда правительство было антидемократическим, фонды финансировали тех, кто боролся против режима ради демократических ценностей. Однако в данном случае правительство превратилось в партнера.

Другим, не менее важным фактором, является финансирование независимого общества. В условиях недемократических режимов, когда члены гражданского общества оказываются в финансовой блокаде, финансирование этих фондов позволяло им решать свои жизненно важные проблемы во имя поддержания их независимой позиции. После революций подобный «зонтик» больше не действует, в результате чего гражданское общество становится укрощенным и теряет свое влияние.

Грузинский⁴ и украинский опыты показывают, что любое правительство дискредитируется с течением времени, особенно когда оно не чувствует горячего дыхания политической оппозиции, стоящей за ним. Устойчивыми демократическими странами становятся те страны, в которых носителями демократических ценностей являются как власти, так и основная оппозиция. В противном случае «дискредитированное» демократическое правительство позднее будет заменено недемократической политической организацией.

В новой ситуации гражданское общество Армении может стать партнером правительства в вопросе осуществления поворотных изменений – изменений, которые имеют ключевое значение для прав человека и демократических реформ. Однако такие реформы не были обнародованы властями, напротив, нынешняя власть отказалась от ряда «революционных» обещаний: установления баланса сил, принятия нового закона о партиях, осуществления судебных реформ и т. д.

2018 год был годом выборов в Армении. Были проведены две ключевые выборы: парламентские и Совета старейшин города Еревана. В настоящее время правящая политическая сила, партия «Гражданский Договор», провела выборы под лозунгом «черного» и «белого», то есть граница политической арены пролегла между «революционерами», в лице партии «Гражданский договор», и черными – антиреволюционерами (всеми остальными). В результате чего нынешняя правящая сила получила около 80% голосов. Выборы проходили в атмосфере взаимных обвинений и ненависти, в чем приняли участие активисты неправительственных организаций, которые прошли в парламент по избирательному списку новой силы. НПО не осуждают пропаганду ненависти и вмешательство исполнительной власти в работу судебных органов. Более того, иногда они становятся участниками и сторонниками всего этого. Это напоминает не стиль работы в соответствии с призывом гражданского общества, а прямое участие в борьбе за власть в худшем смысле слова.

Известный тюремный эксперимент Стэнфордского университета, проведенного в 1971 году, в ходе которого добровольцы были разделены на две группы, заключенных и охранников, показал, что статус вносит определенные психологические изменения в сознании человека.⁵ Если бывшие власти и бывшая оппозиция меняются местами, что произошло в Армении, существует опасность того, что их психология также изменится. Стабильны те политические системы, в которых при любом раскладе гражданское общество является независимым, а основные парламентские партии действуют в одной системе ценностей.

Армянская революция 2018 года или смена власти (оценки варьируются) показывает, что гражданское общество может сотрудничать

с правительством в достижении его целей, но непосредственное участие в управлении или участие в политической борьбе означает потерю влияния в общественной жизни в качестве беспристрастной правозащитной организации. А другая роль гражданского общества – общественной самоорганизации в соответствии с интересами, профессиями или другими предпочтениями, все еще находится в зачаточном состоянии в Армении, и еще слишком рано говорить об их возможной роли.

Смена правительства в Армении в результате массовых акций протеста в 2018 году стала одним из важнейших этапов в истории Армении, который, с одной стороны, разрушил существующий политический расклад и с другой стороны – поставил новые задачи перед гражданским обществом страны. Сможет ли армянское общество открыть новую страницу в своей истории и найти новые решения, а также сформировать новые политические и гражданские отношения, еще трудно сказать, однако народу Армении открылся такой исторический шанс.

ССЫЛКИ

- 1 См.: David Easton, *A Framework for Political Analysis* (London: Prentice-Hall, 1965).
- 2 См.: Сергей Кара-Мурза, «Общество граждан», *Взгляд*, 27 августа 2013 г., <https://vz.ru/opinions/2013/8/27/647338.html>.
- 3 См.: Margaret Karns, "Nongovernmental organization," *Encyclopaedia Britannica*, последнее посещение 07.06.2019, <https://www.britannica.com/topic/nongovernmental-organization>.
- 4 См. «Политическая роль неправительственного сектора в Грузии», *Грузинское Информационное Агентство*, декабрь 16 2015 г., <http://ru.saqinform.ge/news/25834/politiCeskaA-rol-i-nepravitelistvennogo-sektora-v-gruzii—gruzinform.html>.
- 5 См.: Джордж Зимбардо, «Стэнфордский тюремный эксперимент: что это было, как это началось и что из этого вышло», *Развитие личности*, № 2 (2016): 212 – 228.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зимбардо, Джордж. «Стэнфордский тюремный эксперимент: что это было, как это началось и что из этого вышло». *Развитие личности*, № 2 (2016): 212 – 228.

Кара-Мурза, Сергей. «Общество граждан». Взгляд, 27 августа 2013 г. <https://vz.ru/opinions/2013/8/27/647338.html>.

«Политическая роль неправительственного сектора в Грузии». *Грузинское Информационное Агентство*, декабрь 16 2015 г., <http://ru.saqinform.ge/news/25834/politiCeskaA-rol-i-nepravitelistvennogo-sektora-v-gruzii—gruzinform.html>.

Easton, David. *A Framework for Political Analysis*. London: Prentice-Hall, 1965.

Karns, Margaret. “Nongovernmental organization.” *Encyclopaedia Britannica*. Последнее посещение 07.06. 2019. <https://www.britannica.com/topic/nongovernmental-organization>.

Բանալի բառեր – Հայաստան, քաղաքացիական հասարակություն, ՀԿ, մարդու իրավունքներ, հետհեղափոխական, Հայկական հեղափոխություն:

Հայաստանում և մյուս հետխորհրդային երկրներում «քաղաքացիական հասարակություն» հասկացությունը ներմուծվել է Արևմուտքից: Այն ըմբռնում են որպես հասարակության կազմակերպված ձև, որն ունի իր սեփական հակառակորդը՝ իշխանությունը: Վերջինս խախտում է մարդկանց իրավունքները, և նրա դեմ էլ պետք է պայքարել: Զանի որ քաղաքացիական հասարակությունը գլխավորապես ֆինանսավորվում է Արևմուտքից, ապա օրակարգն էլ ձևավորվում է դրսից, և որպես հետևանք՝ քաղաքացիական հասարակությունն ըմբռնում են նաև որպես սոցիալական միավորների համախումբ, որը հենվում է ազատական արժեքների վրա: 2018 թվականին Հայկական թավշյա հեղափոխությունից կամ իշխանափոխությունից հետո (գնահատականները տարբեր են) քաղաքացիական հասարակությունը երկակի իրավիճակում է, քանի որ քաղաքացիական ակտիվիստների մի մասը հայտնվեց ազգային ժողովում և ընդգրկվեց կառավարության մեջ: Մյուս կողմից՝ ներկա կառավարության հռետորությունը հենվում է մարդու իրավունքների պաշտպանության գաղափարի վրա, և պարզ չէ, թե ում դեմ պայքարել հիմա: Միաժամանակ քաղաքացիական հասարակության մյուս դերակատարումը ըստ շահերի, մասնագիտության կամ տարբեր նախասիրությունների, հանրային ինքնակազմակերպումն է: Սակայն քաղաքացիական հասարակության մյուս ձևերը՝ արհմիությունները, կրոնական համայնքները, մասնագիտական ու ստեղծագործական անկախ միությունները Հայաստանում դեռևս սաղմնային փուլում են և դեռ չեն վերածվել հանրության կառուր մասնիկների:

SUMMARY

STEPAN DANIELYAN / TRANSFORMATIONS OF CIVIL SOCIETY IN POST-SOVIET ARMENIA

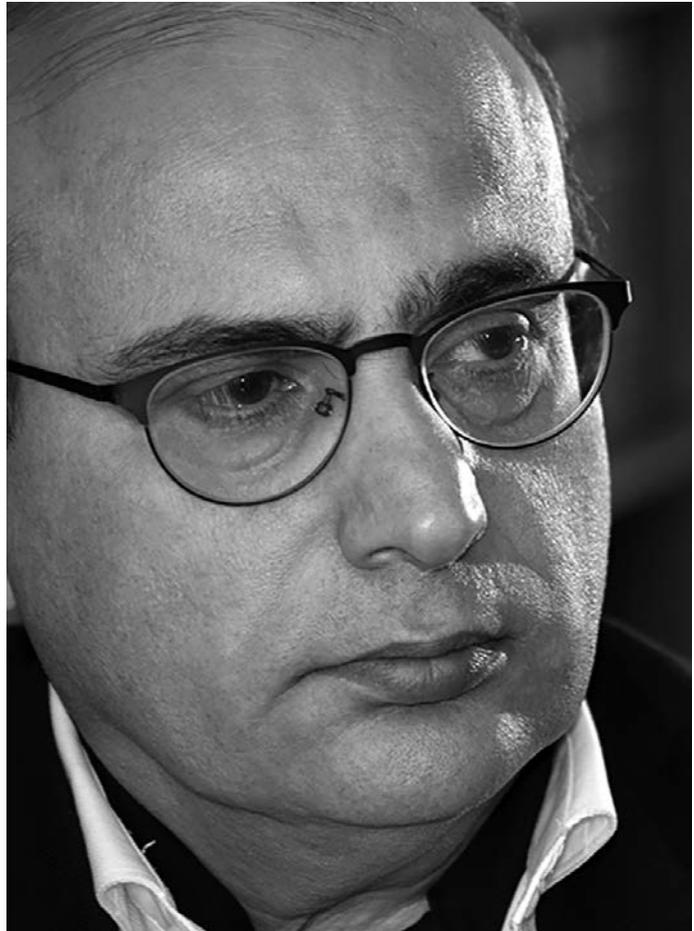
Key words: Armenia, civil society, NGO, human rights, the post-revolutionary, the Armenian revolution.

In Armenia and other post-Soviet countries, the notion of civil society has been imported from the West. It is perceived as an organized form of society that has its own opponent – power. The last one violates the rights of people, and it must be fought against it. As civil society is funded mainly from the West, hence, the agenda is also formed there and as a result, civil society is perceived as a complex of social units, based on liberal values. After the Armenian Velvet Revolution or transition of power in 2018 (the evaluations are different), civil society is in an ambiguous state, since several dozens of civic activists have appeared in parliament and government. From the other side, the rhetoric of the current government is based on the idea of protecting human rights, and it is not clear who to fight against now. At the same time, the other role of civil society is public self-organization according to interests, professional or other preferences. But the other forms of civil society in Armenia, trade unions, religious communities, independent professional and artistic unions, are still in embryo and have not turned into important public units.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Степан Даниелян – Центр «Сотрудничество Во Имя Демократии». С 2009 по 2012 год был редактором журнала «Религия и общество». С 2010 года – редактор онлайн ресурса www.religions.am. С 2000 года по 2010 год – директор издательского дома «Митк». Исследовательские интересы: взаимоотношения власти и общества, законодательное регулирование вопросов вероисповедания и свободы совести, а также права человека, права национальных и религиозных меньшинств. Участвовал и выступал в качестве докладчика на многочисленных международных конференциях по религиозной тематике. Имеет несколько десятков публикаций в международных научных журналах, научных альманахах по религиозной и политологической тематике, университетских изданиях, официальных онлайн ресурсах международных организаций и т. д.

Степан Даниелян (Армения) / colfordem@gmail.com

«ПЯТАЯ КОЛОННА»
ИЛИ ПАРТНЕРЫ?
ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ
В ДИСКУРСАХ ВЛАСТИ
И ОППОЗИЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гражданское общество, Беларусь, дискурс, власть, оппозиция, лояльность, недемократический режим.

ВВЕДЕНИЕ

Для современной Беларуси, где во многом сохраняются унаследованные с советского времени представления о «большом» государстве, важна проблема разграничения гражданского общества и государства. А также определения того, чем является и как определяется само «гражданское общество». Контекстом для понимания ситуации с гражданским обществом в Беларуси является недостаточная распространенность в стране практик гражданского участия. Это частично обусловлено факторами, характерными и для других постсоветских государств, среди которых: недоверие к организациям вследствие негативного опыта участия граждан в прошлом (в СССР); устойчивость сетей неформального общения, замещающего участие в организациях; разочарование в новых институтах неолиберального толка, которые представляют собой и организации гражданского общества.¹

Другой блок причин недостаточности гражданского участия связан с легальными ограничениями (например, ранее уголовная, в настоящее время административная ответственность за деятельность от имени незарегистрированной общественной организации); сложность получения финансовой помощи из-за границы, а также процесса регистрации новых организаций и т. д. Не менее важными являются и внутренние проблемы самих организаций гражданского общества (ОГО): расколы, борьба за ресурсы, несменяемость лидеров, отсутствие новых кадров и пр.

Вместе с тем, несмотря на все сложности, третий сектор в Беларуси существует и развивается. Хотя это развитие, как и в других странах с консолидированным недемократическим режимом имеет ряд особенностей. В частности, это раскол гражданского общества на так называемые «прогосударственные» (лояльные) и «низовые» организации, к которым государство относится принципиально по-разному, что хорошо заметно в политической риторике представителей белорусской власти. Анализ последней, а также высказываний представителей оппозиции о гражданском обществе и посвящена данная статья. В статье рассматриваются проблемы классификации, разделения белорусского гражданского общества на организации различного типа и их характеристики. Далее проводится анализ официального (властного) и оппозиционного дискурсов в отношении гражданского общества. Для раскрытия темы использованы материалы качественного дискурс-анализа официальной риторики белорусских властей (в частности, высказываний белорусского президента в период с 2010 по 2019 гг.), качественных интервью с политиками и гражданскими активистами, проведенные в разное время (с 2012 по 2019 гг.) и результаты анализа публикаций в белорусских онлайн медиа.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ТРЕТЬЕМ СЕКТОРЕ В БЕЛАРУСИ

С формальных позиций белорусское законодательство оперирует понятием «общественное объединение», определяя его как «объединение граждан в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для совместной реализации гражданских, социальных, культурных и иных прав» (ст. 1 Закона № 3254-XII «Об общественных объединениях» от 4.10.1994). Такое определение является интерпретацией понимания третьего сектора как совокупности институтов, члены которых вовлечены преимущественно в экономические и культурные негосударственные активности добровольного характера,² не имея при этом своей целью извлечения прибыли либо получения власти.³

Если говорить о количественных характеристиках, то согласно информации Министерства Юстиции Республики Беларусь, по состоянию на 1 июля 2018 года в республике было зарегистрировано 28 профессиональных союзов; 2 907 общественных объединений, из них 227 международных, 770 республиканских и 1910 местных, а также 7 республиканских государственно-общественных объединений. По направлениям деятельности общественные организации подразделяются на: физкультурно-спортивные – 796; благотворительные – 399; молодежные – 338; просветительские, культурно-досуговые, воспитательные – 248; граждан, относящих себя к национальным меньшинствам – 111; инвалидов войны и труда, ветеранов – 94; научно-технические – 85; сторонников охраны природы, памятников истории, культуры – 86; творческие – 54; женские – 32 и другие.⁴ Как видно из представленных типов организаций, в Беларуси сохранилось схожее с советским представлением о том, чем могут и должны заниматься «общественники».

Однако фактическое количество организаций гражданского общества, вероятно, больше. Это связано с тем, что часть организаций не могут зарегистрироваться, а часть регистрируется в виде юридических лиц другой формы (например, учреждений). Чаще всего с проблемой не-регистрации сталкиваются правозащитные организации (например, правозащитный центр «Вясна»), ассоциации неправительственных организаций (Ассамблея НГО), аналитические и социологические центры (Белорусский институт стратегических исследований – BISS). Функциональным решением для организаций в данном случае становится регистрация за рубежом, в соседних странах ЕС (Польше, Литве и пр.).

КЛАССИФИКАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА: «БОЛЬШИЕ» ПРОТИВ «МАЛЕНЬКИХ», «НАСТОЯЩИЕ» ПРОТИВ «НЕНАСТОЯЩИХ»

Говоря о моделях взаимоотношений государства и третьего сектора можно сказать, что в широком смысле в случае Беларуси третий сектор функционирует в режиме некорпоративизма,⁵ где государство допускает и признает (формально и символически) ограниченное количество организаций в обмен на их лояльность режиму и контроль со стороны власти за их деятельностью. Государство поддерживает тенденцию объединения организаций по секторальному принципу, тем самым повышая возможности контроля над ними. Примером такого рода может быть деятельность Федерации профсоюзов Беларуси (ФПБ), которая формально объединяет практически все (96.5%) работающее население страны и поддерживается государством.⁶

Для классификации и лучшего понимания структур гражданского общества предлагается использовать функционально-содержательные критерии – «лояльность» и «автономия» в отношении власти.⁷ Под «лояльностью» в данном случае понимается выражение поддержки власти в любой форме (пассивной, активной, добровольной или принудительной). «Автономия» предполагает возможность организаций действовать независимо от властей, принимать решения и вести себя в публичном пространстве, исходя из собственных интересов и интересов представляемых групп.

По критерию лояльности и автономии⁸ существующие в Беларуси организации действуют в двух модальностях: более малочисленной либеральной/оппозиционной (с высокой степенью автономии и минимальной лояльностью к существующему политическому режиму) и субсидиарно-коллаборационистской/провластной (с низкой степенью автономии, но высокой – лояльности режиму). Модель партнерских отношений (с умеренной степенью лояльности и достаточной автономии) с государством практически не представлена, а в дискурсивном отношении на публичном уровне организации, существующие и действующие в рамках данного разделения, не пересекаются.⁹ В соответствии с указанными модальностями организации гражданского общества в Беларуси можно разделить на следующие группы.

Первая группа государственно-общественных объединений (например, ДОСААФ, ОСВОД) как крайняя форма проявления субсидиарно-коллаборационистской модели. Всего в Беларуси существует 7 таких объединений: Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь (ДОСААФ), Белорусское добровольное пожарное общество (БДПО), «Президентский спортивный клуб», Белорусское физкультурно-спортивное общество «Динамо», Белорусское республиканское общество спасания на водах

(ОСВОД), Белорусское общество охотников и рыболовов (БООР), Белорусское общество «Знание». Большинство из них представляют сохранные с советских времен милитаризированные объединения. Деятельность этих организаций регулируется отдельным законом. Согласно с законодательным определением государственно-общественных объединений, они представляют собой «основанную на членстве некоммерческую организацию, создаваемую для выполнения возложенных на нее государственно значимых задач» (Закон Республики Беларусь от 19.07.2006 N150-3). Однако информации о них в открытых источниках практически нет.

Вторая группа – это провластные социальные организации (ПВСО), существующие преимущественно в рамках субсидиарно-коллаборационистской модальности, однако в некоторых случаях приближаясь к либеральному типу или модели партнерских отношений. По своему размеру, количеству членов и деятельности все ПВСО можно разделить на: крупные и небольшие «провластные социальные организации» (ПВСО). В качестве примеров крупных ПВСО можно привести: Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ), Белорусский союз женщин (БСЖ), ФПБ, республиканской общественное объединение «Белая Русь» и Белорусское общественное объединение ветеранов (БООВ). Особенностью этих организаций является пересекающееся членство их представителей с занятием позиций в различных органах государственной власти. Например, председатель БСЖ Марианна Щеткина одновременно является заместителем председателя верхней палаты парламента – Совета Республики. К большим провластным организациям по функциональным критериям можно отнести также православную и католическую церкви Беларуси.

В сфере социальной политики крупные ПВСО инструментально используются государством, реализуя определенное количество узконаправленных социальных проектов (например, мероприятия БРСМ в сфере молодежной политики). Основная их роль заключается в обеспечении легитимации режима, в частности, они являются ресурсной базой во время политических кампаний (выборов).

Группа небольших ПВСО представлена социальными общественными организациями. Например, Белорусская ассоциация социальных работников (БАСР). В случае небольших ПВСО можно говорить об определенной степени лояльности к существующему режиму, однако ее проявление заключается не столько в активных действиях, сколько в отсутствии противодействия властям (хотя, в случае соответствующих запросов на проявление лояльности со стороны власти, организации могут отвечать на них).

Представители небольших ПВСО в большинстве случаев целенаправленно стремятся уйти от политической риторики и сфокусиро-

ваться на стратегии «малых дел», непосредственной помощи своим целевым группам. В целом, многие из них находятся в сфере вынужденной лояльности (субсидиарного-коллаборационистско сотрудничества), что связано со спецификой их деятельности и потребностями их целевых групп, которые невозможно обеспечить без участия государства. Кроме того, государство позволяет им существовать в легальном статусе, а также может иногда предоставлять определенные льготы (одной из наиболее значимых из которых является льготная аренда помещений). Важно отметить, что вместе с тем, некоторые небольшие социальные организации демонстрируют большую степень самостоятельности своих действий и отсутствие открытых/публичных проявлений лояльности, таким образом приближаясь к организациям либерального типа (например, Офис по правам людей с инвалидностью, «Белсеть Антиспид»).

Группа оппозиционных организаций существует в пределах либерального модуса (например, правозащитные организации, политизированные молодежные организации). К этим организациям мы можем отнести все те, что являются образованными с низовой инициативы и стремятся к выражению интересов граждан, продвижению гражданских и политических прав (например, Белорусский хельсинкский комитет (БХК), Белорусский национальный молодежный совет «РАДА» и пр.). Организации именно этой группы чаще всего сталкиваются с проблемами в своей деятельности, давлением со стороны властей.

Провластные организации декларируют большой численный состав (порядка 4,5 млн. членов с учетом большой доли пересекающегося членства), однако членство в них во многих случаях имеет формальный характер. Вместе с тем, проблемой оппозиционных общественных объединений, напротив, является уменьшающееся количество сторонников, связанное как с маргинализацией их положения со стороны властей, так и их собственными внутриорганизационными проблемами. Основные структурно-функциональные характеристики организаций третьего сектора в Беларуси представлены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Структурно-функциональные характеристики ОГО в Беларуси.

Критерии классификации организаций третьего сектора	Провластные		Оппозиционные/ либеральные
	Большие социальные организации	Небольшие социальные организации	
Функции	Легитимация и обеспечение интересов властей	Представление интересов своих целевых групп и стратегия «малых дел»	Представление общего интереса, гражданских и политических прав
Количество членов	Более многочисленные (формальное членство)	Среднее по количеству, но более постоянное членство. Сервисные организации с малым количеством членов	Малочисленные
Официальный юридический статус	Зарегистрированные	Зарегистрированные (преимущественно)	Зарегистрированные, но значительное количество незарегистрированных
Источники финансирования	Средства из государственного бюджета и крупных международных организаций, реализующих социальные проекты	Средства зарубежных донорских организаций, государственные льготы (например, на аренду помещений), крупные международные организации (не часто)	Зарубежная финансовая поддержка, немногочисленная частная поддержка
Мотивация участия	Подчинение приказам и отсутствие альтернатив (на региональном уровне)	Заинтересованность в решении проблем своих целевых групп	Участие из интереса, желания заниматься общественно-полезной деятельностью

Источник: обобщение из работ.¹⁰

Необходимо обозначить и принципиально разные модальности присутствия организаций провластного и оппозиционного типа организаций в медийном пространстве. В случае крупных лояльных власти организаций им предоставляется доступ к электронным (контролируемым властью телевидению, радио) и печатным СМИ. Тогда как их присутствие в Интернете имеет преимущественно формальный характер.

Основной сферой присутствия оппозиционных организаций является интернет в части оппозиционно-ориентированных ресурсов, аудитория которых состоит преимущественно из политически-ангажированных или имеющих активную гражданскую позицию людей. Спецификой небольших социальных организаций является небольшая доля присутствия во всех видах медиа, что связано как с внутренними (недостаток ресурсов), так и внешними (нежеланием раскрывать источники финансирования своих проектов) обстоятельствами.

В случае провластных и оппозиционных организаций объединяющим мотивом их деятельности выступает накопление капитала (символи-

ческого и материального). У провластных организаций формами поощрения лояльности со стороны государства являются: денежные премии, предоставление дополнительных выходных взамен на участие в значимых для государства (преимущественно политических) событиях (выборах); государственное финансирование на уровне всей организации и предоставление возможностей участия в проектах с зарубежным финансированием.

У оппозиционных организаций во многом определяющим является признание со стороны зарубежных организаций, которое в материальном отношении означает возможность получения зарубежного финансирования и поддержки для организации и ее членов (в том числе, зарубежные поездки, стажировки и пр.). Однако для всего третьего сектора Беларуси характерна ограниченная роль в публичной политике. За исключением отдельных сфер они не могут осуществлять автономного адвокатиования своих проектов и продвижения публичных/общественных интересов.¹¹

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Представления о гражданском обществе формулируются белорусским президентом Александром Лукашенко, исходя из критерия лояльности и готовности общественных объединений выступать в качестве имплементатора политического курса властей. Нелояльные организации при этом маркируются при помощи таких понятий как «пятая колонна», «доморощенная оппозиция», «грантососы», в которых подчеркивается их зависимость от внешних доноров и «оторванность» от белорусской реальности. Сама идея «гражданского общества» воспроизводится в терминах колониализма, т.е. экспансии «Запада» в политическое и социальное, национальное пространство.¹²

Гражданское общество в дискурсе президента не является автономным актором, но видится как лояльный компаньон или даже продолжение государства. Большие лояльные прогосударственные организации получают поддержку и позитивные оценки. Когда дело доходит до нелояльных организаций, Лукашенко критикует их как вредную и деструктивную оппозицию. Правда, начиная с 2015 года, он немного расширил свой круг «приемлемых» акторов, включив в него организации, которые готовы взять на себя определенные обязанности государства в социальной сфере, в частности, в сфере предоставления социального заказа.

В целом, относительно третьего сектора в высказываниях Лукашенко можно выделить следующие смысловые линии:

Первая. Признание наличия в Беларуси «гражданского общества»,

состоящего из местных исполнительных органов, а также лояльных власти организаций (прежде всего, профсоюзов, молодежных и ветеранских) в противоположность утверждениям оппозиции о необходимости создавать в Беларуси гражданское общество: «Вы прекрасно знаете, что такое гражданское общество в Беларуси. Это не те, кто ходит по площадям и болтает. Это руководители нашей женской организации, молодежной организации, профсоюзов и ветеранской организации <...>». ¹³

Вторая. Утверждение о необходимости партнерства и конструктивного сотрудничества государства и общества, в которых не должно быть конфликтности. «Государство и общество – это две составляющие единого целого, которые взаимосвязаны на принципах партнерства и конструктивного сотрудничества. Ведь делить-то нечего: плывём в одной лодке, раскачивание которой может обернуться бедой для всех». ¹⁴

Третья. Утверждение о слабости организаций, не попадающих в пул лояльности, как не представляющих интересов народа, а также имеющих целью свержение существующего в стране политического режима, отождествляемого лично с президентом Лукашенко.

Четвертая. Корпоративистские идеи обязанности лояльных организаций выполнять социальные функции (например, ФПБ – решать соответствующие проблемы на предприятиях, БРСМ – обеспечивать трудоустройство).

Пятая. Отрицание планов создания в Беларуси «партии власти» (по аналогии с «Единой Россией»), как неактуальных для современной ситуации.

Шестая. Утверждение партнерских отношений между государством и церковью в лице двух конфессий (православной и католической).

Таким образом, в высказываниях Лукашенко преимущественно присутствуют организации, находящиеся на позициях лояльности к власти, которую они готовы публично поддержать. Несмотря на риторические отсылки к либеральному режиму партнерства с третьим сектором, форма взаимоотношений «государство – третий сектор» в высказываниях Лукашенко представляет собой неокорпоративистскую модель, в которой лояльность организаций вознаграждается признанием со стороны президента, что, с одной стороны, открывает им доступ к государственной поддержке. С другой, обязывает участвовать в реализации решений и мероприятий власти. Организации, не попадавшие в круг лояльности, подвергаются жесткой критике и не признаются в качестве субъекта политической и общественной жизни.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОППОЗИЦИИ

Представления оппозиции о гражданском обществе во многом основываются на критике «большого патерналистского государства», которое во многом видится дисфункциональным. Оно должно быть реформировано, стать меньше и эффективнее, освободить пространство и создать благоприятные условия для функционирования альтернативных акторов. В свою очередь, гражданское общество для представителей оппозиции – это только те организации, которые основаны на низовой инициативе («грассруты»). В то время как членство в больших лояльных прогосударственных организациях вообще не является гражданским участием, а сами они, соответственно, не могут рассматриваться в качестве ОГО.

Гражданское общество представителям белорусской оппозиции видится как партнер государства. Особенно четко это становится заметным после президентских кампаний 2010 и 2015 гг., когда оппозиционные кандидаты говорили о необходимости сотрудничества государства с автономными низовыми организациями. В частности, Короткевич в 2015 делала особый акцент на значимости механизма социального заказа и говорила о необходимости: «<...> *Благоприятных условий для развития некоммерческих организаций, обеспечения возможности равного доступа для них к государственному финансированию через участие в тендерах*».¹⁵

Также в высказываниях оппозиции выделяется тезис о необходимости восстановления независимых профсоюзов, их выведения из-под контроля государства. В целом гражданское общество в представлениях оппозиции это важный и *априори* признаваемый институт. Вместе с тем основное внимание уделяется больше политическим и гражданским правам в целом, их нарушению и несоблюдению нынешней властью, а также продвижению более общих идей солидарности и возможности совместных действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, в отношении различных типов гражданского общества в зависимости от их лояльности формируются различные властные и оппозиционные дискурсы. Во властном дискурсе можно говорить, с одной стороны, об утилитарном видении прогосударственных и лояльных организаций гражданского общества. С другой, о стигматизации, негативных и агрессивных оценках «нелояльных» организаций. В целом отношения между государством и ОГО представляются в модальности подчинения, «дополнения» гражданским обществом государства в выполнении некоторых (социальных) функций, а также запроса на поддержку власти в случае важных политических событий (выборов).

В оппозиционном дискурсе отношение к различным категориям гражданского общества имеет противоположное смысловое наполнение. Так, «грассруты» оцениваются и представляются позитивно, как важные для гармоничного функционирования общества субъекты. Все категории провластных организаций критикуются и не считаются частью гражданского общества.

Вместе с тем, необходимо отметить, что если оппозиционный дискурс в отношении гражданского общества в Беларуси является достаточно стабильным и ровным по содержанию, то властный дискурс претерпевает некоторые изменения в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации в стране.

ССЫЛКИ

- 1 См.: Марк Ховард, *Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе* (М: Аспект Пресс, 2009).
- 2 См.: John Keane, *Civil society: Old images, new visions* (John Wiley & Sons: 2013).
- 3 См.: Джин Коэн, Эндрю Арато и др., *Гражданское общество и политическая теория* (М.: Весь Мир, 2003).
- 4 Данные Минюста Республики Беларусь о политических партиях и общественных объединениях, последнее посещение 24.05.2019, https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/?sphrase_id=30658.
- 5 См.: Филипп Шмиттер, «Неокорпоративизм», *Полис*, 2 (1997): 14 – 22.
- 6 См.: Федерация Профсоюзов Беларуси, последнее посещение 24.05.2019, <https://1prof.by/about/off/>.
- 7 См.: Irimina Matonyté and Tatsiana Chulitskaya, “The third sector and political communication in Belarus: Highlights on the topic of social policies from the presidential campaign 2010,” *Lithuanian Annual Strategic Review* 10, no. 1 (2012): 235 – 263.
- 8 См.: Salamon Lester and Helmut Anheier, “Measuring the Non-profit Sector Cross-nationally: A Comparative Methodology,” *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations* 4, no. 4 (1993): 530 – 554; Dennis Young, “Alternative models of government – nonprofit sector relations: Theoretical and international perspectives,” *Nonprofit and voluntary sector quarterly* 29, no. 1 (2000): 149 – 172.
- 9 См.: Matonyté, Chulitskaya, “The third sector and political communication in Belarus: Highlights on the topic of social policies from the presidential campaign 2010,” 235 – 263.
- 10 См.: Там же, а также см.: Виктор Чернов, «Какой в Беларуси корпоративизм?», *Наше мнение*, № 08 (2008), последнее посещение 27.05.2019, <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>.
- 11 См.: Matonyté, Chulitskaya, “The third sector and political communication in Belarus: Highlights on the topic of social policies from the presidential campaign 2010,” 235 – 263.
- 12 Салменниими Суви, «Теория гражданского общества и постсоциализм», *Журнал исследований социальной политики* 7, №. 4 (2009): 439 – 463.
- 13 Официальная публикация сайта Президента Республики Беларусь, «Принятие кадровых решений», 18 августа 2018 г., последнее посещение 27.05.2019 http://president.gov.by/ru/news_ru/view/prinjatje-kadrovых-reshenij-19323/.
- 14 Официальная публикация сайта Президента Республики Беларусь, «Глава государства обратился с посланием к белорусскому народу и Национальному собранию», 23 мая 2006 г., последнее посещение 04.07.2019. http://president.gov.by/ru/news_ru/view/glava-gosudarstva-obratilsja-s-poslaniem-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-2399/.
- 15 Официальная публикация сайта движения «Говори правду» 2015 г., последнее посещение 04.07.2019, <https://zapraudu.info/karatkevich-initiative-group/program/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

Данные Минюста Республики Беларусь о политических партиях и общественных объединениях. Последнее посещение 24.05.2019. https://minjust.gov.by/directions/compare_coverage/?sphrase_id=30658.

Коэн, Джин, Арато, Эндрю, и др. *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Весь Мир, 2003.

Официальная публикация сайта движения «Говори правду» 2015 г. Последнее посещение 04.07.2019. <https://zapraudu.info/karatkevich-initiative-group/program/>.

Официальная публикация сайта Президента Республики Беларусь. «Глава государства обратился с посланием к белорусскому народу и Национальному собранию». 23 мая 2006 г. Последнее посещение 04.07.2019. http://president.gov.by/ru/news_ru/view/glava-gosudarstva-obratilsja-s-poslaniem-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-2399/.

Официальная публикация сайта Президента Республики Беларусь. «Принятие кадровых решений», 18 августа 2018 г. Последнее посещение 27.05.2019. http://president.gov.by/ru/news_ru/view/prinjatije-kadrovых-reshenij-19323/.

Суви, Салменниemi. «Теория гражданского общества и постсоциализм». *Журнал исследований социальной политики* 7, № 4 (2009): 439 – 463.

Федерация Профсоюзов Беларуси. Последнее посещение 24.05.2019. <https://1prof.by/about/off/>.

266

Ховард, Марк. *Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе*. М: Аспект Пресс, 2009.

Чернов, Виктор. «Какой в Беларуси корпоративизм?». *Наше мнение*, № 08 (2008). Последнее посещение 27.05.2019. <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>.

Шмиттер, Филипп. «Неокорпоративизм». *Полис*, 2 (1997): 14 – 22.

Keane, John. *Civil society: Old images, new visions*. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Matonytė, Irmīna, and Chulitskaya, Tatsiana. "The third sector and political communication in Belarus: Highlights on the topic of social policies from the presidential campaign 2010." *Lithuanian Annual Strategic Review* 10, no. 1 (2012): 235 – 263.

Salamon, Lester, and Anheier, Helmut. "Measuring the Non-profit Sector Cross-nationally: A Comparative Methodology." *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations* 4, no. 4 (1993): 530 – 554.

Young, Dennis. "Alternative models of government-nonprofit sector relations: Theoretical and international perspectives." *Nonprofit and voluntary sector quarterly* 29, no. 1 (2000): 149 – 172.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

SUSՅԱՆԱ ՉՈՒԼԻՑԿԱՅԱ / «ՀԻՆԳԵՐՈՐԴ ՇԱՐԱՍՅՈՒՆ», ԹԵ՞ ԳՈՐԾԸՆԿԵՐ: ԲԵԼԱՐՈՒՍԻ ԶԱՂԱԶՅԻԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԱՇՏՈՆԱԿԱՆ ԵՎ ԸՆԴՀԻՄԱԴԻՐ ԴԻՍԿՈՒՐՍՆԵՐՈՒՄ

Բանալի բառեր – քաղաքացիական հասարակություն, Բելառուս, դիսկուրս, իշխանություն, ընդդիմություն, հավատարմություն:

Հոդվածի նպատակն է վերլուծել Բելառուսում քաղաքացիական հասարակության վերաբերյալ առկա դիսկուրսները: Հոդվածը հիմնված է որակական դիսկուրս վերլուծությունից, կիսակառուցակարգված հարցազրույցներից և ՉԼՄ-ների վերլուծությունից ստացված նյութերի վրա: Առաջին մասը ներկայացնում է Բելառուսում քաղաքացիական հասարակության կազմակերպությունների (ԶՀԿ) ընդհանուր բնութագիրը: Այնուհետև հաջորդում է ԶՀԿ-ների տիպաբանությունը, որը հիմնված է իշխանությունների հանդեպ հավատարմության և նրանցից ունեցած ինքնավարության չափանիշների վրա: Հաջորդ մասերը նվիրված են քաղաքացիական հասարակության վերաբերյալ պաշտոնական և ընդդիմադիր դիսկուրսների վերլուծությանը: Եզրակացության մեջ ներկայացված են քաղաքացիական հասարակության վերաբերյալ երկու դիսկուրսների ընդհանուր հատկանիշները: Պաշտոնական դիսկուրսում հավատարիմ կազմակերպությունները դիտարկվում են ուտիլիտարիստական տեսանկյունից՝ որպես «օգտակար», իսկ «անհավատարիմները»՝ մարգինալացված: Ընդդիմադիր դիսկուրսում իշխանական կառույցներին հավատարիմն ընդհանրապես չի համարվում քաղաքացիական հասարակության ներկայացուցիչ, բայց ներքևից սկիզբ առած կազմակերպությունները հիմնականում դրական են գնահատվում և դիտարկվում են որպես պետության գործընկեր: Միաժամանակ եթե քաղաքացիական հասարակության մասին ընդդիմադիր դիսկուրսը համեմատաբար կայուն է, ապա պաշտոնականը կարող է փոխվել՝ կախված քաղաքական համատեքստից:

SUMMARY

TATSIANA CHULITSKAYA / “THE FIFTH COLUMN” OR PARTNERS? CIVIL SOCIETY IN BELARUS IN THE OFFICIAL AND OPPOSITIONAL DISCOURSES

Key words: civil society, Belarus, discourse, authority, opposition, loyalty.

The goal of the article is to analyze the existing discourses on civil society in Belarus. The article is based on the materials of qualitative discourse analysis, of semi-structured interviews and of analysis of media. The first part presents general characteristics of civil society organizations (CSOs) in Belarus. Then, I proceed with the typology of CSOs, based on the criteria of loyalty and autonomy to authorities. The next parts are devoted to the analysis of official and oppositional discourses on civil society. In conclusion, the general characteristics of both discourses on civil society are presented. In the official discourse, the loyal organizations are seen in the utilitarian way ‘as useful’, while ‘disloyal’ ones are marginalized. In the oppositional discourse, the loyal to the authority organizations is not considered as a representative of civil society at all, but grassroots are evaluated mostly positive, and they are seen as a partner of state. Meanwhile, if the oppositional discourse on civil society is relatively stable, the official one may vary depending on political context.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ:

Татьяна Чулицкая – научная сотрудница факультета дипломатии политических наук Университета Витовтс Великого (Литва) и академический директор Школы молодых менеджеров в сфере публичного администрирования (SYMPA) (Беларусь). В 2014 защитила диссертацию по теме «Нарративы социальной справедливости в недемократическом государстве: анализ случая Беларуси» в Вильнюсском университете. Сфера исследовательских интересов: анализ публичной политики, гражданского общества и гражданского участия; политическая коммуникация; политические и социальные трансформации на постсоветском пространстве; государство благосостояния и социальная политика; дискурсивный анализ публичной политики. Автор ряда публикаций по данной тематике. Сотрудничает с исследовательскими и образовательными организациями в Беларуси. Является приглашенным экспертом аналитического центра SYMPA/VIPART. С 2016 по 2019 гг. участвовала в исследовательском проекте по изучению стран «Восточного партнерства» EU-STRAT (<http://eu-strat.eu>). Она также руководила и участвовала в ряде проектов и инициатив, связанных с наблюдением за выборами в Беларуси, анализом ситуации в сфере академических свобод, изучением практик адвокатирования и языка вражды.

Татьяна Чулицкая (Беларусь) / chulitskaya@gmail.com

СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сознание, общество, политика, выборы, деятельность,
избиратель.

Что такое сознание? Распространенная дефиниция термина: сознание (с фр. *conscience*) – способность человека познавать окружающий мир и самого себя посредством мышления и разума, в результате чего формируется интеллект личности.¹ Сознание рассматривается философами и психологами, как высшая форма отражения действительности, присущая людям и связанная с их психикой, абстрактным мышлением, мировоззрением, самосознанием, самоконтролем своего поведения и деятельности и предвидения результатов последней.²

Что же такое сознание для общественного деятеля? Какие изменения в сознании происходят после того, как страна переживает очередную смену власти, или даже революцию?

Каким образом осуществляется выбор, чем заниматься? Особенно, в случае, если за это нет прибыли в финансовом эквиваленте. Почему граждане принимают или не принимают участие в выборах? Чем руководствуются они в вопросе, за кого отдать свой голос? Анализируют ли программы кандидатов на выборах различных уровней или, что очень важно, отслеживают потом, придерживаются ли народные избранники своих обещаний. Если нет – то как на это реагируют? Что толкает людей осознанно принимать решение участвовать в акциях протеста, митингах и революциях? Есть ли у граждан сформированный набор ценностей, которыми они руководствуются в своей жизни?

На самом деле, многих правильных ценностей нас лишила «советская эпоха». Зато сформировала неверные ценности, которые, к сожалению, существуют до сих пор. Аналогично относительно сознания. Нас (читайте поколения наших отцов, дедов, прадедов) программировали на то, чтобы всегда стоять на стороне большинства; быть одним из толпы, а не личностью; не ценить различия в других; избегать ответственности, инициативности, толерантности к инакомыслию, самостоятельности в принятии решений.

В силу вышеописанного мы не осознаем до конца, насколько важны самостоятельность в принятии решений, самокритичность и анализ, самоконтроль и настойчивость, образование и самообразование на протяжении всей жизни, а также сознательное восприятие ценности того, что станет полезным и значимым в перспективе, хотя, возможно в ближайшем будущем может быть убыточным. Как, например, нововведенные реформы или даже революция.

Часто ли среднестатистический человек задает себе вопрос о том, сознательно ли он поступает в каждодневной жизни? Осознает ли он свою так называемую жизненную программу? Или же, как говорят, плывет по течению. Естественно, каждый адекватный человек, каждая страна стремится к благосостоянию, развитию, прогрессу, эконо-

мическому благополучию или процветанию. Отчасти, это априори заложенная в нашем обществе формула, которую можно уложить в простой алгоритм: получить образование, найти хорошо оплачиваемую работу, жениться/выйти замуж, родить детей, вырастить их и дожить до внуков.

Но на самом деле ситуация обстоит так, что граждане Украины, как и большинства постсоветских стран, не осознают, что эта жизненная программа не сложится сама собой. А даже если сложится, то не факт, что это принесет сатисфакцию. Возможно, им на самом деле была нужна совсем другая программа. Довольно часто «кризис среднего возраста», которому уделяется много внимания в современной психологии и психиатрии, в своей основе имеет также то, что человек получив образование, найдя работу и создав семью, не знает, что ему делать дальше, ему в буквальном смысле слова становится неинтересно жить и непонятна его будущая перспектива. Усугубляет ситуацию тот факт, что наша страна не достаточно экономически развита, значительная часть населения имеет довольно низкие доходы, вследствие чего человек начинает винить во всем правительство, обстоятельства и так далее, но не себя. Если задать вопрос: «Кто должен возродить нашу страну и строить экономически благополучное, цивилизованное государство?». Большинство ответят: «Конечно же, не я. Я ведь никакого отношения не имею к политике, это – вопрос к президенту, парламенту, правительству».³ К сожалению, так думает большинство украинцев.

В вышеописанной ситуации неплохим решением для среднестатистического украинца было бы заняться общественной деятельностью. В нынешнее время, согласно исследованиям, довольно низкий показатель вовлечения населения в общественную деятельность (только 8% граждан), в частности в возрасте после 30 лет.⁴ В этом плане наиболее активной в отношении общественной деятельности является молодежь, в особенности студенты. У них довольно много свободного времени, есть высокая потребность в самореализации и стремление почувствовать себя самостоятельным взрослым. Правда, негативным является тот факт, что взрослея, все большее число молодежи отходит от общественной деятельности, или же перестают ею активно заниматься, хотя и считают себя номинально общественными активистами. Дело в том, что происходит перестановка приоритетов, и на первое место множество молодых людей ставит задачу найти работу, создать семью. В тоже время они считают общественную деятельность второстепенной и трудно совместимой с трудовой занятостью и семейными отношениями.

Еще одной важной проблемой, которая мешает развитию сознательных общественных активистов – это сформированный негативный имидж общественной, а также политической деятельности. Немалую роль тут сыграли непорядочные НПО, которые занимаются

так называемым «грантоедством»). Но не только в этом проблема. Наша организация проводила опрос общественных активистов на предмет того, понимают ли самые близкие им люди (родители, братья, сестры, мужа, жены и т. д.) чем именно они занимаются, и поддерживают ли они их в этом. В подавляющем большинстве случаев близкие не понимают, чем занимаются их родственники-общественные активисты, не хотят особо вникать и разбираться в этом, а наоборот считают, что они занимаются бесполезной деятельностью и даром теряют время. Что более полезным было бы уделять данное время образованию, трудовой деятельности, семье и т.п. С большой вероятностью можно сказать, что корни данного явления тянутся еще с времен СССР, где за какую-либо общественную деятельность, отличающуюся от линии коммунистической партии, можно было получить серьезные проблемы вплоть до уголовной ответственности. С другой стороны, в нашей стране во многом произошла подмена моральных ценностей материальными. Многим людям непонятно, зачем тратить свое время и усилия на общественную деятельность, которая не приносит денежного дохода, а иногда даже требует вложения собственных финансовых средств.

Проблема нашей страны – низкий уровень политического и общественного образования граждан. Этому не учат в школе и вузе. Да, к сожалению, можно отметить, что наша образовательная система до сих пор мало чем отличается от той, которая была в СССР. Отдельно стоящей проблемой является низкие зарплаты работников образовательной сферы, что приводит к тому, что лучшие кадры трудоустраиваются в других сферах. Среднестатистический человек не осознает того, что власть – не отдельно стоящая «каста», а это представитель народа, и каждый избиратель не только может и должен влиять на формирование органов власти, но и несет ответственность за свой выбор.

Относительно сознательности в контексте общественной и политической деятельности в Украине, можно отметить следующий позитивный показатель. Большинство украинцев положительно относятся к тому, что отдельные общественные активисты становятся политиками: 46% респондентов считают, что именно так может произойти качественное обновление политики, а 29% уверены, что участвующие в политике общественные активисты смогут оказывать реальное влияние на ситуацию в стране. Это – результаты опроса фонда «Демократические инициативы» и Центра Разумкова.⁵ Противники участия общественных активистов в политике аргументируют это тем, что в общественной деятельности активисты смогут принести больше пользы, и общественные активисты не смогут стать влиятельными политиками без мощных финансовых ресурсов и коррупционных связей (13%).

Как Вы относитесь к тому, что некоторые общественные активисты становятся политиками? (отметьте не более 2-х ответов)

Позитивно, потому что они смогут реально воздействовать на ситуацию в стране. 29,1%

Позитивно, потому что таким образом может произойти качественное обновление политики. 46,0%

Негативно, потому что они не смогут стать влиятельными политиками без наличия мощных финансовых ресурсов и коррупционных связей. 12,8%

Негативно, потому что в общественной деятельности можно принести больше пользы обществу. 13,4%

Трудно сказать. 15,9%

Исследование проведено фондом «Демократические инициативы» Центром Разумкова с 19 по 25 мая 2018 во всех регионах Украины за исключением оккупированных территорий среди 2019 респондентов. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,3%. Финансирование опроса осуществлено в рамках проекта «Программа содействия общественной активности „присоединяйся!“», финансируемого Агентством США по международному развитию (USAID) и осуществлено Раcт в Украине.

Одна из старейших НПО Украины – «Украинский студенческий союз» с 2015 г. реализует проект «Сознательные выборы». Целью проекта является обучение молодых людей сути избирательной системы в Украине, придание ценности участия в выборах. К сожалению, у большинства украинцев очень слабая вера в то, что их голос имеет значение, и они действительно способны вызвать позитивные изменения в своей стране. Одной из причин этого является то, что до 2004 г. были распространены массовые фальсификации результатов голосований, в которых активно использовался так называемый административный ресурс. Довольно часто избиратели оказывались в ситуации «выборов без выбора», особенно во время президентских выборов. К примеру, в 1999 г. большой процент избирателей голосовали за Леонида Кучму, только потому, что не хотели, чтобы к власти пришел Петр Симоненко, который был представителем коммунистической партии. В 2004 г. в результате Помаранчевой революции победил Виктор Ющенко, хотя многие, кто голосовали за него, признавали, что не хотели, чтобы к власти пришел приемник Леонида Кучмы Виктор Янукович.

В 2014 г. из избирательных бюллетеней исключили пункт «Не поддерживаю ни одного из кандидатов», что часто приводит к тому, что избиратель бойкотирует выборы, поскольку не имеет возможность выразить свою политическую позицию. Последние президентские выборы 2019 г. были особенно показательными в отношении характерной черты несознательного украинского избирателя – желании голосовать за новые (по крайней мере, номинально) политические силы или политиков. Таким образом, Владимир Зеленский, который

не имел политического опыта и не занимал должностей в органах власти в прошлом, с большим отрывом одержал победу над действующим президентом Петром Порошенко.

Еще одной специфической чертой украинского избирателя является то, что приблизительно две трети украинцев хотят видеть новых политических лидеров. Как свидетельствуют данные опроса фонда «Демократические инициативы» и Центра Разумкова, в мае 2018 г. 62% граждан считали, что Украине нужны новые политические лидеры (в 2013 году такого мнения придерживались 49% респондентов).⁶ Наиболее желательно, чтобы эти новые лидеры появились из новых политических сил (33,5%), уже существующих политических партий, где они были не на первых ролях (30%), из организаций гражданского общества (28%) и кругов гуманитарной или технической интеллигенции (26%).

Если сравнить с 2013 годом, то существенно возрос вес организаций гражданского общества (на 8%), новых политических сил (на 8%) и интеллигенции (на 6%). Избиратели все больше отдают предпочтение появлению новых политических лидеров из организаций гражданского общества.

Нельзя охарактеризовать данное явление как однозначно позитивное, поскольку «новые» политические лидеры и силы – это те же «старые», только производившие удачный ребрендинг. К тому же, следует взять во внимание короткую политическую память украинского избирателя, о чем будет написано ниже, в силу чего он не может адекватно спрогнозировать поведение данных псевдоновых политических лидеров и сил, так как не осознает, что нужно провести детальный анализ их прошлой деятельности и экстраполировать результаты на перспективу.

Еще одна особенность украинского несознательного избирателя: не уважать власть и перекладывать ответственность за все личные беды на нее. А ведь качество и уровень жизни той или иной страны зависит от граждан, которые готовы взять ответственность, прежде всего за самих себя, за свой сознательно сделанный выбор. Кроме того, избиратель должен понимать как себя вести в том случае, если победу одержала не та политическая сила или кандидат, которому он симпатизировал. Нужно понимать, что не стоит сразу же устраивать акции протеста и революции, а уважать выбор большинства избирателей, естественно при условии, что выборы прошли без нарушений законодательства и признаны демократическими. Нужно планировать действия по созданию конструктивной оппозиции и т. д. Кроме того, украинцы в основном не осознают, что действенные реформы не делаются быстро и безболезненно. Поэтому очень сложно реализовать эффективные реформы в стране.

Как пример можно привести Албанию, а именно господина Сали Рам Беришу, который 9 апреля 1992 года был избран президентом

страны. В 1996 г. был переизбран на президентский пост. Вскоре после этого страну поразил экономический кризис, которому способствовал крах нескольких «финансовых пирамид», приведший к утрате сбережений огромной массы населения. Люди обвинили руководство страны в участии в финансовых махинациях. В результате нападений на склады вооружений страна оказалась на грани гражданской войны и хаоса. В июне 1997 г. были проведены досрочные парламентские выборы, на которых победила коалиция партий, которую возглавили социалисты. Через месяц после поражения Бериша ушёл в отставку, продолжая возглавлять партию. В июле 1997 г. Беришу на президентском посту сменил социалист Реджеп Мейдани. Бериша, находясь на посту президента Албании, которая, к слову, в то время, была одной из беднейших стран Европы, положил начало экономическим реформам. Но несознательные граждане не увидели в этом перспектив выведения страны на новый экономический уровень, а возложили всю вину на Сали Беришу за временные экономические трудности. Но на всеобщих парламентских выборах 3 июля 2005 г. Демократическая партия Албании получила со своими союзниками необходимое большинство для формирования нового правительства страны, которое возглавил Сали Бериша. 3 сентября 2005 г. президент Албании поручил ему сформировать кабинет министров.

28 июня 2009 г. состоялись очередные парламентские выборы. Основным соперником Сали Бериша на пост премьер-министра был мэр Тираны, член Социалистической партии Эди Рама. Оба кандидата обещали избирателям усилить борьбу с бедностью и продолжить подготовку ко вступлению в Европейский Союз. Демократическая партия выиграла выборы, получив незначительное преимущество в парламенте. 3 сентября 2009 г. между Демократической партией и Социалистическим движением за интеграцию, возглавляемым бывшим премьер-министром страны Илиром Метой, было подписано коалиционное соглашение. Сали Бериша вновь получил возможность возглавить правительство.⁷

Теперь Албания находится на довольно высоком уровне развития страны и является одним из ближайших претендентов на вступление в Европейский Союз. То есть заложенные в начале 90х гг. реформы возымели свое позитивное действие через приблизительно 15 лет.

Говоря про сознательные выборы, также нельзя обойти вниманием тот факт, что украинская политика в основном безидеологична и ориентирована на личности – то есть лидеров партий. Избиратели в большинстве своем не считают своим обязательством делать анализ программ кандидатов, а поддаются на манипуляции в СМИ. Довольно часто побеждает в выборах тот, у кого было больше ресурсов для политической рекламы на различных площадках, особенно в СМИ, наружной рекламы и т. д. Как показывают исследования, около

30% избирателей принимают решение за какого кандидата отдать голос тогда, когда они уже находятся в кабине для голосования. Особенно это касается выборов в местные органы власти.

Еще одной очень важной составляющей сознательных выборов есть отслеживание избирателями последующей деятельности народных избранников. В особенности это касается исполнения ими своих предвыборных обещаний. В большинстве своем украинские избиратели не помнят того, что им обещали представители избирательных органов власти в то время, когда были кандидатами на соответствующие посты. Соответственно кроме неконструктивной критики – «они (власть) во всем виноваты» ничего не происходит, особенно перемены, которые бы указывали на то, что сознательность граждан растет, они готовы к разным формам так называемого сотрудничества с властью, а также готовы проводить мониторинг деятельности власти, особенно в части выполнения избирательных программ и обещаний.

Поэтому можно характеризовать политическую ситуацию в Украине как так называемую «демократическую анархию». Несмотря на то, что массовые фальсификации результатов выборов уже в прошлом, существует политический плюрализм и свобода слова, страна уходит во все более глубокий и продолжительный политико-экономический кризис.

ССЫЛКИ

- 1 См.: Раймонд Корсини, Алан Ауэрбах, «Сознание (consciousness)», *Психологическая энциклопедия*, последнее посещение 20.06.2019, https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1020/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.
- 2 Там же.
- 3 Сандей Аделаджа, «Как возродить страну и построить цивилизованное, развитое государство», последнее посещение 20.06.2019, <http://adelaja.com/sandey-adeladzha-kak-vozrodit-stranu-i-postroit-tsivilizovannoe-razvitoe-gosudarstvo.html>.
- 4 См.: «Громадський сектор і політика: взаємодія, нейтралітет чи боротьба?», *Фонд демократичні ініціативи*, 17 липня 2013, последнее посещение 20.06.2019, <https://dif.org.ua/article/gromadskiy-sektor-i-politika-vzaemodiya-neytralitet-chi-borotba>.
- 5 См.: «Більшість українців позитивно сприймають перехід громадських активістів у політику», *Зеркало Недели*, 1 серпня 2018, последнее посещение 20.06.2019, https://dt.ua/POLITICS/bilshist-ukrayinciv-pozitivno-spriymayut-perehid-gromadskih-aktivistiv-u-politiku-284549_.html.
- 6 См.: «Дві третини українців хочуть бачити нових політичних лідерів», *Зеркало Недели*, Выпуск 21, 1 серпня 2018», последнее посещение 20.06.2019, https://dt.ua/UKRAINE/dvi-tretini-ukrayinciv-hochut-bachiti-novih-politichnih-lideriv-284545_.html.
- 7 «Бериша Сали», *Wikipedia*, последнее посещение 20.06.2019, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B0_%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%B8.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аделаджа, Сандей. «Как возродить страну и построить цивилизованное, развитое государство». Последнее посещение 20.06.2019. <http://adelaja.com/sandey-adeladzha-kak-vozrodit-stranu-i-postroit-tsivilizovannoe-razvitoe-gosudarstvo.html>.

Корсини, Раймонд, Ауэрбах, Алан. *Психологическая энциклопедия*. Последнее посещение 20.06.2019. https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychology/.

Wikipedia. «Бериша Сали». Последнее посещение 20.06.2019. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B0_%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%B8.

«Більшість українців позитивно сприймають перехід громадських активістів у політику». *Зеркало Недели*, 1 серпня 2018. Последнее посещение 20.06.2019. https://dt.ua/POLITICS/bilshist-ukrayinciv-pozitivno-spriymayut-perehid-gromadskih-aktivistiv-u-politiku-284549_.html.

«Громадський сектор і політика: взаємодія, нейтралітет чи боротьба?». *Фонд демократичні ініціативи*, 17 липня 2013. Последнее посещение 20.06.2019. <https://dif.org.ua/article/gromadskiy-sektor-i-politika-vzaemodiya-neytralitet-chi-borotba>.

Дві третини українців хочуть бачити нових політичних лідерів». *Зеркало Недели*, 1 серпня 2018. Последнее посещение 20.06.2019. https://dt.ua/UKRAINE/dvi-tretini-ukrayinciv-hochut-bachiti-novih-politichnih-lideriv-284545_.html.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ԱՆՆԱ ՄԱՍՆԱ / ԳԻՏԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՅԵՏԻՈՐՅՐԴԱՅԻՆ
ԵՐԿՐՆԵՐՈՒՄ ԸՂՂԱԶՄՑԻԱԿԱՆ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՉԱՐԳԱՑՄԱՆ
ԳՈՐԾՈՆ

Բանալի բառեր – գիտակցություն, հասարակություն,
քաղաքականություն, ընտրություններ, ակտիվություն, ընտրող:

Հոդվածը վերաբերում է քաղաքացիական և քաղաքական կյանքում անհատական և խմբային գիտակցության երևույթին: Հատուկ ուշադրության է արժանանում իրազեկ որոշումների կայացման կարևորությունն ընտրական գործընթացներում և նախընտրական քարոզարշավներում, ինչպես նաև քվեարկության գործընթացները և ընտրություններից հետո տարբեր մակարդակներում պետական մարմինների գործունեության մոնիտորինգը: Հոդվածի հեղինակը վերլուծում է ուկրաինացիների հանրային գիտակցության ցածր մակարդակի պատճառները, որի արմատները խորհրդային անցյալում են: Ուկրաինացիների քաղաքական ակտիվության վերաբերյալ սոցիոլոգիական հետազոտությունների տվյալները հնարավորություն են տալիս նաև նկատել նրանց քաղաքական նախասիրությունների և ՀԿ-ների ու իշխանությունների փոխհարաբերության առանձնահատկությունները:

SUMMARY

ANNA MASNA / CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN POST-SOVIET COUNTRIES

Key words: consciousness, society, politics, elections, activity, voter.

280

The article concerns the phenomenon of individual and group consciousness in civic and political life. A particular attention is paid to the importance of making informed decisions during electoral processes, election campaigns, as well as to the processes of voting and of monitoring of the activities of government bodies at the different levels after elections. The author of the article makes an analysis of the reasons for the low level of public consciousness of Ukrainians, whose roots lie in the Soviet past. Also, the data of sociological researches concerning political activity of Ukrainians enables to trace the peculiarities of their political preferences and of the interaction between NGOs and authorities.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Анна Масна – украинский общественно-политический деятель. Свое первое высшее образование получила в Институте экономики и предпринимательства (г. Тернополь), специальность – маркетинг. Второе высшее образование – Институт политических наук при Национальной Академии Наук Украины (г. Киев). Активный участник Помаранчевой революции (2004 г.) и Революции достоинства (2013 – 2014 гг.). Имеет опыт международной деятельности: в 2012 – 2013 гг. занимала должность Директора по европейской интеграции студенческой организации Европейской Народной партии (Europeans Peoples' Party) «Европейские демократические студенты» – крупнейшей и одной из старейших христианско-демократических студенческих организаций Европы. На период 2013 – 2014 гг. была избрана на пост заместителя Председателя этой же организации. Консультант кандидатов во время разных избирательных компаний 2006 – 2012 гг. С 2008 г. соучредитель и исполнительный директор НПО «Фонд поддержки демократических инициатив». Эксперт по вопросам развития гражданского общества и политических процессов.

Анна Масна (Украина) / annamasna15@gmail.com

Սույն ժողովածուն ընդգրկում է գիտական հոդվածներ, որոնց հենքում 2018 թվականի աշնանը և 2019 թվականի գարնանը Երևանում տեղի ունեցած երկու՝ «խորհրդայինը, հետխորհրդայինը, հետհետխորհրդայինը. կայսերական ժառանգություն, ազգաշինություն և Արևելյան գործընկերություն» և «Հետխորհրդային քաղաքացիական հասարակությունները քաղաքական դիսկուրսում» գիտաժողովներին ներկայացված որոշ զեկուցումներ են: ԽՍՀՄ փլուզումից հետո այդ տարածքում կազմավորված երկրները թևակոխեցին հիմնարար տնտեսական, քաղաքական, մշակութային փոփոխությունների փուլ: Դրանց արդյունքում դարձ դարձավ, որ ամենատարբեր բնագավառներում մի կողմից որոշակի լարումներ կան անցյալի ու ներկայի միջև, մյուս կողմից՝ ընդհանրություններ: Ուստի միանգամայն բնական է, որ այս երկրներում ու հասարակություններում առ այսօր խորհրդայինի հանդեպ վերաբերմունքը երկակի է:

Ժողովածուի մեջ ընդհանրապես հետխորհրդային փորձառությունների՝ փոխակերպումների ու դրանց հարուցած հետևանքների, խորհրդային անցյալի հանդեպ ունեցած վերաբերմունքի մասին մտորում են Բելոռուսի, Գերմանիայի, Հայաստանի, Մոլդովայի, Ռուսաստանի, Վրաստանի, Ուկրաինայի գիտնականներն ու քաղաքացիական հասարակության ներկայացուցիչները: Այդ մտորումների կիզակետում հատկապես հետխորհրդային հասարակություններում արտիկուլացվող դիսկուրսներն ու գործադրվող որակ-տիկաներն են: Վերջիններս վերաբերում են այնտիպի աստարեզների, ինչոփսիք են տընտեսությունը, արվեստը, գիտությունը, կրթությունը, մշակութային լանդշաֆտը, քաղաքացիական հասարակությունը և այլն: Երեք՝ «Պատմական հիշողության հիմնահարցեր», «Հասարակական կառույցների փոխակերպումներ» և «Քաղաքացիական հասարակության լինելիությունը» ենթախորագրերի ներքո հոդվածագիրները բարձրացնում են հետևյալ հարցերը.

- Ինչո՞ւ է իրականացվել հասարակությունների խորհրդային արդիականացումը:
- Որքանո՞վ է խորհրդայինը շարունակում «ներկա լինել» հետխորհրդային երկրներում և հասարակություններում:
- Ընդհանրապես ինչոփսի՞ վերաբերմունք է ձևավորվել այս հասարակություններում խորհրդային անցյալի, իրադարձությունների ու գործիչների նկատմամբ:
- Ինչո՞ւ է ներկայացվում խորհրդային շրջանը, դրա այս կամ այն դրվագը, և ինչոփսի՞ քաղաքականություններ են կիրառվել ու կիրառվում այս մարզում ԽՍՀՄ փլուզումից հետո:
- Վերոհիշյալ համատեքստում ինչո՞ւ են փոխազդում տարբեր դերակատարներ, օրինակ՝ իշխանություններն ու քաղաքացիական հասարակությունը:
- Կայացե՞լ է արդյոք քաղաքացիական հասարակությունն այս երկրներում:
- Ինչո՞ւ է քաղաքացիական հասարակությունը փոխակերպվել և ինչոփսի՞ դեր է խաղացել ու շարունակում խաղալ վերջին տասնամյակների ընթացքում:
- Ի վերջո, հաջողվե՞լ է հետխորհրդային երկրներին շրջել հետխորհրդային անցման էջը, թե՞ ոչ:

Հեղինակների կողմից այս և այլ շաղկապված հարցերի քննությունը վեր է հանում և ի ցույց դնում հետխորհրդային անցման ինքնատիպ կողմերը, դրա «զինը», բարդությունն ու ոչզձայնությունը:

The collection includes scientific articles, which are based on papers, presented at the two conferences, “*Soviet – Post-Soviet – Post-Post-Soviet: Imperial Heritage, Nation Building and Eastern Partnership*” and “*The Post-Soviet Civil Societies in Political Discourse.*” They took place in the autumn of 2018 and in the spring of 2019 in Yerevan. After the collapse of the Soviet Union, the states, formed in that space, entered a stage of fundamental economic, political, cultural changes. As a result, it became clear that in the various spheres, on the one hand, there were certain tensions between the past and the present, and on the other hand, there were common features. Hence, it is quite natural that so far the attitude in these countries and societies towards the Soviet past is ambivalent .

In the collection, the scholars and representatives of civil societies from Armenia, Belarus, Georgia, Germany, Russia, Ukraine are reflecting on the post-Soviet experiences in general, transformations and their effects taken. Those reflections are especially focused on articulated discourses and enacted practices in the post-Soviet societies. They have to do with the spheres such as economy, art, science, education, cultural landscape, civil society etc. Within the three chapters, “*Issues of Historical Memory,*” “*Transformations of Social Structures*” and “*Becoming of Civil Society,*” the authors of the articles are raising the following questions:

- How was the Soviet modernization of societies realized?
- How much does the Soviet continue “to be present” in the post-Soviet countries and societies?
- In general, what attitude has been formed toward the Soviet past, events and actors in these societies?
- How are the Soviet period, this or that episode of it represented, and what politics have been enacted and continue to be enacted in this area after the collapse of the Soviet Union?
- How are different actors, for instance, authorities and civil society interrelated in the aforementioned context?
- Is civil society accomplished in these countries?
- How has civil society been transformed, and what role has it been playing during the last decades?
- In the end, have the post-Soviet countries succeeded in turning the page of the post-Soviet transition or not?

The examination of these and other related issues by the authors reveals and manifests the unique aspects of the post-Soviet transition, its “costs,” complexity and non-linearity.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

д-р Томас Шрапель – руководитель Региональной программы Фонда Конрада Аденауэра «Политический диалог Южного Кавказа». Изучал историю и археологию в Берлинском университете имени Гумбольдта. В 1982 – 1985 гг. преподавал в том же университете. Затем работал научным сотрудником в Берлинском музее Пергамон. В 1989 – 1993 годах – научный сотрудник в Трирском университете. В 1993 получил степень доктора исторических наук по специальности античная история и археология. В том же году – политический советник в Фонде Конрада Аденауэра. В 1998 – 2003 годах – политический советник в немецком Бундестаге. В 2004 – 2010 годах руководил Монгольским отделением Фонда Конрада Аденауэра, в 2010 – 2012 годах – политический советник исследовательского департамента ФКА. В 2012 – 2016 годах был главой Албанского отделения ФКА. С марта 2016 года руководитель Региональной программы «Политический диалог Южного Кавказа».

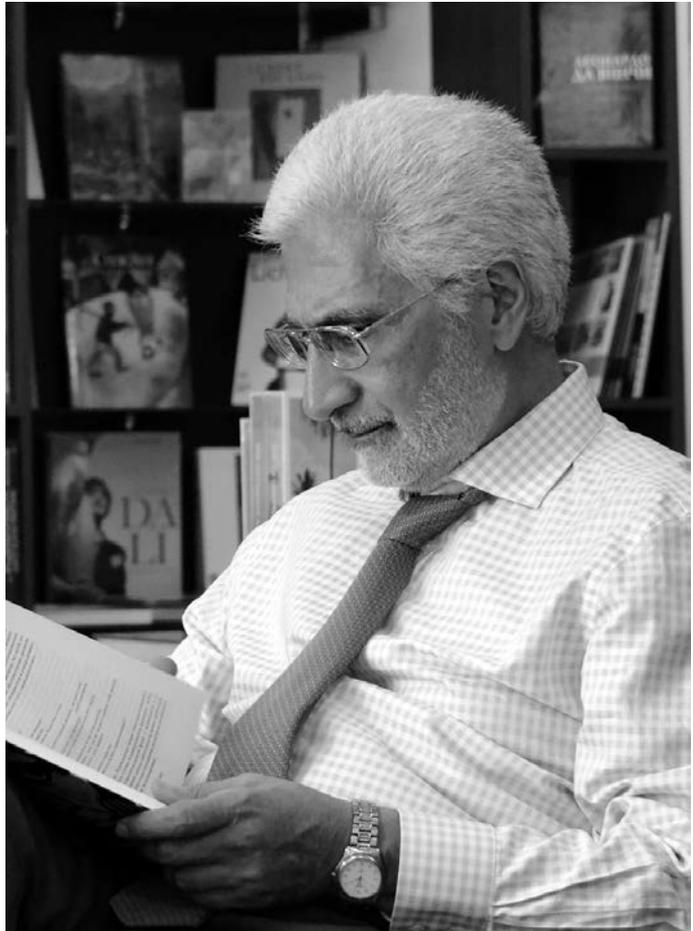
д-р Томас Шрапель (Германия) / Thomas.Schrapel@kas.de

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Ашот Восканян – доктор философских наук, доцент. Преподает в Американском и Славянском университетах Армении. Сфера научных интересов – методология социальных наук, философская герменевтика, теории рациональности и социальной модернизации, проблемы национальной идентичности. Автор более пятидесяти научных публикаций, в том числе двух монографий. Президент Армянского центра гуманитарных исследований, составитель и главный редактор двух Ежегодников Центра. В 1990 – 1995 годах – депутат и член Президиума Верховного Совета РА. Позже был членом Национального собрания РА, а также членом Конституционной комиссии РА и делегатом Национального церковного совета. В 1995 – 2002 годах был послом РА в ряде европейских стран, в том числе Австрии и Германии, и представителем Армении в ряде международных организаций. В 2002 – 2017 годах занимал ряд постов в МИДе РА.

Ашот Восканян (Армения) / ashot.voskanian@gmail.com

22

на обложке:
вагрич бахчанян / реклама журнала 22

редактор
наира мкртчян

перевод
ануш маркарян
левон саркисян

корректор
наира мкртчян

дизайнер
мкртыч матевосян

 **KONRAD
ADENAUER
STIFTUNG**

 ARCHumanities
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԵՏԱԳՆՈՒԹՅԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԵՏԱԳՆՈՒԹՅԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

Фонд имени Конрада Аденауэра является политическим фондом, близким по своим основным принципам к одной из ведущих партий ФРГ – Христианско-Демократическому Союзу (ХДС). В Германии 16 региональных офисов предлагают широкий спектр конференций и мероприятий по гражданскому образованию. Наши офисы за рубежом отвечают более чем за 200 проектов в более чем 120 странах. Основанный в 1955 году как «Общество христианско-демократического гражданского образования», Фонд принял имя первого федерального канцлера в 1964 году.

В целях обеспечения мира и свободы, мы поддерживаем непрерывный внешнеполитический диалог, направленный на сохранение безопасности, а также обмен между культурами и религиями. Свобода, справедливость и солидарность являются руководящими принципами работы Фонда имени Конрада Аденауэра.

Целью Армянского центра гуманитарных исследований являются дисциплинарные и междисциплинарные исследования в различных областях знания (политологии, социологии, культурологии, литературоведения, философии и т. д.), ориентированные на модернизацию армянского общества, а также публицистическая, научно-организационная, научно-образовательная и издательская деятельность, осуществляемая на основе полученных исследовательских результатов.

ISBN 978-9939-1-0969-5

9 789939 109695